

504.6

ИЧ64

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

РАННЕСКИФСКИЕ
КУРГАНЫ
БАССЕЙНА
р. ТЯСМИН
(VII—VI вв. до н. э.)

X

Монография посвящена вопросу перехода от предскифского к раннескифскому времени у племен Правобережной Днепровской Лесостепи. В ней осуществлен археологический анализ большого фактического материала из раскопок курганов раннескифского времени на этой территории, уточнена археологическая периодизация. Рассматриваются вопросы о взаимоотношении племен Правобережья с населением Левобережной Лесостепи, племенами Степного Причерноморья и Днестро-Дунайского бассейна.

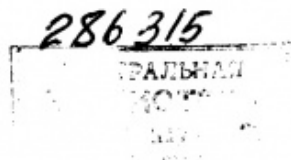
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

кандидат исторических наук Г. Т. КОВПАЧЕНКО

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

кандидаты исторических наук

Е. В. МАКСИМОВ, А. И. МЕЛЮКОВА

Редакция археологии

© Издательство «Наукова думка», 1975 г.

ВВЕДЕНИЕ

Работая над изучением памятников скифского времени Посульско-Донецкой Лесостепи и над вопросами их происхождения, мы пришли к заключению, что в Среднем Поднепровье в раннем железном веке обитали две различные по истокам происхождения крупные этнические группы населения: правобережно-ворсклинская и посульско-донецкая. Первая из них восходит к местным культурам Правобережной Лесостепи — чернолесской, белогрудовской, а еще ранее — комаровско-тшинцевой, вторая — не имеет местных генетических корней в культурах периода бронзы и связана с переселением в Левобережную Лесостепь новых групп населения, являвшихся носителями посульско-донецкого варианта скифской культуры. Это население проникло сюда в начале VI в. до н. э., по всей вероятности, из южных районов степной Скифии [51; 56] *.

Мы решительно высказались против гипотезы о происхождении населения посульско-донецкой Лесостепи в связи с передвижением сюда определенной части племен из Лесостепного Правобережья и бассейна Ворсклы. Этот вопрос был разработан нами с «позиций Левобережья», хотя мы отчетливо представляли себе, что для полного и всестороннего обоснования данной точки зрения необходима соответствующая развернутая проработка архаических памятников Правобережья, если не во всей совокупности имеющихся данных, то по крайней мере в какой-то наиболее существенной, решающей части. Это заставило нас обратиться к тому огромному массиву, который составляют памятники Тясминского бассейна, где в дореволюционное время оказалось раскопано около 600 курганов.

Эти памятники составляют сложное и чрезвычайно запутанное «наследство» из раскопок А. А. Бобринского в окрестностях Смелы и в меньшей степени из материалов раскопок Н. Е. Бранденбурга, В. В. Хвойки, Д. Я. Самоквасова и некоторых других археологов.

Тясминские курганы не раз привлекали к себе внимание исследователей и служили темой для крупных обобщающих работ. Один из первых опытов в этом направлении был сделан А. А. Спицыным в его известной работе «Курганы скифов-пахарей» [ИАК, 64], где памятники Правобережной группы составляют крупный раздел, наряду с

* Цифры в скобках обозначают порядковый номер работы в списке литературы.

другими курганами земледельческих групп населения Скифии. Работа А. А. Спицина имела большое значение в развитии отечественного скифоведения не только потому, что им был собран огромный, исчерпывающий для своего времени материал о памятниках оседлого населения земледельческой Скифии, а потому, что им была сделана попытка создать и обосновать хронологическую шкалу развития скифских памятников на основании типологической разработки основных категорий вещей скифской культуры. Эта задача была им выполнена в первую очередь на памятниках Тясминской группы. Предложенное А. А. Спициным деление скифских погребений данной территории на «курганы старшей скифской культуры» (типа старших курганов Журовки), «курганы среднескифского периода» (младшего Журовского) и курганы «позднескифского периода» прочно вошли в обиход науки.

В этом отношении А. А. Спицин значительно опередил М. И. Ростовцева, который в качестве исходных данных при определении времени памятников и их культуры принимал импортные вещи восточноиранского и греческого происхождения и, недооценивая местные материалы, допустил ряд фактических ошибок и просчетов в определении скифской архаики.

Основные ошибки были допущены А. А. Спициным при выделении погребений наиболее ранней, переходной группы от доскифского к скифскому времени, хотя интуитивно ряд погребений Правобережья был отнесен им к этому периоду правильно. Основным признаком таких захоронений А. А. Спицин считал черты скорченности и окрашенности, пережиточно встречающиеся в погребениях разных периодов. На основании неправильно выделенных признаков А. А. Спицин отнес ряд поздних памятников к группе более ранних и наоборот: большое число архаических курганов было отнесено им к числу «старших журавских». Несмотря на отдельные ошибки, подобную попытку выделения древнейшей, переходной от доскифской к скифской поро, группы из числа погребений Правобережья, в работе А. А. Спицина следует считать плодотворной, значительно опередившей современный ему этап науки.

Дальнейшие шаги в разработке памятников скифской архаики сделаны Б. Н. Граковым [34] и Б. З. Рабиновичем [125], сумевшими в своих исследованиях преодолеть довлевшие над умами и ставшие традиционными ошибочные датировки М. И. Ростовцева. Ими был намечен основной методологический подход к разработке периодизации раннескифских памятников Лесостепной полосы, сущность которого заключается в том, что при определении времени они руководствовались всем комплексом находок каждого отдельно взятого погребения. Кроме того, опираясь на комплексы, датированные находками вещей греческого импорта, им удалось уточнить хронологические признаки в массовом скифском материале, превращая его, таким образом, в опоры для датировки. Первые шаги в разработке таких широко распространенных скифских предметов, как наконечники стрел и железные мечи, были сделаны к тому времени в работах П. Д. Рау [193] и В. Гинтерса [188]. В дальнейшем при изучении памятников скифской архаики особые труд-

ности составило определение памятников древнейшего периода, время которых выходит за рамки хронологии, устанавливаемой по находкам античного импорта начиная с VI в. до н. э.

Послевоенный период отмечен рядом крупных успехов в изучении памятников скифской архаики Северного Причерноморья, в том числе и на территории Среднеднепровской Правобережной Лесостепи. Одним из первых к этой теме обратился П. Д. Либеров [79; 80, стр. 132 и сл.]. Опираясь на правильную в своей основе периодизацию А. А. Спицина, он подверг критической оценке методические ошибки и фактические погрешности в работе последнего, и привел эту периодизацию в соответствие с современной методикой исследований и уровнем представлений о путях и особенностях развития скифской материальной культуры от конца VII до IV—III вв. до н. э. П. Д. Либеров в основных чертах определил главные признаки скифских комплексов различных периодов для всех групп скифской культуры Среднего Поднепровья и создал стройную систему датирующих признаков в применении к различным группам скифского мира. Однако при столь широком хронологическом и территориальном диапазоне П. Д. Либеров, естественно, не мог дать специальный анализ погребений архаической поры на Правобережье. Определение времени древнейших памятников дано им в тех же пределах и той же номенклатуре, что и у А. А. Спицина.

Приблизительно в это же время в работах ряда украинских археологов начали вырисовываться и приобретать все более определенные контуры памятники предскифского времени на Правобережье, относящиеся к концу периода бронзы и началу железа: белогрудовская и чернолесская культуры. Обоснования датировок этих культур и их историко-культурное опосредование даны в специальных исследованиях А. И. Тереножкина [139, 142, 144]. Было установлено, что чернолесская культура является генетической предшественницей распространенной здесь поздней культуры скифского типа, причем между памятниками VI в. до н. э., представленными курганами старшего журавского типа и чернолесской культурой, находится определенное промежуточное переходное звено, существование которого в свое время предугадал еще А. А. Спицин.

Эта переходная группа была выделена Е. Ф. Покровской на материалах поселения на Тарасовой Горе близ с. Жаботин и древнейших курганах Тясминской группы. Е. Ф. Покровской хорошо удалось проследить развитие форм материальной культуры раннескифской поры от генетически предшествующей ей чернолесской и постепенный переход в культуру развитого скифского времени. По имени ведущих памятников (курганов и поселения у с. Жаботин) этот этап получил название жаботинского. Е. Ф. Покровской удалось исправить некоторые ошибки, допущенные П. Д. Либеровым при определении отдельных памятников (курган № 185 на р. Тинетинка) и наметить основу относительной хронологии ранних курганов Тясминской группы [115; 116; 117; 118; 30; 121].

Несмотря на значительный вклад, внесенный Е. Ф. Покровской в разработку этого вопроса, рассматриваемая тема осталась далеко

не исчерпанной. Е. Ф. Покровская оперировала выборочным материалом, и поэтому весь объем ранних памятников остался ею неохваченным, невыделенным из общей суммы источников. Тясминская арханка по-прежнему остается достоянием лиц, имевших возможность затратить много времени и усилий на проработку отчетов по архивам и изданиям, сличение их с музейными коллекциями в попытке восстановить комплексы.

Вся эта работа затрудняется неполнотой и неясностью публикаций, сложностью пользования огромными фондами Киевского исторического музея, запутанными еще при составлении музейного собрания и пострадавшими во время оккупации Киева. В литературе, в научном обиходе обычно фигурирует лишь несколько (до двух десятков) наиболее ярких и хорошо опубликованных памятников, тогда как общая картина остается затемненной и скрытой. При этом ускользает масштабность явлений и целый ряд существенных сторон в развитии культуры этого важного переходного периода. Недостаточно выразительна общая картина погребального обряда и выделение основного состава культурного комплекса в сравнении с памятниками последующего и предыдущего этапов, ускользает динамика развития.

Что касается памятников V—IV вв. до н. э., то им посвящены специальные исследования В. Г. Петренко, включившей в свою работу не только памятники бассейна Тясмина, но также Каневщины и Киевской группы. Результаты исследований В. Г. Петренко изложены ею в двух обобщающих трудах [108; 109], наиболее полной из которых является работа, опубликованная в «Своде археологических источников». Материал этого периода обработан автором с большой полнотой по разделу погребального обряда и всему комплексу материальной культуры.

Весьма существенным недостатком указанной работы с нашей точки зрения является то, что В. Г. Петренко не представила комплексы памятников, являющихся первоосновой работ такого рода и тем самым не облегчила доступ к археологическим первоисточникам. Огромная работа, проделанная автором, осталась поэтому «за кулисами» и при малейшей попытке составить свое собственное представление, читатель вновь должен повторять этот нелегкий труд¹.

Очевидно, в настоящее время необходимы работы, которые вбирали бы в себя и перекрывали старые, давно ставшие библиографической редкостью, издания, извлекая из них максимум полезной информации, упорядочивая и систематизируя их, но в то же время оставляя полную возможность для проверки авторских толкований.

В результате всех этих исследований и проработок для территории Правобережья была выработана непрерывная культурно-хронологическая шкала последовательного развития культур от конца позднебронзового века, через весь скифский период и к последующему этапу,

представленному памятниками зарубинецкой культуры. В свете современных представлений она может быть представлена так:

Белоградская культура конца бронзового века	XII—IX вв. до н. э.
Чернолесская культура рубежа бронзы и начала железа (первая ступень)	IX—VIII вв. до н. э.
Чернолесская культура (вторая ступень)	VII — начало VI в. до н. э.
Жаботинский (переходный) этап скифского периода	середина — конец VI в. до н. э.
Старшая журавская группа	V в. до н. э.
Младшая журавская группа	IV — начало III вв. до н. э.
Позднескифские памятники	конец III в. до н. э. —
Корчеватовский период	I в. н. э.

Периодизация памятников конца периода бронзы и раннего железного века, выработанная для территории Правобережья, легла в основу разработки хронологической периодизации ряда других групп скифской культуры Степи и Лесостепи. Для уточнения датировки ряда памятников и их относительной хронологии большое значение имело изучение предметов античного импорта, найденных во многих погребениях Правобережья. За последние годы весь состав предметов греческого производства VII—III вв. до н. э. заново пересмотрен в работах Н. А. Онайко [103; 104; 105; 106]. Ею уточнена абсолютная датировка многих античных вещей и освещены различные стороны торговых связей населения Скифии с греческими городами Северного Причерноморья и метрополий.

В настоящее время установлено, что на базе белоградско-чернолесского культурного субстрата в Днепровском Правобережье сформировалась культура ряда родственных племен, среди которых в раннем железном веке могут быть выделены локальные подразделения памятников Западной и Восточной Подолы, Волины и большая группа племен киево-черкасского приднепровского ареала [60, стр. 75 и сл.]. В пределах последнего намечаются локальные подразделения памятников бассейна р. Тясмина, Поросья и северного Киевского региона. Эта большая группа родственных этнокультурных образований различается между собой степенью сохранения ранних доскифских традиций (Волинь), чертами, сложившимися в результате контакта с культурами Поднестровья (Западная и Восточная Подолы) и степенью воздействия культуры степного скифского мира, оказавшейся наиболее сильной и продолжительной в Приднепровской (Киево-Черкасской) части, а в ее пределах — в самом южном, пограничном со степью Тясминском регионе. Эта территория в VI—IV вв. до н. э. была теснейшим образом связана с судьбами степного скифского мира. Связь со степью была настолько тесной и органичной, что не исключено проникновение сюда на каком-то этапе определенной части скифо-иранского этнического элемента. Это проникновение отчетливо прослеживается на материалах V и особенно IV вв. до н. э. (погребения в скифских катакомбах на Тясмине).

¹ Сводные таблицы в приложении [109, стр. 62—91] не заменяют покомплексных описаний. Вещевой состав здесь оторван от описания погребения, в ряде случаев сделаны ссылки не на конкретно найденные предметы, а лишь на их тип.

В культурно-историческом плане особый интерес Правобережья заключается в том, что обитавшее здесь население, оставаясь неизменным в своем основном этническом ядре, переживало сложную культурную эволюцию, непрерывный процесс видоизменения культурного комплекса от чернолесской культуры к культуре скифского типа, а затем — к корчеватовской. Именно выяснение специфичной доскифской подосновы сделало очевидным, что в пределах традиционных рамок Геродотовой Скифии помимо собственно скифов обитали племена и народы нескифские по происхождению и этносу, воспринявшие в большей или меньшей степени скифскую культуру, а затем утратившие ее и давшие основу новому культурному образованию. Это обстоятельство послужило серьезной причиной для существующей ныне дискуссии по вопросам общих понятий «Скифия» и «скифская культура», а также проблемам этнического состава населения Скифии.

В настоящее время назрела насущная необходимость разобраться в механизме этого процесса, тем более, что за последние годы выдвигается мнение, что территории, заселенные нескифскими племенами, являлись определенными центрами, где вырабатывался ряд элементов культуры, ставших впоследствии общескифскими, что здесь находились очаги формирования скифской культуры. Вследствие такого подхода скифская культура расценивается не как культура определенного народа, явившегося ее первоносителем, а как общий результат развития восточноевропейских северопричерноморских племен на грани перехода от бронзы к железу, слившихся затем в общую культуру, получившую название скифской. Наиболее отчетливо эта точка зрения была сформулирована на скифской конференции 1966 г. в докладе и выступлениях Б. А. Шрамко [176, стр. 92 и сл.].

Естественно, что при решении этих вопросов надо исходить из фактического материала и, прежде всего, из рассмотрения наиболее раннего переходного звена, относящегося ко времени формирования и сложения скифской культуры.

Именно с этой целью мы обращаемся к арханческим курганам Тясмина, занимающим промежуточное положение между чернолесской культурой предскифского времени и развитой скифской порой времени младшей журавской группы, охватывающим время VII и VI вв. до н. э. и включающим два культурных этапа: жаботинский и старшежуравский. Большое количество исследованных здесь арханческих курганов, а также наиболее южное положение на границе с кочевой степью способствуют постановке этой задачи.

В данной работе мы постараемся проследить процесс, по которому протекала «скифизация» аборигенного земледельческого населения, уяснить те культурные элементы, которые явились вкладом местных племен в позднейшую скифскую культуру в целом, а также и те, которые остались унаследованными от предскифского времени в рамках данной локальной группы и, наконец, определить ту сумму черт и явлений культуры, которые были восприняты извне под влиянием южнскифской группы и проследить нарастание «скифизации» от начальных эта-

пов к тому времени, когда скифский элемент прочно возобладал в памятниках данной территории.

В свете такой постановки вопроса выдвинутая нами первоначально задача об особенностях путей становления скифской культуры в Правобережной и Левобережной Лесостепи отступает на задний план, становясь как бы второстепенной. Но в то же время сопоставление этих двух групп в период арханки «с позиций Правобережья» сохраняет решающее значение для понимания генетических истоков посульско-донецкой группы.

Осуществлению этой задачи должно предшествовать выделение всего активного фонда имеющихся в нашем распоряжении памятников арханческого периода по основным исследованным группам из остальной массы курганов, относящихся к эпохе бронзы, неопределимых или же относящихся к более поздней поре.

Задача эта не является легкой, так как в публикациях А. А. Бобринского, которые служат нашими главными источниками, погребения этого времени описаны в ряде случаев очень неясно, разбросаны среди массы разнородного обезличенного материала. Определение многих погребений могло быть сделано только после сличения описаний с вещами, хранящимися в Киевском историческом музее и Государственном Эрмитаже. Описание погребального обряда часто бывает очень нечетким, состав находок сохранился не полностью. Еще более трудной является работа над материалами из раскопок В. В. Хвойки, в большинстве своем депаспортизованными. В собрании Киевского исторического музея имеется шкаф с арханческой керамикой правобережного типа, целой и в обломках, паспорт которой оказался утраченным. В наибольшем порядке находится группа материалов из раскопок Н. Е. Бранденбурга, терпеливо восстановленных по комплексам сотрудниками Государственного Эрмитажа, а также небольшая часть вещей из раскопок Д. Я. Самоквасова, хранящихся в Московском историческом музее.

РАННЕСКИФСКИЕ КУРГАНЫ БАССЕЙНА р. ТЯСМИН (Свод источников)

В географические рамки рассматриваемой группы входит в основном система р. Тясмин, где А. А. Бобринским были произведены большие раскопки в окрестностях Смелы (нынешней Черкасской области), а также там, где притоки верховьев Тясмина близко соприкасаются с правобережными притоками р. Тикич (притока Синюхи, входящей в систему Южного Буга), в верховье Ингула и Ингульца в северной части Кировоградской области (рис. 1; 2).

Ниже мы приводим описание памятников, располагая их для удобства в алфавитном порядке. Описанию археологических курганов и погребений мы предпосылаем топографическую характеристику памятника (в том случае, когда она была дана исследователем); приводим также общие данные о составе курганов, объединенных под именем того или иного селения или урочища с указанием количества исследованных памятников и основных публикаций. При описании могильников из общего числа исследованных курганов выделяются курганы, относящиеся к периоду бронзы и скифские захоронения, оказавшиеся впускными в курганы бронзового века. Выделяются курганы, время которых осталось неизвестным или неуточненным из-за полной разрушенности погребений. Из числа захоронений скифского времени выделяются погребения, относящиеся к архаической (VII—VI вв. до н. э.), средне-скифской (конец VI—V вв. до н. э.) и поздне-скифской (IV—III вв. до н. э.) поре.

Такой предварительный разбор позволяет дать наиболее объективную характеристику курганных групп в целом, с точки зрения их топографии, состава разновременных памятников, а также помочь исследователям ориентироваться в сложной и запутанной системе нумерации, распределения по группам и размещения на карте многочисленных курганов, исследованных на Тясмине А. А. Бобринским и другими исследователями.

Курганы у с. Болтышка (рис. 1, 23)

В этой местности крестьянами было раскопано два кургана. *Курган № 1* (Древности, т. 25. М., 1916, стр. 47, табл. VI—VII). Выявлены остатки деревянного склепа, в котором найден верх большого родосско-милетского сосуда с росписью (см. табл. XX, 4), относящегося

ся ко второй четверти VII в. до н. э. [105, № 1] и «черепки наподобие чайных блюдечек».

Курган № 2 [каталог XI АС, стр. 65]. Раскрыт случайно. В нем найдены: железный наконечник копья лавролистной формы, бронзовые наконечники стрел, бронзовые удила, глиняный кубок с резным орнаментом.

Курганы у с. Грушевка (рис. 1, I)

Село Грушевка расположено на левом берегу речки Косарки, притока реки Тясмин. Напротив села над правым берегом реки был расположен ряд курганов, образующих большой могильник, тянувшийся примерно на 1 км над самой Грушевкой. В окрестностях с. Грушевки между селами Грушевкой и Ребедайлвкой А. А. Бобринским раскопано 14 курганов (№382—395) [ИАК, 4, стр. 37—49].

Время пяти курганов (№ 386, 388, 389, 393, 394) неясно. По обстановке погребений, наличию в ямах деревянных склепов, упоминанию находок бронзовых наконечников стрел и обломков сосудов «греческого дела» можно предположить, что по крайней мере первые четыре из них не принадлежат к числу древнейших скифских курганов.

К IV в. до н. э. относятся два кургана (№ 385, 387).

К раннему V в. до н. э. относятся три кургана (№ 382, 383, 392). Из них наибольшей известностью пользуются два первых, относящихся к числу наиболее ранних памятников младшей журавской группы.

К VI в. до н. э. можно отнести погребения в четырех курганах (№ 384, 390, 391, 395), из них к жаботинскому времени принадлежит курган № 391. Из состава отмеченных погребений два (№ 382, 384) оказались впускными в курганы эпохи бронзы.

Курган № 384 [ИАК, 4, стр. 43]¹. Высота 1,85 м. По-видимому, скифское погребение было впускным в курган эпохи бронзы. В насыпи найдены части разброшенного человеческого скелета и глиняная «чарка». Кроме того, в насыпи и на уровне грунта открыто еще два

¹ Во всех нижеприведенных случаях даются описания архаических погребений VII—VI вв. до н. э.

Рис. 1. Памятники бассейна р. Тясмин:

(Курганы: 1 — с. Грушевка; 2 — с. Гулай-Город; 3 — с. Жаботин; 4 — с. Михайловка (6. Прусы); 5 — с. Райгород; 6 — с. Журовка; 7 — с. Константиновка; 8 — с. Кошарка; 9 — с. Макеевка; 10 — с. Оситняжка; 11 — с. Пастырское; 12 — с. Рыжановка; 13 — уроч. Секирно; 14 — с. Старосельцево; 15 — с. Теклино; 16 — р. Ташлык; 17 — р. Тенетинка; 18 — с. Турия; 19 — г. Шпола (села Матусов, Коломиево); 20 — г. Шпола (уроч. Дарьевка); 21 — уроч. Холодный Яр; 22 — с. Яблунька; 23 — с. Болтышка; 24 — с. Мартоноши; 25 — с. Мошны, Городища: 1 — Матронинское; 11 — Плискачевское; 111 — Шаровское; IV — Пастырское (A — городища, B — курганы).

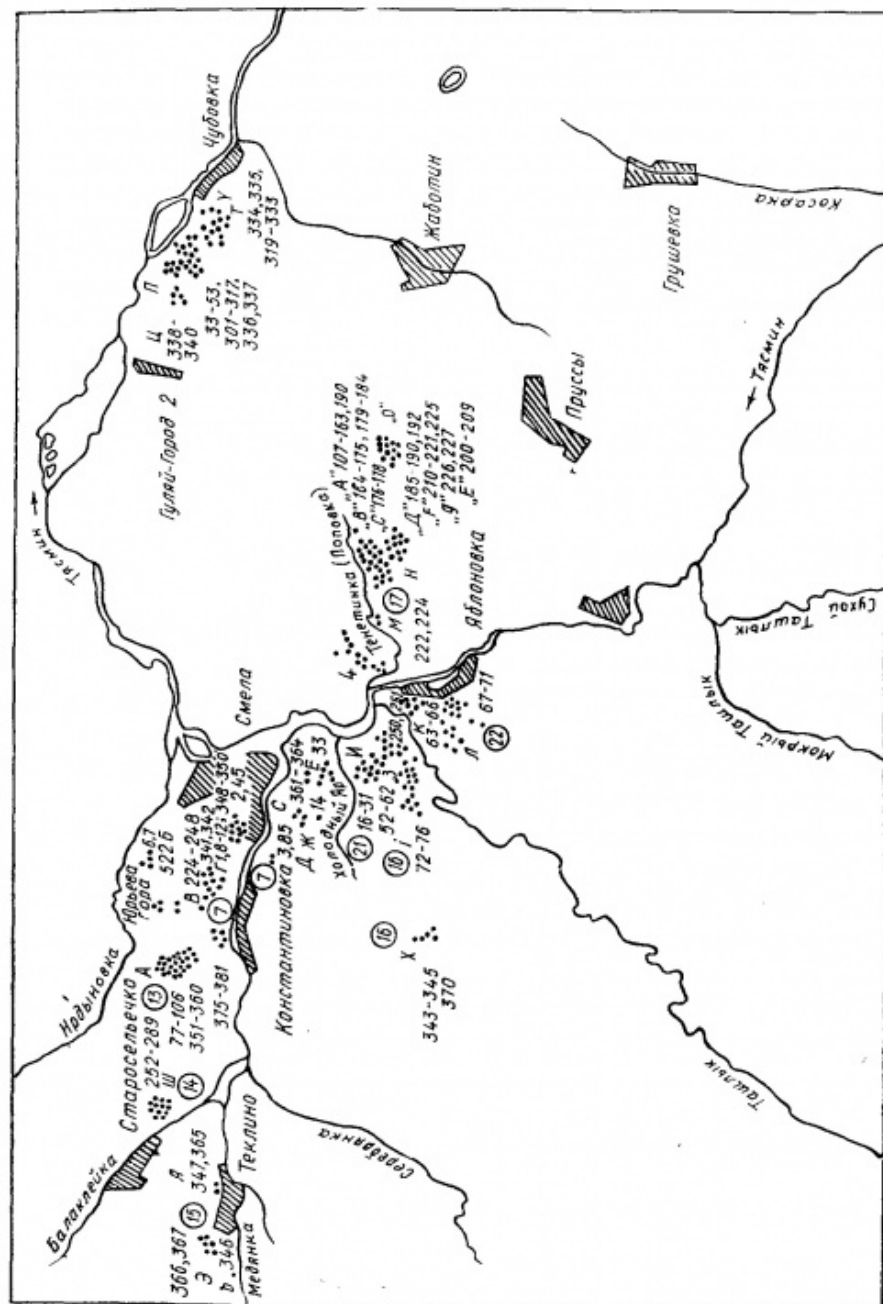

Рис. 2. Курганы, раскопанные А. А. Бобринским в окрестностях Смелы.

погребения с сосудами (время неясно). Центральная яма содержала скорченный скелет с отточенным кремневым острием.

Курган № 390 [ИАК, 4, стр. 46]. Высота 2,65 м. В насыпи следы сожжения: жженные красная земля и разбросанные человеческие кости, в сопровождении обломка гладкого костяного псалия так называемого древнего типа. Кроме того, под насыпью кургана находилась разграбленная округлая яма диаметром около 1 м, в которой была найдена большая глиняная миска на вазообразной ножке. Относятся ли обе находки к одному или к двум различным погребениям — сказать трудно. Последнее кажется нам более вероятным.

Курган № 391 [ИАК, 4, стр. 47]. Высота 2 м. Раскопан крестьянами. В насыпи найден чернолощенный черпак с резной орнаментацией заполненной белой массой (табл. 1, 3). Кроме того, в насыпи найдены отдельные кости юноши. В грунте открыта большая могильная яма неправильной формы, глубиной около 1 м, с обломками человеческих костей. Соотношение погребений в грунте и насыпи неясно.

Курган № 395 [ИАК, 4, стр. 49] у с. Ребедайловки. Высота 5 м. В кургане оказалась гробница с деревянным склепом, основание которого находилось в яме СЗ — ЮВ, размерами $5,4 \times 4,5 \times 0,7$ м, а деревянный накат, перекрывавший гробницу, оказался на глубине 4,3 м от вершины кургана. Вдоль стен могилы по дну шли канавки. В числе выброшенных грабителями вещей над ямой были найдены: небольшой орнаментированный костяной набалдашник (не сохранился), верхняя часть бронзовой булавы с гвоздевидной головкой и рубчиками на стержне и небольшой, глубокий, заглаженный до лощения черпачок с отбитой ручкой. Поверхность коричневая с темными пятнами (табл. 1, 1, 2).

В Киевском историческом музее из находок в Грушевке хранятся кинжал архаического типа (табл. 1, 6), сосуд типа банки с суженным кверху краем (табл. 1, 4) и железный трехлопастный наконечник стрелы (табл. 1, 5).

Курганы у с. Гуляй-Город (рис. 1, 2)

В окрестностях с. Гуляй-Город А. А. Бобринский раскопал 61 курган (№ 33—53 [Смела, I, стр. 100—109, 301, 340] и № 301—340 [Смела, II, стр. 42—48]). По описанию А. А. Бобринского на правом высоком берегу Тясмина, в 5 км ниже Гуляй-Города, между селами Гуляй-Город и Чубовка находилось множество курганов, располагавшихся несколькими группами.

Центральное место занимал расположенный в двух местах на Тясмином могильник (рис. 2, П), насчитывавший более 400 курганов высотой от 0,35 до 2,8 и даже 3,5 м. Насыпи были расположены очень тесно — одна возле другой. Ко времени начала работ местность лишь недавно оказалась очищена от леса. Здесь были раскопаны курган № 33—53, 301—317, 336—337.

Второй могильник расположен к югу от предыдущего, ближе к деревне Чубовка (рис. 2, Т). Количество насыпей не указан.

В пределах этого могильника исследованы курганы № 319—333. В третьем могильнике (рис. 2, У) на мысу над берегом Тясмина раскопаны курганы № 334—335. В четвертом могильнике (рис. 2, Ц), где находилось «несколько» курганов, исследованы курганы № 338—340.

В 43 случаях время курганов оказалось неясно (№ 34—37, 44—47, 50, 51, 53, 301—307, 309—313, 315—318, 320—322, 324, 325, 328, 329, 331—333, 335—337, 339, 340). К IV в. до н. э. относится курган № 326, а к V в. до н. э. — № 323.

К архаической поре относятся 16 курганов. Из них ко времени старшей журавской группы — 12 погребений (курганы № 33, 38, 40, 41, 42, 43, 48, 49, 308, 319, 330, 338) и четыре кургана (№ 52, 314, 327, 334) к жаботинской поре. Погребение VI в. до н. э. в кургане № 41 оказалось впускным в курган комаровской культуры.

Курган № 33 [Смела, I, стр. 104]. Высота 1,4 м, погребение находилось в неглубокой могильной яме, В—З, размерами 3,5 × 2,1 × 0,35 м. Захоронение женское. Скелет истлел, обратившись в пыль. Найдены: кусочки угля, овальное каменное блюдо (не сохранилось), два бронзовых проволочных браслета, ожерелье из необработанных кусков янтаря, сердолика, несколько бус из темного камня (табл. I, 7—9), а также железный нож со следами деревянной рукоятки.

Курган № 38 [Смела, I, стр. 100]. Принадлежит к числу наиболее выдающихся памятников архаической Скифии. Высота 2,1 м. Могильная яма в грунте, квадратная, размерами: 2,8 × 2,8 м, ориентирована по сторонам света, глубина — 2,1 м. В могиле деревянный склеп с четырьмя угловыми столбами, полом и перекрытием. В гробнице находилось парное погребение. Скелет, лежащий головой на север у восточной стороны, оказался не нарушен. Второй, у южной стены, — разбросан (табл. II, I).

В погребении найдены следующие предметы мужского инвентаря: железный длинный наконечник копья (не сохранился), следы кожаного колчана и в нем 150 бронзовых наконечников стрел (табл. II, 2—20) архаических типов: двухлопастных, трехлопастных, несколько шиполистных, один большой двухлопастный (табл. II, 20), части не менее чем от трех уздечек. В описании упоминаются бронзовые и железные удила (не сохранились), обломки не менее чем от трех пар костяных псалий. Помимо опубликованных у Бобринского обломков псалий с головками коня и копытами (табл. II, 24, 25, 38, 39) в Киевском историческом музее хранятся числящиеся происходящими из этого комплекса обломки костяных псалий (табл. II, 40, 41, 44), в их числе — нижний конец псалия с прекрасным изображением конского копыта (табл. II, 40), средняя часть псалия с прямоугольными утолщениями в местах трех отверстий с изображениями конских копыт на нижней боковой стороне (табл. II, 41), обломок костяного псалия (?) четырехугольного в сечении со следами пяти круглых отверстий (табл. II, 44). К числу принадлежностей конской узда относится ряд пряжек-пронизок: костяная в виде цилиндрика (табл. II, 21); девять бронзовых, четыре украшены головкой барана (табл. II, 30, 31); две конусообразные, очевидно, имитирующие клык животного (табл. II, 29); три в виде орлиной

головки (табл. II, 32); две костяные пряжки-пронизы, наружная сторона которых оформлена в виде лошадиной головки в фас (табл. II, 35, 36).

Следует упомянуть также кусок костяного стержня с врезным рисунком в виде зигзага (табл. II, 42) и две фигурки животных — вырезанная из кости фигурка зайца (табл. II, 22) и бронзовая плохо сохранившаяся бляшка, «представляющая полусидящее четвероногое (кабан или лошадь?)» (табл. II, 23).

В числе предметов женского инвентаря следует прежде всего назвать бронзовое так называемое ольвийское зеркало с ручкой, кончающейся изображением бараньей головки (табл. II, 28); каменное блюдо с бортиком и при нем куски красной и желтой (может быть, сера) краски; ожерелье, в состав которого входят три крупные бусины из необработанного янтаря, несколько бусин из сердолика и пасты (табл. II, 43), колечко из спирально свернутой в два оборота бронзовой проволоки (табл. II, 26), обрывки трубчатой пронизы из спирально свернутой бронзовой ленты (табл. II, 33, 34). Кроме того, в таблицах А. А. Бобринского [Смела, I, табл. IX, 5, 12] числятся как относящиеся к этому комплексу, хотя и не упомянутые в описании, бронзовая проволочная фибула и булава со свернутой в петлю головкой (табл. II, 45, 46). По-видимому, их включение в комплекс ошибочно.

Курган № 40 [Смела, I, стр. 106]. Высота 2,8 м. Могильная яма в грунте, округлая, диаметром 4,2 м, глубиной 1,75 м. В могиле — остатки трех скелетов. В северной части — остатки истлевшего погребенного головой на запад, без вещей. Кроме того, в могиле находились два скелета головой на север. Рядом с умершим, лежащим в западном конце могилы, оказались обломки железных удила и ожерелье из крупных бусин (табл. III, 5): из них по одной из сердолика, розового и коричневого халцедона, две янтарные, семь пастовых. Скелет, расположенный в восточной части, лежал скорчено на правом боку, вещей не найдено. В заполнении ямы обнаружены части разбитой каменной известняковой плиты (не сохранилась) и обломки четырех костяных псалий от двух уздечек (табл. III, 1—4). Картина захоронения недостаточно ясна. По-видимому, это нарушенное захоронение воина (скелет головой на запад) в сопровождении женщины (у западной стороны могильной ямы) и слуги (скорченное захоронение).

Курган № 41 [Смела, I, стр. 102]. Высота 1,4 м. Основное захоронение этого кургана принадлежит ко времени комаровской культуры. Скифское погребение оказалось впускным в насыпь. Возле разрушенного скелета найдены: бронзовая гвоздевидная сережка (табл. III, 8), две бронзовые гвоздевидные булавки (табл. III, 6, 7), набор ожерелья из пастовых бус (табл. III, 9). Кроме того, упоминается находка железных удила. По-видимому, захоронение женское, а возможно, и разрушенное парное.

Курган № 42 [Смела, I, стр. 103]. Высота 1,7 м. Могильная яма в грунте, З—В, размеры 3,5 × 2,8 × 0,55 м. Прослежены следы деревянного перекрытия. В могиле найден истлевший скелет, который сопровождали две бронзовые булавки с гвоздевидными шляпками (табл. III, 10, 11, изображение дается нами по зарисовкам вещей из Киевского

исторического музея), бронзовый наконечник стрелы (тип неизвестен), ожерелье из пастовых бус (табл. III, 12), обломки железного кольца. В углу лежали кости барана. Погребение, скорее всего, женское.

Курган № 43 [Смела, I, стр. 103]. Высота — 1,7 м. В кургане обнаружены три скифских погребения, одно — в насыпи, два — в грунте. Сохранившиеся остатки инвентаря позволяют отнести погребение ребенка на грунте к раннескифскому времени. Рядом с ним найдены: бронзовые гривна и проволочный браслет (табл. IV, 1, 2), четыре наконечника стрел, при определении которых А. А. Бобринский ссылается на наконечники арханческих типов [Смела, I, табл. IV, 1].

Курган № 48 [Смела, I, стр. 103—104]. Высота — 2,8 м. Могильная яма в грунте, В—З, размеры: $2,1 \times 0,7 \times 0,35$ м. На дне полностью истлевший скелет, при котором найдено 40 наконечников стрел. Определяя их А. А. Бобринский ссылается на те же арханческие типы; шесть бронзовых бляшек с ушком сзади, в виде львиных головок в профиль и пряжка-пронизь, украшенная головкой коня в фас (табл. IV, 3, 4).

Курган № 49 [Смела, I, стр. 103]. Высота — 0,35 м. Насыпь прожжена, в ней найден обломок глубокого черпака с ручкой (табл. IV, 5). Очевидно, здесь была сожжена деревянная гробница, сооруженная на грунте.

Курган № 52 [Смела, I, стр. 109]. Высота — 1,8 м. Этот курган является одним из древнейших (определение Е. Ф. Покровской). Он относится еще к чернолесскому времени или же ко времени перехода от чернолесья к жаботину [118, стр. 133]. Большая квадратная могильная яма, со сторонами до 7 м и глубиной до 2,3 м, сверху была перекрыта деревянным настилом, стены обложены «толстым слоем» дерева. На дне, в средней части, прокопаны четыре параллельные канавки, в каждой из которых лежало по умершему, головой на запад. В головах каждого стояли один-два сосуда; среди обломков керамики найдена бронзовая из спирально свернутой проволоки сережка чернолесского типа (табл. III, 13). Над этим ярусом погребений, на глубине 1,4 м, лежал деревянный накат, на котором лежали трое погребенных, головою на север.

Из найденной здесь керамики сохранились в изображениях и в натуре четыре сосуда: корчага, украшенная тремя поясами резного и штампованного орнамента (табл. III, 16), глубокая кружка с петельчатой ручкой (табл. III, 15), горшок с валиком, украшенным защипами, по плечикам (табл. III, 17) и сосуд, близкий к форме круглотелого кубка (табл. III, 14).

Курган № 308 [Смела, III, стр. 31]. Средней величины. Под насыпью выявлены две ямы, содержащие захоронения взрослого и ребенка. Погребение взрослого находилось в яме, З — В, размерами — $2,75 \times 1,4 \times 0,6$ м со следами деревянной обшивки и перекрытия. Скелет лежал вытянуто на боку, головой на запад, руки согнуты в локте с кистью в области таза. В погребении найдены: два наконечника копья, железный нож с костяным черенком, 19 наконечников стрел, две бусины синего стекла (не сохранились). На раннее время погребения

указывает якобы происходящий из этого комплекса обломок костяного пластинчатого псалля с тремя отверстиями (табл. IV, 9). Впрочем, большой уверенности в этом нет. Не исключено, что этот обломок происходит из кургана № 390 у с. Грушевка. В этом случае время данного погребения остается неясным.

Детское погребение располагалось в очень маленькой и неглубокой ямке и сопровождалось тремя стеклянными бусинами.

Курган № 314 [Смела, III, стр. 42]. Средней величины. Под насыпью могила в грунте, В—З, размеры — $4,2 \times 1,4$ м, небольшой глубины. В яме разбросанные человеческие кости и уголь. В насыпи заметны сильные следы сожжения. Найдено несколько сосудов, среди которых черпак с высокой ручкой, на тип которого [Смела, II, табл. VII, 1—6] ссылается А. А. Бобринский. Кроме того, среди находок упоминается «железный дротик», вероятно, копье. Обстановка погребения неясна. Очевидно, здесь можно предположить сожжение деревянного склепа, со слегка впущенным в грунт основанием, с положением погребальных даров в насыпь или на перекрытие гробницы.

Курган № 319 [Смела, III, стр. 44]. Средней величины. В насыпи — кости животных, часть ручки амфоры. Могильная яма в грунте, В—З, размеры — $2,8 \times 2,3$ м. Обнаружены следы деревянного склепа; вдоль сторон ямы имеются канавки. Скелет ориентирован головой на запад. Кости его лежали в беспорядке. В ногах были найдены железные удила с прямыми псаллями (не сохранились), бронзовая бляха в виде головки коня в фас с петелькой сзади (табл. IV, 8), бронзовая крестовидная пряжка-пронизь с обрывками находящегося в ней ремня (табл. IV, 7). Интересен клык дикого кабана, оформленный в виде головки птицы (табл. IV, 6). Кроме того, у груди умершего найдены разбитая глиняная «чарка» и горшочек «обычного типа» (не сохранились), а у головы «белила», кости лошади, барана и свиньи. Основной состав инвентаря относится к мужскому погребению.

Курган № 327 [Смела, III, стр. 45]. Средней величины. Могильная яма в грунте, В—З, размеры — $4,4 \times 2,8 \times 0,7$ м. В яме — уголь, остатки дерева, обломки «черпака». В насыпи разбросанные человеческие кости и части того же черпака (не сохранились). В данном случае очевидна картина ограбления склепа через насыпь.

Курган № 330 [Смела, III, стр. 44]. Небольшой. На грунте лежал скелет пожилой женщины на боку, головой на запад. Ноги согнуты. Левая рука согнута в локте, кисть вперед таза. На погребенной найдены: ожерелье в области шеи, кроме того, по скелету были разбросаны бусы и раковины. Всего обнаружено: три большие янтарные бусины, одна янтарная маленькая, одна сердоликовая, четыре просверленные косточки от плодов, одна костяная бусина, три раковины, 15 круглых крупных и 31 мелких стеклянных бусин, 14 мелких бусин, всего 78 штук. Среди подвесок к ожерелью имеется бронзовый наконечник стрелы позднеарханческого типа (набор украшений частично сохранился в Киевском историческом музее). На груди погребенной лежали две скрещенные железные булавки, на руках — железные браслеты, у кисти левой руки — кусок белил, у правого плеча — кости коровы или лошади.

286315

Курган № 334 [Смела, III, стр. 46]. Высота — 2,1 м. Следов могильной ямы в грунте нет; в насыпи найдены два сосуда формы круглотелых кубков (табл. III, 18, 19). Первый сосуд темно-серый, не ложенный, орнамент в виде пояса, ограниченного горизонтальными линиями, с узором из треугольников, составленных из рядов параллельных линий. Заполнения белой инкрустацией нет. Второй — серо-коричневого цвета, не ложенный, на корпусе нанесен широкий орнаментальный пояс, заполненный слабо прочерченными полосами.

Курган № 338. Из этого погребения в Киевском государственном историческом музее хранится бронзовая булава с гвоздевидной шляпкой и рубчиками на стержне и согнутая в колечко проволочная бронзовая сережка (табл. V, 3, 4).

Помимо описанных выше комплексов арханческого периода в собрании Киевского исторического музея из курганов у Гуляй-Города без указания комплексов хранятся два бронзовых проволочных браслета, один из них с шишечками на концах (табл. V, 5, 8), два бронзовых проволочных колечка (табл. V, 6, 7). По-видимому, эти предметы происходят из кургана № 313 [Смела, III, стр. 42], в отношении которого сказано, что в насыпи найдены два тонких бронзовых браслета, а на грунте совершенно пустая могильная яма.

Из кургана № 312 числится рыжеватый горшок с темными пятнами; с выпуклым корпусом и гладким краем (табл. V, 1) в описании кургана не упомянутый [Смела, III, стр. 43]. Высокий тюльпановидный горшок с рыжеватой поверхностью (табл. V, 2) числится происходящим из кургана № 316 [Смела, III, стр. 43], где в насыпи было найдено два глиняных сосуда. Грунтовой ямы не оказалось.

Курганы у с. Жаботина (рис. 1, 3—5)

В эту группу нами также включены курганы, находящиеся поблизости сел Райгород и Михайловка (бывшие Прусы). Точное количество курганов, раскопанных здесь, учесть не удалось. А. А. Бобринским у с. Жаботина были раскопаны два кургана (№ 523, 524) [ИАК, 54, стр. 102; ИАК, 60, стр. 1 и сл.]. В. В. Хвойка раскопал шесть курганов у с. Жаботина. Им опубликованы данные только о курганах № 1, 2 [ДП, III, приложение, стр. 6].

В курганах, раскопанных В. В. Хвойкой у сел Райгород и Прусы, отмечено 14 порядковых номеров. Из них опубликованы данные о курганах № 1, 2, 14 у Райгорода [ДП, III, стр. 9, 10] и № 9, 10, 11, 12, 13 у с. Прусы [ДП, III, стр. 10].

Из их числа к IV в. до н. э. относятся три кургана у с. Прусы (№ 9, 10, 12); к V в. до н. э. относятся четыре кургана (№ 523 у с. Жаботина и 1 у с. Райгород¹, впускное погребение в кургане № 2 у с. Райгород, 11, 14 у с. Прусы).

¹ Отнес к V (а, возможно, даже к IV в. до н. э.) курган № 1 у с. Райгород, мы хотим исправить одну, ставшую традиционной, ошибку. Дело в том, что согласно описанию В. В. Хвойки, в этом погребении было найдено восемь железных удили с костяными псалиями (ДП, III, табл. XLVIII, 528). Однако при рассмотрении этих

к VII—VI вв. до н. э. принадлежит пять курганов. Из них к развитой поре VI в. относится основное погребение в кургане № 2 у с. Райгород и курган № 1 у с. Жаботина, а к VII—VI вв. до н. э. курган № 524 у с. Жаботина (раскопки А. А. Бобринского), курган № 2 этой же группы (раскопки В. В. Хвойка) и курган № 13 у с. Прусы.

Курган № 1 у с. Жаботина [ДП, III, приложение, стр. 6, раскопки В. В. Хвойка]. Высота не указана. В кургане был открыт прекрасно сохранившийся склеп из громадных брусев, сложенных срубом. Брусья (из дерева породы вяза) имели в длину до 5 м, ширину до 70 см и толщину до 30 см. Они были обтесаны при помощи узкого орудия (очевидно, тесла). Из описания В. В. Хвойки остается неясным, находился ли этот сруб в могильной яме или в насыпи кургана. Поскольку размеры могильной ямы не указаны, последнее предположение кажется более вероятным.

В ограбленном погребении сохранились: золотая бляшка с изображением лошади, лежащей с поджатыми ногами и повернутой назад мордой (табл. VI, 12), греческая разбитая амфора и обломки скифских сосудов (не сохранились).

Курган № 2 [ДП, III, приложение, стр. 6]. Описание погребения не имеется. В кургане были найдены: пара бронзовых удили (при характеристике которых сделана ссылка на удила, опубликованные во втором выпуске «Древностей Приднепровья», табл. XIV, 277, 278), один из которых с двумя петлями, а другие со стремявидными петлями. Место находки — Каневщина. Помимо них, в коллекции Киевского исторического музея из раскопок В. В. Хвойки у с. Прусы имеются удила таких же типов (не упомянутые в описании ни одного из курганов у с. Прусы). Едва ли можно сомневаться в том, что они происходят именно из данного комплекса кургана у с. Жаботина (табл. VI, 1, 2).

Кроме удили, в этом погребении найдены обломки двух псалий, украшенных изображениями орлиной головки на верхнем и конским копытцем на нижнем концах (табл. VI, 10, 11). Концы стержней псалий орнаментированы резным узором из обращенных друг к другу оснований прямоугольных треугольников, образующих вместе прямоугольную фигуру. К предметам конского снаряжения относятся две костяные кубические пряжки-пронизи (табл. VI, 3, 4), а также две костяные пряжки в виде фигурок лосих с поджатыми ногами и повернутой назад мордой, со вписанной в контур бляшки второй фигуркой «дете-

псалий в Киевском историческом музее и сверке их с коллекционной описью оказалось, что пять из них происходят из кургана у с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки, а два — из раскопок В. В. Хвойки в Киевской и Полтавской губерниях. Так что к данному комплексу они отношения не имеют. В то же время из раскопок В. В. Хвойки у с. Прусы в музее хранится восемь железных удили с прямыми железными двухдырчатыми псалиями с восьмерковидным расширением в средней части, со шляпками на концах и кольцами для повода (табл. V, 9). Эти восемь удили с псалиями из раскопок В. В. Хвойки, вероятнее всего, соответствуют описанию находок восьми уздечек из кургана № 2 у с. Райгород (каталог Киевского исторического музея № Б 34—24, 24 400). В этом случае данное погребение следует отнести не к VI в. до н. э., а к значительно более позднему времени.

ныша» (табл. VI, 5, 6). Замечательную находку из этого погребения составляют четыре пластины из кости с гравированными на них изображениями лосей и длинноклювых птиц (табл. VI, 7—9) [31]. Весь комплекс художественных изделий из резной кости этого погребения принадлежит несомненно к числу наиболее значительных произведений раннескифского звериного стиля.

Курган № 524 [ИАК, 60, стр. 1, раскопки А. А. Бобринского]. Высота — 5,4 м. Склеп в насыпи со слегка впущенным в грунт основанием. Склеп ориентирован по линии СЗ—ЮВ, длина — 6,3 м, ширина — 5,45 м. Стороны были окопаны канавками глубиной 0,55 м. Стены были составлены из стволов (бревен?), стоявших вертикально. Нижние концы, вкопанные в канавки, были обожжены. Бревна тесно примыкали друг к другу по 16 штук вдоль длинных и по 11 вдоль коротких сторон склепа. Поперечник бревен около 35 см. Особенной толщиной отличались четыре угловые столба. Перекрытие склепа было обнаружено на высоте около 2 м над уровнем грунта. С южной стороны в склеп вел грабительский лаз. Здесь были встречены обломки человеческих костей, части железных «игл» (возможно, остатки железных булавок), кусочки румян и серы, обломки пастовых и янтарных бус, каменной плиты (очевидно, блюда) со следами красной краски.

В самой гробнице рядом с разбросанными костями найдены: обломки железного меча, 31 экземпляр бронзовых наконечников стрел так называемого жаботинского типа (табл. VII, 1—8), до 300 бронзовых пластинок панциря (табл. VII, 15), часть рукояти длинного ножа (табл. VII, 10); из предметов конской упряжи обнаружены бронзовые удила со стремявидными петлями и пара бронзовых псалий: прямых, с верхним концом в виде рубчатой шишечки и нижним изогнутым, четырехгранным в сечении, на стержне три трубчатых отверстия, на боковой стороне которых выгравированы изображения солярного знака (табл. VII, 11, 13).

Помимо них, в погребении были найдены: каменная булава (табл. VII, 9), две золотые пластинки в виде лежащих ланей или лосих (табл. VII, 14, 16), обломки от четырех сосудов — двух черпаков с высокими ручками, из которых один (табл. VII, 12) черный не лощеный, заглаженный, со слабо профилированным венчиком и орнаментом в виде неширокого пояса, заполненного вертикальными параллельными полосками; второй (табл. VII, 17) — лощеный, коричневого цвета, украшенный радиально расходящимся от дна орнаментом, затертым рыжевато-красной краской; третий сосуд — чернолощенный кубок (табл. VII, 18) с поясом резного геометрического орнамента, затертого белой пастой; четвертый (табл. VII, 19) — обломок донной части небольшой чернолощенной корчажки, нижняя часть которой покрыта неглубокими канелюрами.

Курган № 2 у Райгорода [ДП, III, стр. 9]. Высота — 5,5 м. В этом кургане, помимо впускного погребения V в. до н. э., оказалось основное раннее погребение в грунтовой яме, размерами 5,7 × 4,3 м, покрытой бревнами. Рядом с разбросанными костями человека были найдены: железный меч с бронзовой рукоятью архаического типа (табл. VI,

13); два небольших античных сосуда: один — ионийский килик (табл. VI, 14), второй — половины VI в. до н. э. [105, стр. 60, № 129; ДП, III, табл. LIII, 842]; второй сосуд неизвестен. Кроме того, в могиле обнаружены бронзовые пластинки (от панциря?), железные псалии, железный нож, каменная плита (блюдо?) и черепки от сосудов (все не сохранилось).

Курган № 13 у с. Прусы [ДП, III, стр. 11]. Высота — 1,4 м. Под насыпью находилась яма глубиной 1,9 м, в которой, очевидно, был сожженный склеп, о чем свидетельствует прожженность насыпи и заполнявшей яму земли. На дне могилы — сожженные человеческие кости и черпак с высокой ручкой, украшенный врезным геометрическим орнаментом в виде вписанных друг в друга заштрихованных треугольников (табл. VI, 15).

В Киевском историческом музее хранятся два сосуда из раскопок В. В. Хвойки в курганах у сел Жаботин и Райгород. Первый из них (табл. VI, 16) представляет собой круглотелый кубок с четырьмя напелами в основании шейки, украшенный по корпусу поясом врезного геометрического орнамента из заштрихованных треугольников и расположенных в шахматном порядке заштрихованных ромбов. Поверхность сосуда желтая, залощенная. Второй сосуд (табл. VI, 17) в виде большого круглотелого кубка с высокой шейкой. Он также украшен по корпусу орнаментальным поясом, составленным из различных комбинаций заштрихованных треугольников.

Кроме того, в третьем выпуске «Древностей Поднепровья» изданы отдельные предметы, происходящие из раскопок у с. Прусы. Среди них — бронзовые бляшки в виде восьмерки, крестовидная бляха с двойной орлиной головкой и золотая бляха в виде треугольника, составленного из трех кружков с концентрическими кольцами [ДП, III, табл. XLIII, 348, 346, 354].

Курганы у с. Журовка (рис. 1, 6)

В окрестностях с. Журовка А. А. Бобринским в общей сложности было раскопано 62 кургана (№ 396—413). Кроме того, к ним относятся курганы, раскопанные у с. Журовки крестьянами, обозначенные в отчетах под литерами «А», «Б», «В», «Г» [ИАК, 14, стр. 2—27]; № 414—449 [ИАК, 17, стр. 77—97]; № 478—482 [ИАК, 35, стр. 56—59].

Один из могильников в уроч. Криворуково находился в 3 км к востоку от с. Журовки на высокой площадке и насчитывал 11 курганов. Раскопано десять: № 396—405.

Второй могильник в уроч. Горячево расположен к западу от построек Журовской экономии над долиной реки Турин. Он состоял из одного большого кургана (№ 406), окруженного несколькими сотнями маленьких курганов (начиная с едва заметных насыпей, различных желтыми пятнами на пашне). В этой группе раскопано восемь курганов: № 406—413.

«Ближний могильник» находился в поле к югу от Журовки. Здесь расположено множество небольших курганов, в большинстве своем

весьма сглаженных и заметных лишь по желтым пятнам на пахоте. Раскопано четырнадцать курганов: № 418—431.

«Дальний могильник» расположен к юго-востоку от строений Журавской экономии между селами Журовка, Турия, Тышковка и Капитановка на возвышенном месте и насчитывал около десятка курганов средней величины. Раскопано четыре кургана: № 414—417.

В самом селении Журовка раскопан большой курган № 432 и курган № 438.

На полях к югу от Журовки расположена еще одна группа небольших курганов, посередине которых возвышались две большие насыпи под названием «Близнецы». Здесь были раскопаны курганы № 433, 434, 437.

К северу от с. Журовка в уроч. Униатово раскопаны курганы № 435, 436.

На поле Журавской экономии к востоку от села находилась группа курганов средней и малой величины. Большинство насыпей сглажены временем. Раскопаны курганы № 447, 448, 449, 450.

В окрестностях с. Капитановки к востоку от Журовки раскопаны отдельно стоящий курган № 439, а также № 440—446, входившие в состав могильника в лесу в четырех верстах к западу от с. Пастырского. Он содержал не менее сотни насыпей средней и малой величины, расположенных одна возле другой.

На поле вблизи Капитановского завода обнаружена группа из десятка курганов, сильно сглаженных вспашкой. Здесь были исследованы курганы № 478—482.

Такова топография могильников в окрестностях с. Журовки, приведенная А. А. Бобринским, с указанием проделанных им раскопок.

Из общего числа исследованных курганов время 22 памятников остается неуточненным (курганы № 399, 405, 417, 420, 421, 424, 427, 430, 431, 434, 435, 437—445, 479). К IV в. до н. э. относятся 16 погребений (курганы № 397, «Б», 410, 414—416, 422, 425, 426, 428, 429, 432 (впускная могила), 433, 449, 480, 481).

К V в. до н. э. относятся 19 погребений (курганы № 396, 398, 400—404, 408, 409, 412, 413, 418, 419, 423, 446, 478, «А», «В», «Г»).

К архаической поре относятся восемь курганов, в том числе пять наиболее достопримечательных курганов старшей Журавской группы (№ 406, 407, 432 (основное погребение), 447, 448). Кроме того, три кургана могут быть отнесены либо к старшей Журавской, либо (что более вероятно) к жаботинской поре (курганы № 411, 436, 482).

Курган № 406 [ИАК, 14, стр. 29—32]¹. Высота около 8 м. Могильная яма ориентирована ЮЗ—СВ, размеры 6 × 4,85 × 3,15 м. В яме обнаружен склеп с четырьмя угловыми и четырьмя столбами в центральной части. Их диаметр около 40 см. Они вкопаны в землю до 80 см. Стены облицованы деревом, составленным из вертикального ряда столбиков, нижние концы которых закреплены в канавки, выкопанные

вдоль стен могильной ямы. Дно могилы, по описанию А. А. Бобринского, было «выглажено и обито каким-то затвердевшим цементом» (нам кажется очень вероятным, что это не какое-то особое устройство, а, вероятнее всего, илистый намыв, проникший в ограбленное погребение).

В центральной части камеры заметны следы сожжения. «Здесь значительная часть могилы покрыта черной обожженной землей, в которой попадает уголь, обломки сожженных костей и скипевшиеся предметы в виде кусков так называемой жужелицы».

В ограбленной могиле встречались разбросанные человеческие кости. Из предметов погребального инвентаря найдены: 52 бронзовых двухлопастных и трехлопастных наконечника стрел (табл. VIII, 8—12), в их числе 23 наконечника жаботинского типа (табл. VIII, 8, 9); 70 железных двухлопастных наконечников (табл. VIII, 13) и 7 костяных пулевидных наконечников стрел (табл. VIII, 14); два прекрасно сохранившихся архаических наконечника копий (табл. VIII, 1, 2); две железные овальные в сечении обоймы, составлявшие, по-видимому, наконечники футляров для копий (табл. VIII, 3, 4); бронзовый наконечник ножен меча (табл. VIII, 6). К группе предметов вооружения относится, вероятно, костяная палочка-застежка, скорее всего от колчана (табл. VIII, 7).

В погребении обнаружены части четырех уздечек: четверо железных удилов со стремявидными петлями (табл. VIII, 19, 20) и четыре пары железных стержневидных псалий с тремя петлями (табл. VIII, 17, 18). «При удилах поднято 16 железных кнопок», имеющих вид стремявидных пронизей (табл. VIII, 15, 16) и «маленький костяной набалдашник». Что имеется в виду в данном случае, сказать трудно. В комплексе могилы найдены два костяных предмета неясного назначения: костяной цилиндр с выступающим у нижнего края ободком, украшенным косыми насечками (табл. IX, 2) — очевидно, наконечник (возможно, на веретено) и костяной невысокий округлый предмет с отверстием в центре и боковым треугольным выступом с небольшим вертикальным отверстием (табл. VIII, 5).

Группа украшений и предметов туалета представлена следующими находками: бронзовая, обложенная золотым листком палочка-застежка, концы которой оформлены в виде схематично выполненных львиных головок (табл. IX, 4), две бронзовые гвоздевидные булавки (не сохранились), бусы из янтаря, сердолика, пасты (табл. IX, 1, 3, 5), каменное блюдо (табл. IX, 8) и при нем куски красной краски и серы.

Керамика представлена: чернолощеной корчагой типа виланова, высота 50 см, с четырьмя наклепными шишечками на корпусе (табл. X, 1), глубоким неорнаментированным черпаком с высокой ручкой (табл. IX, 9), двумя глиняными мисками на высокой полой ножке: одна с загнутым внутрь краем, на дне изнутри процарапан крестовидный знак (табл. IX, 7), другая — с отогнутым наружу краем венчика, орнаментированным процарапанными треугольниками (табл. IX, 10). В центре на дне нанесен крестовидный значок; глиняным горшком (табл. IX, 6) бочонковидной формы, с валиком и проколами под краем.

¹ Описание А. А. Бобринского дополнено нами публикацией вещей из этого погребения, хранящихся в Государственном Эрмитаже и не упомянутыми в издании.

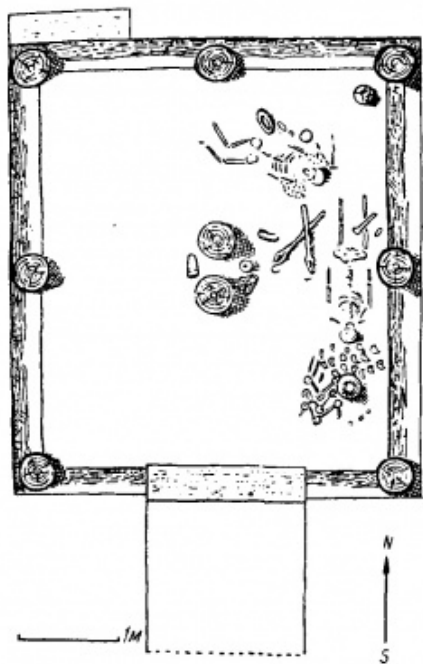

Рис. 3. План погребения в кургане № 407 у с. Журовки.

вой на восток, в скорченном положении, коленями вверх. Голова женщины находилась в ногах мужского погребения. Как полагает А. А. Бобринский, погребение было частично ограблено.

Из предметов мужского инвентаря найдены: части трех уздечек, трое железных удил, четыре поломанных костяных псаля (табл. X, 4), три костяных пряжки-пронизы (табл. X, 8, 9) и 16 бронзовых пряжек-пронизей в виде схематичных головок грифо-барана (табл. X, 10, 11). Слева у ноги мужского костяка лежала пара железных наконечников (табл. X, 5).

При женском погребении обнаружены: изделия из бронзы — две гвоздевидные сережки (табл. X, 12, 13), гвоздевидная булавка (табл. X, 2), проволоочный браслет со змеевыми головками на концах (табл. X, 14) и части головного убора: три золотые бляшки в виде треугольников, составленных из трех кружков и золотая бляшка в виде фигурки оленя с поджатыми ногами (табл. X, 6, 7), ожерелье, в составе которого маленькая золотая бусинка, мелкие пастовые бусины, бусины из янтаря и стекла, несколько бусин в виде конических пастовых розеток и около 400 пастовых бисерин (табл. X, 16, 17). К числу предметов женского обихода относятся также песчанниковое блюдо с кусочками красной краски и серы, бронзовое зеркало с центральной ручкой в виде

Курган № 407 [ИАК, 14, стр. 32—35]. Высота 3 м. Яма с дромосом, идущим с юга. Яма ориентирована С—Ю; размеры: $4,46 \times 4 \times 1,25$ м. Длина коридора 1,7 м, ширина — 1,6 м. В яме обнаружен деревянный склеп с девятью столбами: четыре по углам, три по срединам сторон, два в центре. Дно ямы окаймлено канавкой шириной 0,36 м и глубиной 0,52 м. Как отмечает А. А. Бобринский, столбы по углам и вдоль стен не были вкопаны в землю, а стояли «в виде пилестров». Очень неглубоко были вкопаны в землю центральные столбы.

Входной коридор мало покатый, дно его было значительно выше дна могильной ямы. Для спуска в могилу в материке была сделана ступенька.

В могиле находилось парное погребение мужчины и женщины. Мужской скелет лежал вдоль восточной стенки могилы, головой на юг (рис. 3). Молодая женщина лежала вдоль северной стенки голо-

треугольной петли, находившееся в деревянном, окрашенном красной краской футляре (табл. X, 3), «длинная железная игла» (не сохранилась), обломки железного ножа и железной иголки (не сохранились) и небольшое бронзовое ситечко (табл. X, 15).

Кроме того, в могиле оказались чернолощенная корчага, высотой 50 см, глубокий грушевидный черпак (табл. X, 18, 19), кости коровы или лошади и при них обломки железного ножа.

Курган № 411 [ИАК, 14, стр. 36]. Высота 2 м. Могильная яма расположена в грунте, ориентирована СЗ—ЮВ, ее размеры: $3,5 \times 3 \times 0,65$ м. Вдоль стенок ямы — канавки. Судя по незначительной глубине, можно предположить наличие склепа с опущенным в грунт основанием. Могила ограблена. Найдено два высоких лепных горшка, украшенных ниже гладкого венчика налепным валком с защипами и сквозными проколами (табл. XI, 2, 3), простой неорнаментированный горшок (табл. XI, 1), мелкий широкий чернолощенный черпак с высокой ручкой, украшенный врезным геометрическим орнаментом из заштрихованных косыми линиями ромбов, чередующихся с расходящимися радиально ото дна параллельно нанесенными линиями (табл. XI, 4). Кроме того, в погребении обнаружены глиняная миска, маленькая подвеска из пасты и желтая бусина (не сохранились).

Курган № 432 [ИАК, 17, стр. 87]. Высота — 4,5 м. Основное погребение этого кургана находилось в могильной яме с дромосом, идущим с южной стороны. Могильная яма ориентирована СЗ—ЮВ, размерами $3,8 \times 3,5 \times 1,8$ м. Вдоль стен были проложены канавки шириной 0,3 м и глубиной 0,65 м. Ширина входного коридора 1,2 м, дно его покато понижается к могильной яме.

В разграбленном захоронении найдены разбросанные человеческие кости. Очевидно, здесь размещалось парное погребение. В яме оказались: 43 бронзовых (табл. XII, 7—9) и 76 железных наконечников стрел, найденных вместе с остатками колчана, к которому, по-видимому, относятся восемь костяных «кнопок» в виде гвоздиков и костяная палочка-застежка (табл. XII, 4); панцирь, набранный из железных чешуек разных размеров, вместе с которыми оказалось небольшое количество бронзовых (табл. XII, 5); железные удила с парой костяных псаля (табл. XII, 1); три просверленных кабаньих клыка (табл. XII, 2); костяной наконечник какого-то предмета, очень похожий на найденный в кургане № 406 (табл. XII, 6), овальный, со сквозным отверстием для насадки и поперечной дырочкой для штифтика, с боковым выступом, имеющим вертикальную круглую дырочку.

К принадлежностям женского инвентаря относятся две бронзовые гвоздевидные булавки (табл. XII, 10), ожерелье, в составе которого 15 крупных бусин из янтаря, пасты, морских раковин, кусочки серы и румян.

Помимо перечисленного, в погребении найдены большой чернолощенный сосуд — корчага с четырьмя налепными шишечками по поясу (табл. XII, 3) и большая глиняная миска (не сохранилась).

Курган № 436 [ИАК, 17, стр. 92]. Высота — 1,6 м. Могильная яма, со следами дерева, ориентирована В—З, размеры — $3,35 \times 1,9 \times 0,5$ м.

В ней обнаружены разбросанные человеческие кости, обломки глиняной «чарки», разбитый сосуд с орнаментом, четыре мелкие бусинки из голубой пасты (все не сохранились).

Курган № 447 [ИАК, 17, стр. 92—94]. Высота — 2,5 м. Могильная яма с дромосом с южной стороны. Яма ориентирована С—Ю, размеры $4,45 \times 4,15 \times 2$ м. В яме находился склеп с тремя столбами, один посередине, два по бокам коридора, вдоль стен канавки, в которые вкопаны нижние концы брусьев, поставленных частоколом. Как отмечает А. А. Бобринский, бревенчатый потолок гробницы был оштукатурен, по краям потолка у стенок проведен по потолку желобок и узорчатый карниз. Этот вывод он делает на основании обломков штукатурки, оказавшихся в глиняном сосуде и, очевидно, упавших сверху.

В разграбленной могиле были найдены кости женщины и ребенка. Возможно, что погребение было парным (с основным захоронением мужчины), так как в нем найдены части двух уздечек: двое железных удилов, три костяные кубические пряжки-пронизы (табл. XII, 17), три костяные подвески из зубов животных (табл. XII, 15, 16), а также костяная палочка-застежка, обычно служившая для застегивания колчана (табл. XII, 14).

Основное количество находок составляют предметы женского инвентаря. К их числу относятся: две золотые гвоздевидные сережки (табл. XII, 11, 12), две серебряные гвоздевидные булавки (табл. XII, 21), тринадцать дутых золотых бус с рубчиками (табл. XII, 13), около 50 маленьких полусферических золотых нашивок и около 50 маленьких золотых пластинок в виде треугольников и «двойных полусфер», шесть мелких золотых бусин, около 30 больших и малых бусин из янтаря, горного хрусталя, кости, сердолика и пасты; каменное из песчаника овальное блюдо с выступом (табл. XII, 23), кусочки серы; большое бронзовое зеркало, пластинчатая железная ручка которого украшена у верхнего и нижнего конца бронзовыми накладками в виде фигурок оленя и хищника кошачьей породы (табл. XII, 20). Кроме того, в погребении была найдена ионийская расписная тарелочка конца VI в. до н. э. (табл. XII, 19) [105, стр. 60, № 134; стр. 65, № 255]. Из сосудов местной работы в погребении оказались большая лощеная корчага (табл. XII, 18), глубокий грушевидный черпак с высокой ручкой (табл. XII, 22), а также кости коровы и обломок железного ножа с костяной рукоятью.

Курган № 448 [ИАК, 17, стр. 95]. Высота — 2,25 м. Яма с дромосом с южной стороны ориентирована С—Ю, размеры $4 \times 4 \times 1,42$ м. Коридор длиной 2,35 м, шириной — 0,42 м. Стены ямы обставлены частоколом, укрепленным нижними концами в канавках шириной и глубиной 0,4 м. Перекрытие опиралось на три столба, глубоко вкопанные в дно ямы; два — у южной стороны могилы, один — у спуска коридора в могилу.

Погребение разграбленное. При разбросанных костях взрослого человека найдены: железная боевая секира (табл. X, 20), четверо железных удилов, один из них с железными псалиями, обломки костяных псалий, четыре костяные круглые бляшки от сбруи, 28 бронзовых и два

костяных наконечника стрел, большой глиняный сосуд (все не сохранились).

Курган № 482 [ИАК, 35, стр. 59]. Высота — 3,2 м. Могильная яма ориентирована С—Ю, размеры $4,1 \times 3 \times 1,6$ м с перекрытием из огромных дубовых стволов. Могилу разграблена. В ней найдены: обломки «чарки» с высокой ручкой, обломки большого глиняного сосуда, миски, кости лошади, обломок железного ножа, обломок железа (все не сохранилось).

Курганы у с. Константиновка (рис. 1, 7)

Под этим названием у А. А. Бобринского объединена большая группа курганов, исследованных в разных местах по правому и по левому берегам р. Серебрянки, впадающей в Тясмин между г. Смелой и с. Константиновкой.

Всего здесь раскопано 36 курганов: № 1—15 [Смела, I, стр. 2—24], 224—248 [Смела, II, стр. 2, 3], 341, 342, 348—350, [Смела, III, стр. 1—4], 361—364 [Смела, III, стр. 26, 27], 375—381 [ИАК, 4, стр. 3, 30—35], 522 [ИАК, 54, стр. 99].

На карте А. А. Бобринского (№ 2) они распределены по следующим группам: на южной оконечности, у берега Ирдынского болота, в уроч. Юрьева гора (могильник Б): курганы № 6, 7, 522; над левым берегом Серебрянки курганы группы В: № 224—248, 341, 342, 375—381, курганы группы Г: № 1, 2, 4, 5, 8—12, 348—350; на правом берегу Серебрянки в разных местах раскопаны курганы № 3, 13—15, 361—363 (группы Д, Е, Ж, С).

Из числа раскопанных курганов не определено время десяти курганов (№ 1, 3, 6, 7, 10, 13, 14, 245, 379, 381). Курган № 522 в уроч. Юрьева гора принадлежит к V в. до н. э. К архаической поре относятся 12 погребений (в курганах № 2, 8, 9, 15, 244, 246, 247, 375, 376, 377, 378, 380). 15 курганов относятся к эпохе бронзы (№ 4, 5, 11, 12, 248, 341, 342, 344, 349, 350, 361—364). Из числа скифских погребений пять (курганы № 2, 8, 9, 15, 375) оказались впускными в насыпи курганов эпохи бронзы.

Курган № 2 [Смела, I, стр. 2]. Высота — 7,1 м. В кургане открыто 17 погребений на разных уровнях, расположенных якобы тремя ярусами на глубине около 2,1; 3,15; 4,2 м на грунте. Определить их культурную принадлежность в ряде случаев не представляется возможным.

На глубине 0,7 м найдены бронзовые удила со стремявидными петлями (табл. XIII, 1), несколько лошадиных зубов, бронзовый наконечник стрелы, при описании которого А. А. Бобринский ссылается на бронзовый трехлопастный наконечник, характерный для комплексов не ранее V в. до н. э. [Смела, I, табл. VI, 14] (табл. XIII, 4). Кроме того, в противоположном конце кургана им отмечены находки еще двух наконечников стрел [Смела, I, табл. IV, 5] поздних типов конца V—IV вв. до н. э. Находки других наконечников стрел в этом кургане не отмечены. В то же время в собрании Киевского исторического музея в комплексе кургана № 2 хранится лишь один бронзовый двухлопастный

шиполистный наконечник стрелы (табл. XIII, 3), гармонирующий по времени с найденными удилами и пастовая бусина (табл. XIII, 2).

В насыпи, на глубине 2,1 м, оказался истлевший скелет, ориентированный головой на юг. При нем найден круглотелый кубок с поясом резного орнамента на верхней половине корпуса (табл. XIII, 5) и сероглиняный кружальный кувшин типа ойнохон (табл. XIII, 6). Такое сочетание вещей при одном погребении также едва ли можно признать возможным. Примерно на этой же высоте в насыпи открыто еще одно захоронение в скорченном положении, головой на запад, при котором оказался круглотелый кубок [Смела, I, табл. III, 4] (табл. XIII, 7) скорее чернолесского, чем жаботинского типа.

Таким образом, в насыпи кургана № 2 выявлены остатки трех погребений раннескифского времени, из которых два последних относятся, вероятно, к жаботинскому поре.

Курган № 8 [Смела, I, стр. 16]. Высота — 4,2 м. Памятник описан очень неясно. Очевидно, скифская гробница в виде сожженного склепа (остатки деревянных остроконечных «крыш» на глубине 0,7 и 1,4 м со следами кострища, пепла, углей, золы, дерева, обгоревших костей человека и животных, находки скифских вещей и керамики) была введена в насыпь кургана эпохи бронзы. В погребении найдены: обломки большой (высота 0,4 м, табл. XIII, 9) корчаги с проколами под венчиком, глиняная миска (табл. XIII, 8), две «чарки с ручками» (не сохранились), части от двух уздечек: обломки удила, фрагменты от двух пар железных стержневидных псалий (табл. XIII, 10—12), глиняное пряслице (табл. XIII, 14), железное шило со следами деревянной рукоятки (табл. XIII, 13), обломок железного ножа, железный «гвоздь» (очевидно, железная булава (не сохранилась)).

Курган № 9 [Смела, I, стр. 15]. Высота — 1,75 м. На глубине 0,7 м в насыпи кургана выявлено впускное, как полагает А. А. Бобринский, женское погребение. Скелет лежал вытянуто (табл. XIV, 1), головой на запад. Под костями земля была посыпана известью, на них следы красной краски, особенно интенсивной на черепе, костях рук и ног.

За головой стоял глиняный кувшинообразный сосуд с овально-округлым корпусом, высоким горлом и четырьмя сосковидными налепами на плечиках (табл. XIV, 2). На груди стоял кубок с поясом резного геометрического орнамента в виде заштрихованных треугольников (табл. XIV, 4), у правого плеча находилось костяное пряслице (табл. XIV, 3). Кроме того, в погребении обнаружены кости барана.

Курган № 15 [Смела, I, стр. 34]. Высота — 3,7 м. Погребение жаботинского времени оказалось впускным в насыпь кургана эпохи бронзы. Захоронение находилось в деревянном склепе с основанием, впущенным в грунт. Форма ямы квадратная. Размеры ее сверху — $3,5 \times 3,5$, у дна — $2,5 \times 2,5$ м, глубина ямы 0,7 м. «Вся яма обложена со всех сторон деревом и покрыта деревянной крышей. Деревянные доски очень толстые. Крыша составлена из нескольких рядов досок, положенных накрест. Доски укрепляются одна на другой при помощи вырубленных скреплений, несколько наподобие деревянных изб».

В гробнице найдены бронзовые удила со стремявидными петлями (табл. XIV, 5), бронзовый клепаный котел с боковыми ручками (табл. XIV, 6), неорнаментированный черпак (табл. XIV, 8), круглотелый кубок с поясом резного геометрического орнамента (табл. XIV, 7) и горшок «с неправильно выведенным по нему ободком для украшения. Сверху проделаны дырочки». В иллюстрациях [Смела, I, табл. III, 2] А. А. Бобринский, очевидно, ошибочно ссылается на горшок тюльпановидной формы с гладким наlepным валиком с заходящими концами (табл. XIV, 10), тип которого явно относится к более раннему времени и не соответствует описанию. Е. Ф. Покровская заметила эту ошибку и обнаружила в Киевском историческом музее горшок из этого комплекса, соответствующий описанию и времени захоронения (табл. XIV, 9) [117].

Курган № 244 [Смела, II, стр. 2]. Высота — 1,8 м. Под насыпью в грунте большая могильная яма с деревянным склепом. Могила ограблена. Найдено 15 бронзовых наконечников стрел (тип неизвестен), бронзовая пряжка-пронизь в виде орлиной головки (табл. XIII, 16), большая глиняная глубокая миска темно-серого цвета, хорошо заглаженная, украшенная вдоль края проколами с внутренней и выпуклыми с наружной стороны (табл. XIII, 15).

Курган № 246 [Смела, II, стр. 2]. Высота 2,4 м, могильная яма ориентирована З—В, размеры $4,1 \times 3,35$ м. В средней части глубина ее достигала 0,25 м. У восточной и западной стороны сделаны уступы на 0,25 м ниже средней части дна ямы. Яма покрыта деревянным настилом. В центральной части обнаружен совершенно истлевший скелет, головой на запад (табл. XV, 1). При нем найдены бронзовая булава (табл. XV, 3) ¹ и около 60 мелких желтых бусин. «В центре могилы сверху найдены железные удила, обломки костей, разбитый глиняный сосуд, в северо-западном углу — нижняя челюсть лошади, обломок железного предмета, обломки железного копья. В центре — железный нож со следами костяной ручки и небольшой железный гвоздь» (возможно, булава?). Остается неясным: были найдены указанные предметы на боковых ступеньках, как изображено на плане, или же в заполнении могилы.

Сосуд, упомянутый А. А. Бобринским, на рисунке [Смела, II, табл. VII, 13; XV, 2] имеет вид круглотелого кубка. В коллекции Киевского исторического музея в этом комплексе числится сосуд с высокой шейкой и отогнутым краем венчика, темный, лощеный, по форме напоминающий большие корчаги, но меньшего размера (табл. XV, 4). На плане данного погребения изображены два сосуда.

В целом картина погребального обряда не ясна. Представляется вероятным, что в данном случае имеет место вторичное погребение женщины (булава, бусы), прорезавшее дно основной предыдущей мужской могилы (копье, удила), причем вещи из нее были частично выброшены, частично остались на дне и по краям новой гробницы. Не исключен вариант разрушения грабителями парного захоронения.

¹ Тип булавки указан в Смела III, табл. IX, 11, 18.

Курган № 247 [Смела, II, стр. 3]. Высота — 2,9 м. Могильная яма в грунте, ориентирована З—В, размеры $3,2 \times 2,4 \times 0,4$ м, с неглубокими поперечными канавками на дне. В яме — обожженное дерево, кости человека и свиньи, кусок каменного точила (табл. XV, 7) и обломок железного ножа.

На глубине 2,5 м и ниже найдена группа керамики жаботинского типа: большой глиняный сосуд с выпуклым корпусом, высоким горлом, резко отогнутым венчиком, чернолощеный, с поясом врезного орнамента из различных вариантов заштрихованных треугольников (табл. VI, 6), в ней — обломок раскошавшегося серебряного кольца; две миски, «черное глиняное блюдо и глубокая черная чашка (типа табл. XII, 5)» и три «чарки», «черпак типа табл. VII, 1—5» (табл. XV, 5). Устройство погребения неясно, возможно сожжение склепа в насыпи со впущенным в грунт основанием.

Курган № 375 [ИАК, 4, стр. 30]. Высота 2,5 м. В насыпи выявлены остатки скифского сосуда с линейным орнаментом, кости животных и человека. Остатки сложно описанного А. А. Бобринским погребального сооружения с конической деревянной крышей в основании насыпи (на глубине 2,1 м), под которой находились следы деревянной «подстилки», между которыми лежал слой угля, золы, обгорелой земли, представляется нам сожженным склепом, сооруженным на грунте в насыпи кургана.

В кострище между верхним и нижним слоями обгоревшего дерева были найдены бронзовые кобанские удила с подвесками для поводка и бронзовыми псалиями (табл. XVI, 1, 2), 30 мелких бусин, обломки железного шила с остатками деревянной рукояти, часть бронзовой пряжки (?), бронзовая сломанная игла (булавка?) (все не сохранилось), а также обломки 10 или 11 сосудов. Из их числа сохранились: круглотелый кубок с поясом резного орнамента (табл. XVI, 4) и два глубоких черпака (табл. XVI, 3, 5) без орнамента. Наиболее вероятно, что сожженный склеп содержал парное захоронение. Погребение раннескифского времени было впущено в курган эпохи бронзы, о чем свидетельствуют несколько могил со скорченными захоронениями в грунтовых ямах под насыпью.

Курган № 376 [ИАК, 4, стр. 32, 33]. Высота 2,45 м. В насыпи найдены небольшой железный наконечник копья, обломки мисок, горшков, черпаков, кости животных (возможно, остатки тризны).

В грунте находилась могильная яма, ориентированная З—В, размеры $3,82 \times 3,44 \times 0,6$ м. Она была перекрыта поперек толстой деревянной крышей. На дне ямы на деревянном полу обнаружен истлевший скелет взрослого человека. За головой справа — бронзовые удила, наглухо скрепленные с псалиями (табл. XVI, 6), два железных наконечника стрелы (табл. XVI, 8) и железная «кнопка» (?). Здесь же — два глиняных черпака с высокими ручками. Один из них — мелкий чернолощеный с орнаментом в виде заштрихованного крест-накрест пояса (табл. XVI, 9), второй — небольшой черпачок (табл. XVI, 7) с высокой ручкой, без орнамента. Слева от головы находились кости барана и железный нож. В ногах стояли «высокий сосуд» и «глубокая тарелка»

(очевидно, горшок и миска) и большой чернолаковый черпак (табл. XVI, 10) с поясом резного, затертого белой пастой орнамента. Комплекс данного погребения, по-видимому, не нарушен.

Курган № 377 [ИАК, 4, стр. 34]. Высота 2,1 м. Погребение в могильной яме с деревянным склепом. Яма ориентирована СЗ—ЮВ, размеры $4,55 \times 3,45 \times 1,05$ м. Стены «со всех сторон обложены деревом», деревянная крыша «установлена на глиняных устоях» (то есть на уступе). В разрушенной могиле найдена бронзовая подвеска для поводка от удила кобанского типа (табл. XVI, 13), бронзовая игла и набор керамики: два «сосуда», две «глубокие тарелки», «небольшой пузатый сосуд и чарка» (не сохранились). В заполнении могилы кости лошади или коровы и барана.

Курган № 378 [ИАК, 4, стр. 35]. Высота незначительная. Погребение, очевидно, находилось в насыпи или на грунте. На глубине 0,3 м в насыпи выявлены дерево, следы огня, уголь, кости лошади или быка, часть человеческого черепа. Находки представлены: железным наконечником копья, небольшим глиняным сосудом, большим и маленьким черпаками, обломками двух мисок (не сохранились) и двумя уникальными сосудами с резным орнаментом: роговидный сосуд, чернолощеный с полосами орнамента в виде заштрихованных полос, одна сторона открытая, вторая наглухо заделана плоской крышечкой с выгравированным на ней знаком креста (табл. XVI, 12). Второй сосуд имеет вид прямой открытой баночки наподобие небольшой пиксиды, стенки украшены резным, затертым белой пастой орнаментом в виде комбинаций заштрихованных треугольников (табл. XVI, 11).

Курган № 380 [ИАК, 4, стр. 35]. Высота 1,5 м. В грунте неглубокая могильная яма, ориентированная СЗ—ЮВ, размеры $2,30 \times 1,45 \times 0,43$ м, засыпанная жженой землей и углем. В ней обнаружены кости человека, лежащие в беспорядке, головой на СЗ, и кости барана.

В насыпи найдены: жженная земля, разбитая глиняная миска («блюдо»), «чарка» (черпак) и человеческие кости. Соотношение находок в насыпи и в могильной яме неясно. Это могут быть либо два самостоятельных захоронения в грунтовой яме и насыпи, или же находки в насыпи представляют остатки вещей из ограбленной гробницы. Очевидно, что находки в насыпи относятся к раннескифской поре.

Курганы у с. Макеевка (рис. 1, 9)

В окрестностях с. Макеевка раскопано 19 курганов. Основные работы производились Н. Е. Бранденбургом. Им раскопаны курганы № 453—461 [26, стр. 127—129], 486—492 [26, стр. 130—135].

Три кургана у с. Макеевка раскопаны Е. Ф. Покровской [114; 119, стр. 148].

Н. Е. Бранденбург отмечает группы курганов в количестве 15—20 насыпей на полях к востоку и к северу от с. Макеевка. В восточной группе им раскопаны курганы № 453—455, 486—491, а в северной — курганы № 456—460, 492. Четыре кургана, раскопанные под № 461, были расположены в с. Макеевка.

Из общего числа курганов не выяснено время двух погребений (№ 458, 459). К IV в. до н. э. относятся семь курганов (№ 461, 486, 487, 489, 490 — раскопки Н. Е. Бранденбурга; № 1, 2 — раскопки Е. Ф. Покровской). К V в. до н. э. относятся два кургана (№ 491, 3). К VI в. до н. э. принадлежат шесть курганов (№ 453, 454, 455, 460, 488, 492). Из них с жаботинской порой связаны курганы № 455, 460. К эпохе бронзы относятся два кургана (№ 456, 457). Скифское погребение в кургане № 492 оказалось впускным в курган эпохи бронзы.

Курган № 453 [26, стр. 127]. Высота 1,4 м. Могильная яма с уступом. Размеры по верху $4,2 \times 2,8 \times 1,7$ м, на глубине 0,3 м яма сужается до 1,4 м. На уступе, очевидно, находилось перекрытие могилы. В яме — следы дерева. Могила ограблена. В составе находок оказались: большое железное копье (длиною 50 см) архаической лавролист-ной формы с высокой трубчатой нервюрой (табл. XVII, 1); втулка у нижнего конца заканчивается широкой полосой из ряда рельефных руб-чиков, на острие его была одета железная обойма — как бы род желез-ного футляра с продольной прорезью на одной стороне (табл. XVII, 5).

В погребении найдены: уздечка, состоящая из бронзовых удилов со стремявидными петлями (табл. XVII, 2) и пары железных стержневид-ных псалий (табл. XVII, 6); обломок обработанной кости, несколько железных обломков, как бы от обруча, обломок железного ножичка (не сохранился); железное пряслице со следами дерева во втулке (табл. XVII, 4); кости коня и обломки глиняной посуды, в составе ко-торой сохранился чернолощенный круглотелый кубок с поясом резного орнамента в верхней половине корпуса — резные наклонные линии, об-разующие треугольники (табл. XVII, 3).

Курган № 454 [26, стр. 127, 128]. Высота около 1,4 м. Могильная яма размерами $2,8 \times 1,7 \times 0,9$ м, перекрыта тремя рядом лежащими толстыми плахами, частью обожженными. В яме — деревянный (дубо-вый) сруб с деревянным полом (размеры $1,4 \times 1$ м), концы сруба «за-рублены в замок». На дне гробницы — следы истлевшего скелета, ори-ентированного головой на юг. При нем обнаружены: железное копье с широким лавролистным пером и высоким трубчатым ребром, пере-ходящим во втулку (табл. XVIII, 1), бронзовый наконечник стрелы (не сохранился), обломок железного стержня с шишечкой на конце (очевидно, булава, табл. XVIII, 10), пряслице (табл. XVIII, 5), восемь бусин: одна из сердолика, остальные из пасты (табл. XVIII, 6—9) и восемь глиняных сосудов. В их числе — две большие миски (одна у верхнего края имела отверстие, обведенное вокруг валиком); два «про-долговатых» горшка, украшенных по верхнему краю рядом сквозных проколов (не сохранились); два гладких черпака с высокими ручками (табл. XVIII, 4, 11); два сосуда в виде круглотелых кубков без орна-мента (табл. XVIII, 2, 3).

По наблюдениям Н. Е. Бранденбурга, могила не разграбленная. Сочетание инвентаря (копье, стрела, бусы, булава и пряслице) по-зволяет предполагать одно из древнейших погребений женщины с ору-жием. Незначительные размеры склепа ($1,4 \times 1$ м) разрешают думать, что в данном случае была погребена девочка-подросток.

Курган № 455 [26, стр. 128]. Высота около 1,2 м. Могильная яма в материке, размеры $3,5 \times 2,1 \times 1,6$ м со следами дерева, погребение разграблено. В яме обнаружено шесть глиняных сосудов: два черно-лощенных, богато орнаментированных черпака с высокими ручками (табл. XIX, 3, 4); круглотелый кубок, орнаментированный от дна до основания шейки (табл. XIX, 5); кубок с поясом врезного орнамента (табл. XIX, 1); невысокий горшочек из красной глины, украшенный ни-же края гладкого венчика проколами изнутри (табл. XIX, 2); миска в обломках (не сохранилась). Кроме того, был найден небольшой об-ломок железного заостренного прута (не сохранился).

Курган № 460 [26, стр. 129, 130]. Высота небольшая. Могильная яма размерами $2,8 \times 2,1 \times 0,7$ м. В яме обнаружен деревянный сруб размерами $1,4 \times 0,7$ м. В срубе — слабые следы двух погребенных, ле-жавших головами на юг. При восточном скелете найдены бронзовые удила со стремявидными петлями (табл. XVII, 7). При западном — у головы лежали пряслице (табл. XVII, 8), две бронзовые спиральные сережки (табл. XVII, 9), бусина. На дне найдены остатки железного копья, обломок ножа (не сохранился) и две железные гвоздевидные булавки (табл. XVII, 10). В северо-западном углу находились обломки посуды: черпак с радиально прочерченным ото дна орнаментом (табл. XVII, 11), большая миска, небольшой горшочек (не сохранились). Кроме того, в южном конце могилы, вне сруба, лежали черепки про-стого горшка и миски (не сохранились).

Курган № 488 [26, стр. 131]. Высота 1,4 м. Могильная яма около 2,8 м в поперечнике, глубина 0,7 м. Обнаружены следы деревянного склепа. Погребение ограблено. В яме найдены: два обломка железных трубок (втулки копий, подтоки?), овальное каменное блюдо, кусочки серы, следы ярко-красной краски. На блюде лежали несколько череп-ков от глиняной миски со сквозными дырочками по краю (не сохрани-лись).

Курган № 492 [26, стр. 135]. Высота 4,5 м. Очевидно, скифское погребение было впущено в насыпь кургана эпохи бронзы. На глубине 2,8 м в насыпи в средней части кургана выявлен деревянный сруб, раз-мерами $2,1 \times 1,4$ м, орнаментированный ССЗ—ЮЮВ, высотой около 0,5 м, крытый плоской деревянной крышей. В склепе оказались остатки двух скелетов, вместе с которыми найден глиняный горшок с валиком под венчиком, маленький черпак с высокой ручкой (табл. XVIII, 12, 13) и черепки миски (не сохранились).

Курганы у с. Мартоноша ([ОАК, 1880, стр. 29] (рис. 1, 24)

Высота около 3,5 м. Подробности раскопок неизвестны. В кургане найден бронзовый кратер ионийской работы первой половины VI в. до н. э. с фигурными ручками, украшенными изображением фигурки Медузы [105, № 212] (табл. XX, 3).

При случайных раскопках в кургане найдены два бронзовых жертвенных ножа (табл. XX, 1, 2), бронзовые наконечники (табл. XX, 6—8), бронзовые двухпетельчатые удила с подвесками (табл. XX, 5) и черпак с высокой ручкой (не сохранился). Обстоятельства раскопок неизвестны.

Курганы у с. Оситняжка (рис. 1, 10)

В группе у с. Оситняжка раскопано 19 курганов, 13 из которых (№ 1—13) исследованы В. В. Хвойкой [159, стр. 7—12, № 1, 2]. Шесть курганов (№ 471, 472, 473, 474) раскопаны Н. Е. Бранденбургом [26, стр. 138, 139]¹.

Неизвестными по времени остаются пять курганов (№ 1, 13 и три кургана, описанные под № 473).

IV в. до н. э. датируется курган № 472; V в. до н. э. — курган № 9; архаической порой не менее двенадцати курганов (№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 471, 474).

Курган № 2 [159, стр. 7, № 1, 2]. Высота 1 м. Под насыпью обнаружена яма с деревянным склепом, сделанным из брусев. Размеры $1,6 \times 0,85 \times 1,2$ м. На дне лежал скелет в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. За левым плечом его стояло два сосуда, «один из которых был украшен линейным орнаментом», а в ногах — глиняный сосуд «с высокой ручкой» (очевидно, черпак). На левой руке был одет браслет «из бронзовых спиралей (возможно, спиральных пронизок) и бус, у шеи — три желтые бусины, у плеча — пряслице, у пояса — железный ножик.

Погребение, несомненно, женское. На раннее время захоронения указывает упоминающаяся здесь находка сосуда типа черпака.

Описание инвентаря этого погребения очень неопределенно. В коллекции Киевского исторического музея из этого погребения числится полусферическая миска с поверхностью серого цвета, украшенная по верхнему краю группами рельефных выступов (табл. XXI, 1). Сосуд типа миски здесь не упоминается, тогда как в описании кургана № 10 говорится о находках трех мисок, которые, однако, в музейном собрании не числятся. Неизвестен и сосуд «с линейным орнаментом». В то же время в собрании музея из кургана № 5 этой коллекции числится небольшой горшочек, на плечике которого имеются две слабо прочерченные бороздки. В составе находок из кургана № 5 он не упомянут (табл. XXI, 6). В то же время из кургана № 2 якобы происходит небольшая вазообразная мисочка на высокой полый ножке, не упомянутая в описании (табл. XXI, 2), обычно встречаемая в погребениях более поздней группы.

Курган № 3 [159, стр. 8, № 1—2]. Малой высоты. Яма размерами 5,4 м. В противоположных углах у юго-западной и юго-восточной сте-

нок были найдены сосуды, возле которых лежали пережженные человеческие кости. Один из сосудов (у юго-восточной стенки) имел «вид кувшина».

Из этого кургана в музейном собрании имеется один горшок тюльпановидной формы без орнамента (табл. XXI, 3).

Курган № 4 [159, стр. 8, № 1—2]. Высота не указана. «На глубине 60 см от поверхности земли» открыта яма размерами $1,8 \times 0,9 \times 1,6$ м, в которой оказался деревянный склеп с четырьмя столбами по углам и двумя столбами по бокам, перекрытый деревянным настилом. На бревнах настила был найден глиняный черпак с высокой ручкой.

На дне ямы лежал скелет, вытянуто, головой на юго-запад, «при котором с правой стороны найден выгнутый кремневый нож (может быть, серп. — В. И.) и у левого бедра распахавшаяся бронзовая бляшка со спиральным орнаментом и небольшой железный ножик». В данном случае имеется некоторая неясность. Дело в том, что в собрании Киевского исторического музея из Оситняжских курганов хранится круглая бронзовая бляха с петлей сзади, украшенная с наружной стороны кружками и спиральным орнаментом (табл. XXI, 4). Однако она не распахавшаяся, а хорошо сохранившаяся. В то же время в кургане № 6 числится какая-то «бронзовая пуговка». Остается неизвестным, к какому из двух погребений относится данная бляха со спиралью.

Курган № 5 [159, стр. 8, № 1—2]. Едва заметной высоты. «Под незначительным слоем чернозема на глубине 60 см, в сплошном слое комков выжженной глины стояли три глиняных сосуда (один с высокой ручкой — черпак), среди которых лежали пережженные человеческие кости». В Киевском историческом музее из этого погребения хранится мелкий чернолощенный черпак без орнамента с отбитой ручкой (табл. XXI, 5) и небольшой горшочек с двумя горизонтально прочерченными полосами на плече (табл. XXI, 6). Весьма возможно, что этот последний относится к комплексу кургана № 2.

Курган № 6 [159, стр. 8, № 1—2]. Высота незначительная. Размеры ямы $1,6 \times 0,6 \times 1,5$ м (скорее всего 1,5 м — ширина, а 0,6 м — глубина. — В. И.), в ней обнаружены обожженные человеческие кости, «очевидно, перенесенные из другого места». Около них в северо-восточной стороне найдены два небольших черпака. Возможно, к этому погребению относится упоминавшаяся выше в кургане № 4 бронзовая бляшка со спиральным орнаментом (табл. XXI, 4). Из керамики к комплексу этого погребения в собрании Киевского исторического музея относятся мелкий чернолощенный неорнаментированный черпак с высокой ручкой (табл. XXI, 9) и миниатюрный горшочек в форме баночки, без орнамента, в описании не упомянутый (табл. XXI, 8).

Курган № 7 [159, стр. 9, № 1—2]. Высота 60 см. Яма размерами $1,4 \times 0,9 \times 0,9$ м. В могиле — скорченный скелет, головой на юго-восток. В ногах стояло четыре глиняных сосуда, в том числе один с высокой ручкой (черпак), у головы находились бронзовые кольцо (серьга?), наконечник стрелы и железный ножик. Из состава инвентаря известен только черпак — мелкий, широкий, чернолощенный, без орнамента (табл. XXI, 7). Ручка отбита.

¹ Под № 473 раскопано три кургана.

Курган № 8 [159, стр. 9, № 1—2]. Насыпь едва заметна. На глубине 55 см, под слоем комков обожженной глины обнаружена тщательно выглаженная глиняная обожженная площадка, на ней лежали обгоревшие кости двух скелетов в скорченном положении, между которыми стояли шесть сосудов. Еще четыре сосуда стояли в головах погребенных. «Кроме того, здесь оказалось множество угля и остатки глинобитных стенок с отпечатками прутьев». (Очевидно, сожженный склеп в виде каркасной, обмазанной глиной постройки на материке). От этого интереснейшего погребения остались высокий тюльпановидный горшок с валиком, украшенным пальцевыми зацепками по плечикам и проколами под краем венчика (табл. XXI, 10), и днище чернолощеного кубка без орнамента (табл. XXI, 11).

Курган № 10 [159, стр. 10, № 1—2]. Насыпь едва заметна. На глубине 80 см под слоем комков выжженной глины, покрытой сверху черноземом, открыта обожженная площадка. На ней лежали пережженные человеческие кости, вокруг которых стояли вверх дном три глиняных миски и два сосуда «в виде кувшинов». В музейной коллекции из этого погребения сохранились два горшка, очевидно, названные «кувшинами»: горшок тюльпановидной формы с валиком, украшенным вдавлениями, на плече и проколами под венчиком (табл. XXI, 12) и горшок меньших размеров с орнаментом в виде насечек с внутренней стороны венчика (табл. XXI, 13). Сохранилась также глиняная мисочка с прямыми расширяющимися стенками (табл. XXI, 14). Возможно, к этому погребению относится миска, отмеченная в кургане № 2 (табл. XXI, 1).

Курган № 11 [159, стр. 10, № 1—2]. На глубине 1,1 м от верха насыпи обнаружена яма с деревянным склепом. Размеры ее — $1,6 \times 0,9 \times 0,4$ м. На дне лежал скелет головой на юг. У головы и у таза стояло по одному сосуду, «из которых один, с лоснящейся поверхностью, был посредине украшен идущим вокруг орнаментом».

Курган № 12 [159, стр. 11, № 1—2]. Под насыпью находилась могильная яма с деревянным склепом. Размеры $1,9 \times 0,3 \times$ (? , возможно, глубина) $\times 0,75$ м. В яме лежал скелет головой на запад. Около ноги найден цилиндрический костяной предмет, у правого бедра — восемь бронзовых наконечников стрел (табл. XXI, 18—24), в ногах — глиняный черпак с высокой ручкой.

Курган № 471 [26, стр. 138]. Высота 0,7 м. Погребальная яма в материке. Размеры $2,1 \times 1,4 \times 1$ м, ориентирована В—З. В яме — следы деревянного склепа; остатки человеческих костей очень плохой сохранности. Вероятно, скелет лежал на левом боку головой на восток.

В могиле найдены: бронзовые удила со стремявидными петлями (табл. XXI, 17), бронзовый наконечник стрелы — двухлопастный с шипом (табл. XXI, 16), несколько зерен мелкого бисера, маленький железный ножик и глиняный неорнаментированный черпак с высокой ручкой (табл. XXI, 15).

Курган № 474 [26, стр. 139]. Высота 0,7 м. Могильная яма размерами $2,1 \times 2,1 \times 0,7$ м со следами склепа. Могила разграблена. Среди разбросанных человеческих костей найдены: остатки железных удила с железными псалиями, около десяти бронзовых наконечников стрел,

один костяной и два железных наконечника, «три маленьких костяных украшения грибообразной формы», несколько крупных пастовых бус и мелкого бисера, обломки бронзы, обломки глиняного блюда и горшка. На раннее время этого погребения с наибольшей вероятностью указывают находки маленьких костяных «гвоздиков» или «грибков», свойственных комплексам архаического периода.

Курганы у с. Пастырское (рис. 1, 11)

На расстоянии 3 км к западу от с. Пастырского в уроч. «Галушино» находится известное Пастырское городище; к югу и к западу от него, за валом городища, находится 19 курганов, из которых четыре были раскопаны В. В. Хвойкой [ДП, II, стр. 9—10], а три — Н. Е. Бранденбургом (№ 446—448) [26, стр. 136—137].

Время кургана № 446 неясно. IV в. до н. э. датируются курганы № 3, 4, 448, V в. до н. э. — курганы № 1, 2, 447. Курганы, относящиеся к архаическому периоду, не обнаружено.

Курганы у с. Рыжановка (рис. 1, 12)

В окрестностях с. Рыжановка к северу от Звенигородки в системе речки Тикича раскопано 16 курганов. Некоторые из них были раскопаны польским археологом Г. Оссовским (курганы № 4, 5, Кобринский курган и у с. Резины). Данные об этих раскопках приведены у А. А. Бобринского [Смела, II, стр. 138—156]. Одиннадцать курганов раскопаны Д. Я. Самоквасовым (№ 1—V [127, стр. 12—13] и 2—7 [127, стр. 82—88]).

Описывая эту группу, исследователи отмечают, что она помещается на возвышенной гряде и тянется узкой полосой к югу от с. Рыжановка по направлению дороги, ведущей к хутору с. Залесного. Два кургана имели высоту около 8 м и были окружены восемнадцатью курганами средних и малых размеров [Смела, II, стр. 138; 127, стр. 71, рис. 17, 18].

Из них неопределенным остается время четырех курганов (№ 3, 4, 6, 7, раскопки Д. Я. Самоквасова).

К V в. до н. э. относится курган у с. Резина. К архаической (жаботинской) поре принадлежат четыре кургана (№ 5 Г. Оссовского, 1, 2, 5 Д. Я. Самоквасова). Кобринский курган относится к эпохе бронзы. Впускными в насыпи курганов бронзы являются погребения в кургане № 5 Г. Оссовского и № 2 Д. Я. Самоквасова.

Курган № 5 (раскопки Г. Оссовского) [Смела, II, стр. 148—150]. Высота менее 1 м. Скифское погребение оказалось впускным в насыпь кургана эпохи бронзы. В насыпи встречались кости лошади, разрушенный скелет человека. В насыпи на разных уровнях было найдено два кубка с геометрическим орнаментом, обломки орнаментированного черпака с высокой ручкой, несколько мисок. Одна из них (высота 10, диаметр 28,5 см) была орнаментирована по краю наколами с выпуклинками, по четырем сторонам имелись ушки с отверстиями; кроме того, здесь найдены «небольшой черный сосуд в форме гладкой чашечки с

заглубленным дном и высокий горшок (высота 23,5 см), украшенный ниже края венчика сквозными проколами, сделанными изнутри, и двумя наклепными валиками с зажимами, размещенными вокруг шейки и посредине высоты» (признак горшков жаботинского времени).

Курган № 1 [127, стр. 12] (раскопки Д. Я. Самоквасова). Высота 2,7 м. Под центром насыпи обнаружена могильная яма с кольцом выкида вокруг. Размеры 2,8 × 2,8 × 2,8 м. С северной стороны в яму вела ступенька 0,7 м ширины и 0,35 м глубины. В яме — обгоревший сруб. Обугленный человеческий остов лежал головой на север. В яме лежали сосуды, подобные найденным в кургане № 5 Г. Осовского, глиняная блоковидная застежка, «верхняя половина кремневого книжала, кремневый наконечник стрелы и кремневый осколок формы ножа».

Курган № II [127, стр. 12—13] (раскопки Д. Я. Самоквасова). Погребение введено в насыпь кургана эпохи бронзы. Как полагает Д. Я. Самоквасов, умерший был погребен в сидячем положении. Позвонки, лопатки, ребра найдены скученными на костях таза, голени подогнуты под бедра.

Слева от погребенного найдены бронзовые удила кобанского типа (табл. XXII, 1), две бронзовые пряжки-пронизи с солярными знаками сверху (табл. XXII, 2) и шесть сосудов: три миски, «одна формы большого горшка, орнаментированного в верхней части узором, состоящим из точек и черточек, сведенных в треугольники, одна формы чаши с узором из треугольников и массивной ручкой, украшенной ромбовидным узором и роговидным отростком, одна формы чашечки с ушком без орнамента»¹.

В Московском историческом музее из этого погребения сохраняются две миски с конически расширяющимися стенками и четырьмя выступами по краю (табл. XXII, 5, 6), три черпака: два из них с орнаментом по выпуклой части корпуса (табл. XXII, 4, 7) и один гладкий (табл. XXII, 3)².

Курган V [127, стр. 13] (раскопки Д. Я. Самоквасова). Погребение на материке со следами «засклепки» (возможно, склеп на грунте или с впущенным основанием). Скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на запад. За спиной найдены фрагменты железного копья, следы какого-то бронзового предмета, два кремневых осколка, у головы — «два глиняных сосуда формы чашек, орнаментированных в верхней части узорами, с массивными овальными ручками с роговыми отростками» (черпаки).

Курган № 5 [127, стр. 88] (раскопки Д. Я. Самоквасова). Очень небольшой. Могильная яма в материке, ориентирована С—Ю, размеры

¹ В описании этого кургана [127, стр. 91] находка бронзовых предметов конской упряжи отнесена к центральному погребению в яме со следами дерева в сопровождении сосуда, каменного диоритового топора, шлифованного топора-молотка со сверлиными и двумя высечками на нижней стороне. Очевидно, в данном случае это ошибка и надо руководствоваться описанием на стр. 12—13.

² Вещи из кургана № 2, II и 5, хранящиеся в Московском историческом музее, опубликованы А. И. Тереножкиным [145, стр. 211—215].

1,7 × 1,4 × 1 м, прослежены следы деревянного склепа. На дне лежал разбросанный человеческий скелет. В могиле найдены: железный кинжал со следами деревянных ножен, украшенных бронзовым наконечником (табл. XXII, 8, 9), фрагменты железного наконечника копья, бронзовые наконечники стрел архаических типов (табл. XXII, 10—15), несколько глиняных и стеклянных бусин, два кусочка красной краски, три черпака, из которых известны два чернолощенных, гладких без орнамента (табл. XXII, 16, 17) и большой глиняный сосуд (не сохранился).

Курганы в уроч. Секирное близ Смелы (рис. 1, 13)

В 6 км к северо-западу от Смелы и с. Константиновки, в лесу, над правым высоким берегом болота Ирдынь расположен обширный могильник, наибольшая часть которого размещена в уроч. Секирное (рис. 2 «А»). Всего курганов здесь свыше 300, многие из них еле заметны. Часто два или три кургана сливаются в одну насыпь [Смела, II, стр. 5]. В уроч. Секирном А. А. Бобринским исследовано 40 курганов (№ 77—106 [Смела, II, стр. 9], 351—360 [Смела, III, стр. 5]).

Раскопки были на редкость безрезультатны, а полученные материалы чрезвычайно плохо описаны. Время не менее 30 погребений остается невыясненным (курганы № 78, 79, 81, 84, 85, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 351, 352, 354, 355, 356, 358, 359, 360).

К IV в. до н. э. относятся, скорее всего, курганы № 77, 83, 87, 98, 353; к V в. до н. э. — курганы № 80, 82, 357.

С архаическим временем с достоверностью может быть связан только курган № 90. Несколько архаических погребений было открыто в суммарно описанных курганах № 351—360, как о том свидетельствуют находки некоторых сосудов, в частности архаических чернолощенных мисок, хранящихся под этими номерами в собрании Киевского исторического музея (табл. XXIII, 10—12).

Курган № 90 [Смела, II, стр. 9]. Высота 1,95 м. Погребение в насыпи. Рядом с разбросанными человеческими костями найдены: глиняный черпак [типа Смела, II, табл. VII, 1—6], глиняная миска (типа Смела, II, табл. VI, 5), маленькая бронзовая пронизь (табл. XXIII, 7—9).

Курганы у с. Старосельчко (рис. 1, 14)

Над левым берегом р. Балаклейки, в лесу, в окрестностях с. Старосельчко, был расположен могильник, состоящий приблизительно из 300 насыпей (рис. 2, «Ш»). Насыпи средней и малой величины.

А. А. Бобринским раскопано 39 курганов [Смела, III, стр. 13—15] (№ 252—289). Раскопки оказались мало эффективными. Неизвестным осталось время 33 курганов. Шесть курганов (№ 252, 254, 255, 261, 266) могут быть, вероятнее всего, отнесены к V—IV вв. до н. э. Из общего числа неизвестно ни одного памятника, который можно было бы отнести ко времени скифской архаики.

Река Ташлык впадает в Тясмин с правого берега выше Смелы. С левого берега Ташлыка при впадении тянутся курганы, «которые между Холодным Ярмом и Малосмелянской экономией образуют две группы, состоящие каждая примерно из 20 насыпей куполообразной формы большой и средней величины, в числе прочих возвышаются два очень больших кургана» [Смела, II, стр. 44]. Здесь (рис. 2 «I») А. А. Бобринским было раскопано пять курганов [Смела, II, 44—47] (№ 72—76). Четыре кургана (№ 343, 344, 345, 370) были раскопаны им у с. Ковалиха (рис. 2 «X») [Смела, III, стр. 33—35].

Из курганов, раскопанных на р. Ташлык, неясным остается время трех (№ 73, 75, 345), к архаической поре относятся курганы № 343, 344, 370. К бронзовому веку — курганы № 72, 74, 76.

Курган № 343 [Смела, III, стр. 34]. Высота 2 м. Под насыпью обнаружены 5 ям, ориентированных с запада на восток, длиной от 1 до 2 м, шириной несколько меньше, незначительной глубины. Одна из ям круглая, диаметром 2,25 м и глубиной 0,6 м. В ямах следы сожжения: уголь, пепел, обожженная земля, черпаки, камни, кости зверей (среди которых были голова кабана, голова собаки, челюсть медведя), между ними круглый гранитный отбойник и мелкое отточенное кремневое острие. Найдены также четыре глиняных пряслица (табл. XXIV, 8—10), пять костяных проколов (табл. XXIV, 5—7) и глиняный чернолощенный кубок с поясом резного орнамента по корпусу (табл. XXIV, 4).

Курган № 344 [Смела, III, стр. 34—35]. Высота около 2 м. В насыпи обнаружены кости от двух человеческих скелетов. При них найдены: два наконечника копья, одно из них железное, а другое бронзовое (табл. XXV, 4); «два маленьких глиняных сосуда скифского типа», из которых известен один: круглотелый кубок — чернолощенный, с поясом резного геометрического орнамента на корпусе (табл. XXV, 3). Кроме того, в разных местах насыпи встречены кости животных, несколько костяных шильев и проколов, большой наконечник из кости (табл. XXV, 5, 7—9), вкладыш кремневого серпа (табл. XXV, 6) и обломок второго, два глиняных пряслица, из которых известно одно (табл. XXV, 10). Под насыпью кургана в могильной яме оказалось погребение, относящееся к железному веку. Время его не уточнено.

Курган № 370 [Смела, III, стр. 35]. На уровне грунта находилось захоронение взрослого и ребенка. Кости взрослого скелета лежали кучей, отчего А. А. Бобринский заключает, что умерший был погребен сидя; рядом с ним — кости двух-трехлетнего ребенка. При погребении найдены три сосуда, хранящиеся в Киевском историческом музее: высокая миска с конически расширяющимися стенками и четыре пары выпуклых шишечек по верхнему краю (табл. XXIV, 1), мелкий неорнаментированный черпак с высокой ручкой (табл. XXIV, 2), горшок с проколами ниже края венчика и четыре наклепанных шишечками по корпусу (табл. XXIV, 3).

У с. Теклино, на р. Медянке, на полях к северу и северо-западу от него А. А. Бобринским раскопано пять курганов (№ 346, 347, 365—367) [Смела, III, стр. 18] (рис. 2 могильника «Э», «Я», «Ъ»). К IV в. до н. э. относятся курганы № 366, 367, к архаической (жаботинской) поре — курганы № 346, 365. Курган № 347 содержал погребение комаровской культуры.

Курган № 346 [Смела, III, стр. 20]. Высота около 6 м. Известен также под названием курган у с. Орловец, так как он расположен ближе к последнему. Под насыпью могильная яма, ориентированная З—В, размеры $5 \times 4,5 \times 1,3$ м. Сверху густые слои дерева, верхняя часть которых была встречена в насыпи на 3 м выше грунта. Очевидно, в данном случае имеем дело с деревянной гробницей, основание которой было впущено в грунт. По бокам яма была обставлена деревянными стенками.

На дне лежал скелет взрослого мужчины, головой на север. На шее оказалась золотая витая гривна с несходящимися, завернутыми в петли концами (табл. XXV, 23), в области черепа найдены гвоздевидная серебряная булава и две бляшки из тонкого листового золота в виде фигурок ланей с поджатыми ногами и повернутой назад мордой (табл. XXV, 21, 22).

Подле остова лежал колчан с 29 бронзовыми (табл. XXV, 16, 17) и четырьмя костяными (табл. XXV, 18) пулевидными наконечниками стрел. Рядом лежало железное острие (от копья?) и железный меч в деревянных ножнах, в описании которого А. А. Бобринский ссылается на архаический тип [Смела, II, табл. XV, 7]. Ножны были обвиты крестообразно ленточками, следы которых были заметны на истлевшей поверхности.

Здесь же лежали части четырех уздечек: пара железных удиц с простыми железными псалиями, бронзовые удила со стремявидными петлями (табл. XXV, 19) и две пары костяных псалий (табл. XXV, 11, 20).

В ногах стояли два сосуда «из коих один представлял высокую урну, диаметр отверстия вверх 0,3 м, стенки очень толстые», и круглотелый чернолощенный кубок с поясом врезного геометрического орнамента (табл. XXV, 2). В юго-западном углу лежала передняя часть лошади и при ней шесть костяных «проколов» (очевидно, грифельные кости стопы коня, ошибочно описанные как проколки, табл. XXV, 12, 14, 15). В насыпи выявлены обломки керамики и костяная просверленная пластинка (табл. XXV, 13).

Курган № 365 [Смела, III, стр. 18]. Высота — 3 м. В насыпи обнаружены разбросанные человеческие кости и керамика, в том числе обломки большого чернолощенного черпака [типа Смела, I, табл. XV, 7 и Смела, II, табл. VII, 1], «большого сосуда с толстыми стенками, украшенного сверху правильными узорами из перекрещивающихся линий», небольшой горшочек (табл. XXV, 1) бочонковидной формы с за-

шипным валяком под венчиком. Кроме того, упоминаются обломки амфоры и «глазкого сосуда греческой работы, бледно-красного цвета», а также два кремневых скребка. Яма в грунте не отмечена.

Курганы на левом берегу р. Тенетинки (рис. 1, 17)

Среди курганов, расположенных А. А. Бобринским на Тасмине, важное место занимают курганы на левом берегу р. Тенетинки или Подовки, впадающей в Тасмин с правого берега, выше г. Сметы. Всего А. А. Бобринским было здесь раскопано 120 курганов — № 107—227 [Сметы, II, стр. 51—110], (рис. 2, «М», «Н», «О»).

Оба берега р. Тенетинки возвышены, довольно круты, нарезаны тинки в местностях, покрытой лесом. На возвышенности к востоку от р. Тенетинки в местностях, покрытой лесом, расположены курганы, которые размещены отдельными группами. А. А. Бобринским обозначены семь таких групп, описанных под обозначением букв латинского алфавита.

Могильник «А» (курганы № 107—163, рис. 2, «Н»). Он расположен в лесу на расстоянии около 6 км к востоку от с. Яблоновки и в 10 км от с. Пруссы, вправо от большой дороги, ведущей из Сметы в с. Пруссы, в 3 км к западу от уроч. Репяшине и строений Яблоновского лесничества. Могильник занимает верхнюю площадку возвышенности, окруженную со всех сторон крутыми склонами и долинами. Только с восточной стороны узкая возвышенная полоса как бы является дорогой на площадку, занимаемую могильником. Местность носит название «Шейнина шпиль». Могильник состоит из 200 курганов, обросших лесом. Курганы тесно примыкают один к другому и составляют продолговатый колышек.

Могильник «В» (курганы № 164—175, 179—184, карта 2, «Н»). Он расположен на возвышенности, называемой «Шанцы», над берегом р. Тенетинки, образующей под горою небольшое озеро. Могильник состоит из большого количества насыпей, занимающих всю верхнюю возвышенность. Всего здесь около 120 курганов — высоких, большой частью довольно плотно прилегающих один к другому.

Могильник «С» (курганы № 176—178, карта 2, «Н»). Расположен несколько выше по р. Тенетинке, к юго-востоку от могильника «В», и отделен от него дорожкой из с. Яблоновки в с. Сунки. В могильнике, расположенном на отдельном бугре в лесу, насчитывалось 10 небольших насыпей.

Могильник «Д» (курганы № 185—190, 192—199, карта 2, «Н»). Расположен к юго-востоку от могильника «Ф» и к юго-западу от могильника «В» на небольшом от обоих расстояний, сгребая у самой большой дороги, ведущей из Сметы в Пруссы. Он оброс лесом, довольно обширен и содержит свыше 30 курганов. Насыпи размещены на небольшом расстоянии одна от другой, но не примыкают плотно друг к другу. Многие насыпи, другие почти совершенно сгладились.

Могильник «Е» (курганы № 200—209, карта 2, «О»). Находится под строением Яблоновского лесничества (уроч. Репяшине), между де-

ревями Сунки к северо-западу и Пискачевкою к северо-востоку, Жаботина — к востоку и Пруссы — к югу. От всех этих поселений могильник отстоит на 5—6 км. В нем 40 насыпей. Ко времени исследования эта местность была уже освобождена от леса.

«Могильник «F» (курганы № 210—221, 223, 225, рис. 2, «Н»). Стоит на 25 курганов. Его пересекает большая дорога из Сметы в Пруссы. Курганы значительно понижены временем и распашкой. *Могильник «G»* (курганы № 226—227, рис. 2, «Н»). Эта небольшая группа состояла из пяти насыпей и расположена отдельно на горе над берегом р. Тенетинки. Кроме того, к ней отнесены отдельно стоящие курганы № 222, 224 (рис. 2, «М»).

К сожалению, как и в других случаях, время существования курганов, 76 от общего числа, осталось неуточненным (курганы № 109, 112, 115—117, 120—122, 125, 127, 133, 138, 140—142, 145, 147, 148, 154, 155, 157, 160, 162, 166—172, 175—178, 180—182, 186, 187, 189, 190, 191, 193—197, 199, 200—206, 208—210, 216—218, 221—223).

К IV в. до н. э. относятся курган № 224, к V в. до н. э. относятся курганы № 188, 197, 207, к VII—VI в. до н. э.—40 курганов (№ 107, 108, 110, 111, 113, 114, 118, 119, 124, 126, 134—136, 139, 143, 144, 146, 155, 158, 159, 161, 163, 164, 173, 174, 179, 183—185, 192, 211—215, 219, 220, 225—227).

Таким образом, в могильнике на р. Тенетинке раскопано наибольшее количество курганов, относящихся к архаической поро и дающих наиболее полное представление о погребениях жаботинского этана на Тасмине.

Курган № 107 [Сметы, II, стр. 92]. Высота 2 м. В насыпи, на глубине 0,85 м, обнаружено погребение женщины и ребенка. Женский скелет лежал вытянуто на спине, немного на бок, головой на запад. За головой стоял глиняный черпак с резным орнаментом, схема рисунка которого изображена в «Сметы» (табл. XXVI, 2). Здесь же найдены глиняные пряслице и бронзовая булава с большой петлей (табл. XXVI, 1). От детского захоронения сохранилось несколько костей.

Кроме того, в насыпи найдены кости барана и второе, разрозненное в беспорядке погребение, при котором назывались черепки от разбитого глиняного сосуда.

Под насыпью кургана могильной ямы в грунте не обнаружено. *Курган № 108* [Сметы, II, стр. 100]. Высота 2,12 м. В насыпи от обломки простого глиняного сосуда и отдаленные человеческие кости. Насыпь обломки небольшого терракотового греческого бюстлика, же уровня грунта — прямоугольная яма, ориентированная 3—В, размещена в виде круглого кубка без орнамента с темной, хорошо залощенной поверхностью (табл. XXVI, 3). Если этот сосуд действительно

но принадлежит к данному погребению, то его можно отнести и к арханческой поре.

Курган № 110 [Смела, II, стр. 100]. Высота около 2 м. В группе курганов № 110, 117, 130, 152, описанных А. А. Бобринским, в насыпях вместе со следами сожжения были найдены разбитые глиняные сосуды, в том числе чашечка и черпак. Орнамент последнего схематично изображен на таблице в Смела, II [табл. XXVI, 2] (табл. XXVI, 4). Следовательно, хотя бы одно погребение из этого числа, условно обозначенное нами под 110, относится к арханческой, жаботинской поре.

Курган № 111 [Смела, II, стр. 98]. Высота 2,15 м. В насыпи на глубине 0,9 м были найдены глиняный круглотелый кубок — чернолощенный, с поясом резного геометрического орнамента с ассиметричной композицией (табл. XXVI, 5, 6); глиняный простой сосуд, «небольшая чарка и миска с узором». Эти сосуды остались неизвестны. Могилы в грунте нет.

Курган № 113 [Смела, II, стр. 94]. Высота 2,3 м. В кургане оказались два погребения жаботинского времени. Одно из них в насыпи, другое — в грунтовой яме.

Первое расположено в центре кургана. Женский скелет в беспорядке, ниже найдены глиняный кубок и «чарка» (табл. XXVI, 7). Могильная яма ориентирована З—В, размеры $2,2 \times 1,55 \times 0,25$ м, обшита деревом. Умершая лежала вытянута на спине, головой на юго-запад, правая рука согнута с кистью у лица (табл. XXVI, 10). У головы найдены: глиняная миска, в которой помещались «другой такой же сосуд меньших размеров», глиняный черпак, сломанная бронзовая «игла», обломки железного ножа.

Слева у плеча находился деревянный закругленный предмет в виде шарика и длинное костяное острие (табл. XXVI, 9). На тазовых костях кучка иссохших желудей.

В Киевском историческом музее к комплексу этого кургана относится и сосуд типа кубка (табл. XXVI, 8) (возможно, относящийся к погребению в насыпи), рыжевато-розового цвета, с матовой поверхностью, незалощенный, в глине мелкий песок.

Курган № 114 [Смела, II, стр. 98]. Высота 2,5 м. Погребение в насыпи на глубине 1,6 м. Здесь найден небольшой глиняный кувшинчик [Смела, II, табл. VI, 9]. Ниже — обмотки железного предмета и два вложенные друг в друга черпака. Один — глубокий, рыжеватый с серыми пятнами, с поясом резного орнамента, образующего композиции ромбов (табл. XXVI, 12). Второй черпак неизвестен. А. А. Бобринский приводит систему его орнаментации (табл. XXVI, 11). Ямы в грунте нет.

Курган № 118 [Смела, II, стр. 98]. Высота 2,5 м. В насыпи обнаружены кости зайца и два черпака. Ниже уровня грунта в центре прямоугольная яма, ориентированная З—В, размеры $2,7 \times 1,6 \times 0,22$ м, с остатками дерева. В ней найден скелет человека в беспорядке. Возможно, здесь был деревянный склеп с впущенным в грунт основанием.

Курган № 119 [Смела, II, стр. 100]. В Киевском историческом музее из этого кургана хранятся чернолощенный черпак с резным орна-

ментом (табл. XXVII, 4) и небольшая мисочка розоватого цвета с хорошо лощеной поверхностью (табл. XXVII, 3).

Курган № 124 [Смела, II, стр. 99]. Высота около 2 м. В насыпи найден орнаментированный черпак (схема орнамента — табл. XXVII, 1). Под насыпью в грунте могилы не оказалось.

Курган № 126 [Смела, II, стр. 95]. Высота 2,14 м. В насыпи до глубины 1,5 м в западной части кургана обнаружены семь сосудов: большой разбитый сосуд, блюдо (не сохранились), пять черпаков, схемы орнаментов которых опубликованы в Смела, II. Из них в Киевском историческом музее сохранились два черпака — желтовато-серый, заглаженный (табл. XXVII, 7) и чернолощенный (табл. XXVII, 10) — оба глубокие, с поясом резного геометрического орнамента (схемы орнамента остальных трех черпаков приведены на табл. XXVII, 5, 8, 9). Здесь же найдены бронзовая булавка (табл. XXVII, 11), три бусины, часть железного кольца (не сохранились).

В южной части кургана открыты следы погребения, при котором оказался круглотелый кубок — рыжевато-серый, залощенный, с поясом резного геометрического орнамента (табл. XXVII, 6).

На грунте в южной части кургана встречены остатки погребения, подле которого — разбитый глиняный сосуд, кости барана, два обломка от железного копья.

Курган № 134 [Смела, II, стр. 93]. Высота 1,75 м. В кургане погребения расположены в насыпи и в грунтовой яме. В центральной части насыпи на глубине 1,15 м обнаружен скелет взрослого человека, лежащий навзничь, вытянуто, головой на северо-запад. У шеи найдено глиняное пряслице, у кисти правой руки — несколько бусин, у правой коленки — кучка ссохшихся желудей.

На этом же уровне к северо-западу от первого находился второй скелет, лежащий по той же линии, что и предыдущий — вытянуто на спине. Череп второго умершего упирался в ступни ног первого. Кости в беспорядке. У головы найдена бронзовая сережка в виде калачика (табл. XXVII, 12) и несколько бусин (табл. XXVII, 13). Соотношение времени захоронений неясно.

Ниже уровня грунта оказалась мелкая могильная яма, ориентированная СЗ—ЮВ, размерами $2,0 \times 1,45$ м. В ней — бронзовый наконечник стрелы, глиняный сосуд, обломок глиняной чашки, миска и черпак. Из состава керамики известен только черпак (табл. XXVII, 14) — глубокий, залощенный, темный с желтыми пятнами и поясом врезного орнамента из заштрихованных треугольников.

Курган № 135 [Смела, II, стр. 99]. Высота около 2 м. В насыпи кургана — два разбитых глиняных сосуда, черпак (тип орнамента табл. XXVII, 2) и сожженные человеческие кости. В грунте яма отсутствует.

Курган № 136 [Смела, II, стр. 96]. Высота около 2 м. В насыпи — остатки нескольких погребений. На глубине 1,75 м — части двух человеческих захоронений, при них глиняный поломанный черпак (тип орнамента табл. XXVII, 16), бронзовый наконечник стрелы (не сохранился), камень. Ниже — часть человеческой ножной кости и бронзовая бу-

лавка со спиральной головкой (табл. XXVII, 17). Еще ниже — кости человека. Могилы в грунте нет.

Курган № 139 [Смела, II, стр. 96]. Высота 2,4 м. В насыпи на глубине 1,63 м разбросаны в беспорядке человеческие кости, глиняный черпак (табл. XXVIII, 3) серовато-желтого цвета, залощенный, с поясом врезного геометрического орнамента; бронзовая булава (табл. XXVIII, 1) и бронзовая игла (табл. XXVIII, 2). Следов могильной ямы в грунте нет.

Курган № 143 [Смела, II, стр. 101]. Высота 2,4 м. В насыпи оказались разбросанные человеческие кости, черепки от «красной глиняной посуды» и от глиняного черпака (тип орнамента табл. XXVII, 15).

Кроме того, в кургане обнаружены два впускных погребения. Возраст одного из них неясно, второе, скорее всего, — впускная скифская катакомба IV в. до н. э.

Курган № 144 [Смела, II, стр. 96]. Высота 2,35 м. В насыпи на глубине 1,72 м — обломки глиняного черпака и небольшой бронзовый штифт.

Ниже грунта оказалась могильная яма, ориентированная З—В, размеры $2 \times 1,67 \times 0,2$ м. В западной части дно перерезано канавкой. В яме разбросанные кости и часть железного ножа с деревянной рукояткой.

Курган № 146 [Смела, II, стр. 97]. Высота 2,6 м. В насыпи — черепки глиняной посуды, несколько отточенных кремней и часть железного штифта. Ниже уровня грунта «одна над другой» (?) две могильные ямы. «Верхняя яма» ориентирована В—З, размеры $2,7 \times 1,7 \times 0,22$ м. В яме — остатки дерева, уголь, головка железной гвоздевидной булавы. Костей нет.

«Нижняя яма» ориентирована С—Ю, размеры $3,05 \times 2,05 \times 0,3$ м. По длинным сторонам стенок остатки двух досок. Сверху яма обсыпана углем, внутри — обломки костей, фрагменты железного предмета, кусочки дерева со следами красной краски и обломки глиняной чарки.

Курган № 155 [Смела, II, стр. 95]. Высота 2,35 м. В насыпи на глубине 1,75 м оказались части разбитой глиняной миски и другого более тонкого сосуда с орнаментом, глиняный черпак (табл. V, 10) — темно-серый, заглаженный с поясом врезного орнамента из рядов параллельных косых линий. Кроме того, здесь найдены обломки бронзового предмета и от изделия из рога в виде рукоятки.

Курган № 158 [Смела, II, стр. 93]. Высота 2,1 м. В насыпи найдены два гранитных терочника (типа табл. XXVIII, 4, 5), разбитый черный глиняный сосуд, глиняный черпак (табл. XXVIII, 6) коричневого цвета, лощенный, с поясом орнамента в виде косых линий, образующих треугольные композиции, сделанные при помощи зубчатого штампа.

На грунте обнаружено погребение. Скелет женщины лежал на боку в согнутом положении, головой на юго-восток. На шее ожерелье из бусин и раковин каури, частицы железа, на ушах бронзовые серьги в форме калачика, оформленного в виде фигурки птицы, такой же фигуркой украшена головка бронзовой булавы, найденной в ногах. Здесь же оказались остатки железного ножа, две бусинки, глиняный

шарик, бронзовая ворварка, кусок красной краски. В. Г. Петренко относит это погребение к сравнительно поздней поре скифского времени [109, стр. 94]¹.

В центре кургана оказалась яма, ориентированная З—В, размеры $2,65 \times 1,3 \times 0,35$ м, в которой обнаружены разбитые человеческие кости и остатки дерева.

Курган № 159 [Смела, II, стр. 97]. Высота 1,8 м. В насыпи найден глиняный сосуд (табл. XXVIII, 7). Поверхность рыжеватая с темными пятнами, заглаженная, без орнамента. (По другим данным этот сосуд происходит из кургана № 185). Здесь же оказалась половина другого сосуда и части черпака (схема орнамента — табл. XXVIII, 8).

Ниже уровня грунта — остатки могильной ямы, в которой найден бронзовый наконечник стрелы (не сохранился).

Курган № 161 [Смела, II, стр. 97]. Высота 2,2 м. В насыпи найдены два глиняных черпака, из которых известен один (табл. XXVIII, 13) и обломки глиняного сосуда. Ниже уровня грунта — могильная яма, размеры $2,45 \times 1,5$ м. В яме — сброшенные в кучу человеческие кости, бронзовый наконечник стрелы (не сохранился), несколько глиняных черепков.

Курган № 163 [Смела, II, стр. 97]. В насыпи — кости женщины. При них найдены: опрокинутая глиняная миска, два черпака (табл. XXVIII, 9, 11), глиняное пряслице (табл. XXVIII, 10) и гранитный терочник. Ямы в грунте нет.

Курган № 164 [Смела, II, стр. 76]. Высота 2,8 м. В насыпи следы сожжения: жженная земля, уголь, обломки железного предмета, дерево, неотесанные большие куски гранита. Несколько выше грунта следы кострища, земля красная, обожженная.

В центре — яма, ориентированная З—В, размеры $2,7 \times 1,8$ м. Она неглубокая, заполнена жженой землей, углем, пеплом, остатками дерева.

Несколько выше грунта найдены: небольшой черный сосуд, глиняный черпак, пряслице, обломки железного меча.

Вся обстановка свидетельствует о наличии здесь погребения с сожженным деревянным склепом, основание которого было слегка опущено в грунт. Из упомянутых находок сохранился только черпак (табл. XXVIII, 12) — серый с темными пятнами, заглаженный до лощения, без орнамента.

Курган № 173 [Смела, II, стр. 75]. Высота 3,8 м. В насыпи оказались два небольших глиняных сосуда. Немного выше грунта — скелет (по определению А. А. Бобринского — мужчины), головой на запад, коленями вверх. В ногах два небольших сосуда. За головой — кости коровы и лошади, в области бедер — бронзовый браслет (табл. XXIX, 2). Над костями — остатки деревянной крыши.

В Киевском историческом музее сохранился сосуд из этого погребения. Небольшой круглотелый кубок — темно-серый, подлощенный, без орнамента (табл. XXIX, 1).

¹ Курганная группа обозначена под названием с. Большая Яблоновка.

Курган № 174 [Смела, II, стр. 75]. Высота 2,5 м. В насыпи разбитый глиняный сосуд с орнаментом (схема орнамента табл. XXIX, 3). Под насыпью прямоугольная могильная яма, ориентированная СЗ — ЮВ, размерами 2,5×1,8×0,9 м. Над ямой деревянное перекрытие. На дне лежал остов взрослого мужчины, головой на запад, вытянуто на спине.

Близ кисти левой руки — два бронзовых наконечника стрел (не сохранились), на кисти правой руки — тонкий бронзовый браслет, подле руки — обломок железного вогнутого ножа. На костях местами видны следы синеватой ткани.

С правой стороны от локтя до пояса лежит слой жженных человеческих костей. При них найден другой обгорелый тонкий бронзовый браслет (оба браслета из данного погребения на табл. XXIX, 4, 5).

Курган № 179 [Смела, II, стр. 75]. Высота 2,65 м. В насыпи найдены обломки разбитых и разбросанных сосудов. Обломки черного сосуда с узорами и большого низкого черпака, тщательно выделанного и орнаментированного (не сохранился), а также бронзовая гривна (табл. XXIX, 6). В грунте следов могильной ямы не оказалось.

Курган № 183 [Смела, II, стр. 95]. Высота 3,2 м. В насыпи найдены: глиняный круглотелый сосуд (табл. XXIX, 8) — желтоватый с темными пятнами, залощенный, украшенный поясом врезного орнамента; бронзовые удила со стремявидными петлями и бронзовые псални — прямые, с тремя трубчатыми отверстиями (табл. XXIX, 7, 9). Могильной ямы в грунте не оказалось.

Курган № 184 [Смела, II, стр. 76]. Высота 3,75 м. В насыпи — обломки костей лошади и человека, дерево, бронзовое кольцо и круглотелый кубок (табл. XXIX, 10, 11) — лощеный с поверхностью темно-коричневого цвета, украшенный поясом геометрического орнамента, затертого белой пастой. Интересно отметить, что такая же система орнамента указана на схеме для сосуда из кургана № 174 (табл. XXIX, 3). Либо здесь произошла путаница, либо перед нами два одинаково орнаментированных сосуда. На грунте следы разрушенной очень неглубокой могильной ямы.

Курган № 185 [Смела, II, стр. 87]. Высота 2,75 м. В насыпи — следы кострища: обгорелая земля, уголь, обломки жженных человеческих костей, черепки простой глиняной посуды, обломки красного сосуда и двух глиняных пряслиц.

На грунте большое пространство занято сожженными человеческими костями. В Киевском историческом музее сохранились девять сосудов из этого погребения: три — в виде круглотелых кубков с орнаментом в основании шейки (табл. XXX, 1—3), четыре простых миниатюрных тюльпановидных горшочка (табл. XXX, 4—7), простой горшок больших размеров (табл. XXX, 9) и рыжеватый лощеный кубок без орнамента (табл. XXX, 8) — тот самый, который отмечен якобы происходящим из кургана № 159 (табл. XXVIII, 7).

Этот курган описан Е. Ф. Покровской в числе наиболее ранних, относящихся еще к позднечернолесской поре [118, стр. 131 сл.].

Курган № 192 [Смела, II, стр. 87]. Высота 1,75 м. В насыпи кур-

гана разбросаны в беспорядке человеческие кости. В грунте — разрушенная могильная яма глубиной 0,75 м. В яме — черепки от черной глиняной миски и «другого черного сосуда с узорами».

Курган № 211 [Смела, II, стр. 65]. Высота 2 м. В насыпи несколько костей лошади и коровы. В грунте могильная яма, ориентированная З—В, размерами 3,2×2,6×0,5 м. Сверху деревянная крыша из досок, положенных в длину. Дно застлано толстым дубовым полом. В яме обнаружены два скелета, совершенно истлевших. Один из них лежал ближе к южной стенке, головой на запад. Ноги согнуты коленями вперед. При нем найдены: кусок гранита, глиняное пряслище (табл. XXX, 14), две янтарные бусины (табл. XXX, 15, 16), бронзовое колечко, костяная пряжка-пронизь, украшенная изображением головки грифо-барана (табл. XXX, 13), несколько очень мелких и тонких бронзовых бляшек в виде соединенных чашечек (табл. XXX, 11, 12).

У ног глиняная посуда: миска и в ней чернолощенный круглотелый сосуд с поясом резного орнамента на корпусе (табл. XXX, 17) и два глиняных сосуда, из которых в Киевском историческом музее сохранился круглотелый кубок — желтовато-серый, заглаженный до лощения, без орнамента (табл. XXX, 10) и прямостенный горшок — серовато-желтый, заглаженный, без орнамента (табл. XXX, 18).

Курган № 212 [Смела, II, стр. 65]. В насыпи человеческие черепки и кости, разбитый глиняный сосуд и черпак с высокой ручкой (табл. XXIX, 12), поверхность серая, шероховатая. В грунте могильной ямы не оказалось.

Курган № 213 [Смела, II, стр. 66]. Высота 1,8 м. В насыпи — разбросанные кости взрослого человека большого роста, зайца и большой птицы, следы дерева.

В грунте — следы разрушенной могильной ямы, слой дерева, два глиняных черпака и два кубка. Один из них сохранился в собрании Киевского исторического музея (табл. XXXI, 1) — желтоватый, заглаженный до лощения, с поясом геометрического орнамента на корпусе.

Курган № 214 [Смела, II, стр. 66]. Высота 2,15 м. В насыпи в различных местах разбросана посуда: «прямой сосуд» (возможно, горшок), «разбитый сосуд, содержащий разбитую чарку и покрытый обломком как бы тарелки и глубокой чарки, обломки третьего разбитого сосуда».

В грунте следов могильной ямы не оказалось. В Киевском историческом музее из кургана № 214 хранятся два сосуда: черпак — темно-серый, лощеный, с поясом врезного орнамента на корпусе (табл. XXXI, 4 — схема этого орнамента отмечена на сосудах из кургана № 219, табл. XXXI, 9) и круглотелый сосуд — серый с желтыми пятнами, заглаженный до лощения, без орнамента (табл. XXXI, 5).

Курган № 215 [Смела, II, стр. 66]. В насыпи — разбросанные и разбитые человеческие кости и черепки от глиняного сосуда в виде кубка с врезным геометрическим орнаментом (схема на табл. XXXI, 2). В грунте могильной ямы не оказалось.

Курган № 219 [Смела, II, стр. 66]. В насыпи оказались остатки дерева и четыре разбросанных глиняных сосуда: два черпака, кубок

и простой горшочек. Из них в Киевском историческом музее сохранились: большой мелкий черпак (табл. XXXI, 7) — темный, хорошо залощенный, с поясом врезного геометрического орнамента; круглотелый кубок — чернолощенный, с поясом орнамента на корпусе (табл. XXXI, 6) и простой горшочек небольшого размера (табл. XXXI, 8).

Орнамент одного из черпаков, происходящего якобы из этого кургана, повторяет орнамент сосуда из кургана № 214 (табл. XXXI, 9). Могильной ямы в грунте не оказалось.

Курган № 220 [Смела, II, стр. 69]. Вся насыпь кургана, особенно в его центральной части, с самого верха до грунта оказалась сильно обожженной. Обожженная докрасна земля, глиняные глыбы, прожженные камни, ошлакованные комы, жженные кости, в том числе и человеческие, разбитая глиняная посуда: «сосуд с прямыми стенками» (очевидно, горшок), миска, чарка, блюдо очень больших размеров. Ниже грунта никаких следов могильной ямы не оказалось. По-видимому, это сожженный склеп в насыпи.

В Киевском историческом музее к кургану № 220 относятся: чернолощенный кубок с поясом врезного геометрического орнамента (табл. XXXI, 11) и небольшой горшочек грубой выделки с шероховатой бугристой поверхностью, по плечикам которого процарапан орнамент в виде волн и спиралей (табл. XXXI, 10).

Курган № 225 [Смела, II, стр. 66]. В насыпи — разбитые и разбросанные человеческие кости. На грунте — следы разрушенной могильной ямы и небольшое бронзовое украшение — пронизка из спирально скрученной бронзовой ленточки (табл. XXXI, 3).

Курган № 226 [Смела, II, стр. 74]. Высота 2 м. В насыпи — часть разбитой «чарочки» и камни. В грунте могильной ямы нет.

Курган № 227 [Смела, II, стр. 74]. В насыпи — разбитый глиняный горшок, украшенный поверху небольшими отверстиями, черная разбитая глиняная «чарочка с узором». Могилы в грунте не оказалось.

В собрании Киевского исторического музея хранится бронзовый наконечник стрелы — большой двухлопастный, асимметрично-ромбический, древнейшего типа (табл. XXIX, 13), происходящий из Тенетинских курганов (какого точно сказать трудно). Находки отдельных наконечников стрел упоминаются здесь в курганах № 134, 136, 175. В данном случае существенно, что в общем смысле с ранними курганами этого могильника может быть связан наконечник стрелы жаботинского типа.

Курганы у с. Турни (рис. 1, 18)

У с. Турни А. А. Бобринским раскопано 34 кургана. Двенадцать из них (№ 458—469) — в уроч. Горбинец, где насчитывалось 25 курганов разной величины [ИАК, 20, стр. 5 и сл.]; семь (№ 483—489) — у большой дороги из с. Капитановки в Златополь [ИАК, 35, стр. 61—73]; восемь (№ 490—497) — на полях к востоку от с. Турни [ИАК, 35, стр. 73—75]; семь (№ 506—512) — над левым берегом Турни, где расположена большая группа низких насыпей [ИАК, 40, стр. 48].

Из их числа неизвестным осталось время семи курганов (№ 462, 492—495, 508, 510). К IV в. до н. э. могут быть отнесены курганы

№ 464, 467, 468, 483, 484, 487, 488; к V в. до н. э. относятся курганы № 458, 459, 460, 463, 466, 469, 489, 511, 512; к VI в. до н. э. (старше-журовского и жаботинского времени) относятся курганы № 461, 465, 486, 490, 491, 496, 497, 506, 507, 509.

Курган № 461 [ИАК, 20, стр. 8]. Высота 1,7 м. Могильная яма в грунте, ориентирована СЗ—ЮВ, размерами $2,9 \times 2,35 \times 0,7$ м. Следы склепа с деревянным настилом пола. Могила разграблена. Среди находок — остатки железного кинжала и второго большого меча, обломки двух железных ножей (один из них с костяным черенком), часть железных удилов, две бусины, черпак с высокой ручкой, черная глиняная миска.

Курган № 465 [ИАК, 20, стр. 9]. Высота 3,1 м. Могильная яма в грунте, ориентированная В—З, размерами $4,4 \times 1,7 \times 1$ м. С южной стороны входной коридор, следы деревянного склепа. Деревянный пол настлан по глинобитному, чисто обмазанному дну. Могила ограблена. Найдены: бронзовая трехгранная (?) стрелка со втулкой, обломки бронзовой «иглы» (возможно, булавки), шесть очень маленьких бусинок, глиняный черпак с высокой ручкой, части большой миски и горшок («прямой глиняный сосуд»).

Курган № 486 [ИАК, 35, стр. 66]. Высота 1,45 м. В насыпи — разрушенное погребение: человеческие и лошадиные кости, куски дерева, обломки черпака, с высокой ручкой и резным геометрическим орнаментом (табл. XXXII, 8), большого горшка и глубокой миски.

В грунте — могила, ориентированная С—Ю, размерами $3,55 \times 2,8 \times 0,4$ м, сверху перекрытая толстым слоем берестовых досок, положенных по длине могилы. Могила разграблена, в ней разбитые человеческие кости, вещей нет.

Курган № 490 [ИАК, 35, стр. 73]. Высота 3,25 м. На грунте — следы совершенно разграбленного погребения.

Сверху над могильной ямой найдены разбросанные человеческие кости, при них восемь простых глиняных сосудов и опрокинутая глиняная чаша с костями животных.

Могильная яма ориентирована С—Ю, размеры $4,25 \times 3,45$ м. Сверху была обложена слоем дерева и угля, а дно перерезано в ширину двумя неглубокими канавками.

Внутри могилы лежали в беспорядке кости по крайней мере от десяти человеческих скелетов. Найдено десять сильно истлевших черепов, в том числе один детский. На многих костях сохранились следы окиси от похищенных бронзовых предметов. Обнаружены: простой, толстый бронзовый неспаянный (по-видимому, детский) браслет, пять бронзовых неспаянных колечек, три глиняных кубка, один с орнаментом. В Киевском историческом музее сохранились два неорнаментированных с коричневатой, заглаженной до лощения поверхностью (табл. XXXIII, 1, 2).

Кроме того, в музее хранится десять сосудов, происходящих из курганов № 490—497 у с. Турни, склеенные из обломков (табл. XXXII, 2—7; XXXIII, 10—12). Эти курганы описаны отдельно, и в Киевском историческом музее относящиеся к ним сосуды также хранятся отдель-

но. Можно полагать, что большинство сосудов, отмеченных под № 490—497 у с. Турни, происходят именно из кургана № 490. Среди них два глубоких черпака с высокими ручками, с коричневато-бурой, заглаженной до лощения поверхностью (табл. XXXII, 6; XXXIII, 3); пять мисок (табл. XXXII, 3, 5, 7; XXXIII, 11, 12); кувшинообразный залощенный сосуд с поясом резного геометрического орнамента на плечиках (табл. XXXIII, 10), кружка с петельчатой ручкой (табл. XXXII, 2) — неровно вылепленная, поверхность темная, заглаженная; сосуд несколько необычного типа (табл. XXXII, 4) — черный, прекрасно залощенный, с каннелюрами на выпуклом корпусе, по своему типу напоминает сосуды фракийского гальштата.

Курган № 491 [ИАК, 35, стр. 74]. Высота 2,2 м. В насыпи — следы разрушенного погребения: обломки дерева, человеческие кости, небольшой разбитый глиняный сосуд, выброшенный из могилы, обломки глиняной миски с костями животных.

В грунте — могильная яма, ориентированная СВ—ЮЗ, размерами $3,75 \times 2,5 \times 0,4$ м. Следы деревянного перекрытия. Погребение разграблено. Найдены сломанные железные удила, железный нож, глиняная миска и три малых сосуда. В Киевском историческом музее к этому комплексу отнесены: круглотелый сосуд — коричневатый с темными пятнами, заглаженный до лощения (табл. XXXIII, 5), и сосуд в виде плоскодонного горшочка с цилиндрически суженным горлом, коричневатый, заглаженный до лощения (табл. XXXIII, 4).

Курган № 496 [ИАК, 35, стр. 75]. Высота 1 м. Могильная яма в грунте, ориентированная СВ—ЮЗ, размерами $3 \times 2,15 \times 0,95$ м. Разграблена. Найдены обломки дерева, кости взрослого человека, бронзовая двухлопастная стрела с шипом (табл. XXXIII, 8) и круглотелый сосуд — темный, с рыжеватыми пятнами, с поясом резного геометрического орнамента на корпусе (табл. XXXIII, 9).

Курган № 497 [ИАК, 35, стр. 75]. Высота 1,4 м. Могильная яма в грунте, ориентирована СВ—ЮЗ, размеры $3 \times 2,2 \times 0,8$ м. Следы деревянного склепа. Могила разграблена. Найдены обломки глиняного черпака с высокой ручкой, глиняная миска и небольшой сосуд. Последние сохранились в собрании Музея. Мисочка — серая, заглаженная до лощения, с отвернутым наружу венчиком, украшенным насечками (табл. XXXIII, 7); миниатюрный кувшинчик — темный, лощеный, с поясом прочерченного орнамента на корпусе (табл. XXXIII, 6).

Курган № 506 [ИАК, 40, стр. 48]. Высота 2,35 м. В насыпи заметны следы обгорелой земли. Могильная яма в грунте, ориентирована С—Ю, размеры $3,6 \times 3,2 \times 0,7$ м, со следами деревянного склепа. Могила разграблена. При разбитых костях человека найдены: 28 бронзовых наконечников стрел, два железных наконечника стрел, железное острие, обломки железных удили и костяных псалий, черепки горшка («прямого сосуда») и черпака («чарки»), два распавшихся железных ножа.

Курган № 507 [ИАК, 40, стр. 48]. Высота 1,7 м. Могильная яма в грунте, ориентирована С—Ю, размеры $3,8 \times 3,3 \times 0,8$ м, со следами дерева. Могила разграблена. Найдены разбросанные кости человеческого

скелета, кости барана, остатки красной краски, глиняная миска, черпак, большой горшок и маленький горшочек.

Курган № 509 [ИАК, 40, стр. 49]. Высота 1,8 м. Могильная яма в грунте, ориентирована СВ—ЮЗ, размеры $3,2 \times 2,8 \times 0,9$ м. В центре — прямоугольник, обложенный деревом. Погребение разграблено. Умерший, очевидно, лежал головой на север, возле черепа находились распавшиеся железные удила и крупный круглотелый сосуд — лощеный, с поясом резного инкрустированного орнамента (табл. XXXII, 1).

В Киевском историческом музее хранится ряд сосудов, происходящих из раскопок В. В. Хвойки на Правобережье, в бассейне р. Тясмин. Девять из них изображены на табл. XXXV. Среди них восемь черпаков различных типов: гладких (табл. XXXV, 1—7) и с орнаментом (табл. XXXV, 8); два гладких кубка (табл. XXXV, 9, 10).

Курганы у г. Шпола (рис. 1, 19)

В окрестностях г. Шпола исследовано около 20 курганов. В том числе А. А. Бобринским раскопано 16 курганов в уроч. Колонтаевка (курганы № 228—243) [Смела, II, стр. 115—119]. Кроме того, в имении Дарьевка вблизи Шпола было раскопано не менее трех курганов [Смела, II, стр. 128—130].

Из курганов, раскопанных в окрестностях г. Шпола, неясным остается время восьми (№ 229—231, 237—240, 243).

К IV в. до н. э. относится пять курганов, в том числе замечательный курган № 1 в уроч. Дарьевка у с. Васильков, курганы № 228, 233, 236, 242 из числа раскопанных А. А. Бобринским; к V в. до н. э. относятся курганы № 232, 234, 235, 241; к VI в. до н. э. принадлежит замечательное погребение из кургана, раскопанного Д. Ф. Абазой в уроч. Дарьевка, условно обозначенный нами как курган № 2 у с. Дарьевка.

Курган № 2 в уроч. Дарьевка [Смела, II, стр. 128 и сл.]¹. Известно, что Д. Ф. Абаза производила раскопки в уроч. Дарьевка у с. Василькова близ г. Шпола. Среди находок, относящихся к архаическому комплексу А. А. Бобринским опубликованы: резной наконечник из слоновой кости в виде львиной головки раннегреческой восточноморской работы (табл. XXXIV, 1); костяная ложечка с изображением фигурки хищника кошачьей породы с прижатыми лапами и стоящей на нем фигурки козла (табл. XXXIV, 2); костяной наконечник от ножен меча с изображением свернувшейся фигурки хищника кошачьей породы (табл. XXXIV, 3); костяной наконечник верхнего конца псалия в виде орлиной головки (табл. XXXIV, 4), девять костяных «гвоздиков», служивших, как полагают, для скрепления кожаных частей архаических колчанов (табл. XXXIV, 7—15), две костяные палочки-застежки (табл. XXXIV, 1, 6, 17), архаический железный кинжал (табл. XXXIV,

¹ Среди находок, описанных и опубликованных А. А. Бобринским, ряд принадлежит к комплексу IV в. до н. э. К числу этих предметов относятся: золотой рубчатый браслет с львиными головками, золотой перстень с изображением льва, золотая бляха личного убора, части железного панциря, железный клевец, фрагменты глиняной амфоры.

18); предметы личного убора; три золотые бляхи в виде фигурок оленя (табл. XXXIV, 19, 21, 22), золотая гвоздевидная серьга (табл. XXXIV, 20), две бронзовые гвоздевидные булавки (табл. XXXIV, 5, 6).

Трудно сказать, к какому комплексу относятся упомянутые в описании, но не изданные железные принадлежности конской упряжи: удила и «усики» обычного типа, железные кольца, бронзовые «кнопки», а также три железных скипевшихся стержня [Смела, II, табл. XV, 8], обух и проушина часть железного топора [Смела, II, табл. XV, 2], части железного панциря [Смела, II, табл. I].

Среди оставшихся неизвестными предметов из этих раскопок, относящихся, по-видимому, к архаическому комплексу, упомянуты также три небольшие глиняные чарки с высокими ручками, обычного типа.

Курганы между Холодным Яром и с. Яблоновкой (рис. 1, 21)

Между Холодным Яром и с. Яблоновкой на возвышенности над левым берегом р. Тясмина расположено много курганов. Над Холодным Яром их насчитывалось не менее 25 средних размеров.

Между Холодным Яром и с. Яблоновкой А. А. Бобринским было раскопано 27 курганов (карта 2, «И»): № 16—31 [Смела, I, стр. 48]; 52—62 [Смела, II, стр. 92]; 250—251 [Смела, III, стр. 30—32].

Из них неясным остается время четырех курганов (№ 24, 25, 31, 61). К IV в. до н. э. относятся девять курганов (№ 19—23, 26—30). Пятнадцать курганов оказались относящимися к эпохе бронзы (№ 16—18, 29, 54—62, 250—251).

Курган у Юрьевой горы (рис. 1, 13; 2, «Б»)

Курган № 522 у Юрьевой горы, исследованный А. А. Бобринским [ИАК, 54, стр. 99], относится к V в. до н. э.

Курганы у с. Яблоновка (рис. 1, 22)

Выше г. Смелы, при впадении р. Ташлыка, на его правом берегу у с. Яблоновка находится большое количество курганов, которые тянутся вдоль левого берега р. Тясмин. Здесь А. А. Бобринским было раскопано восемь курганов (рис. 2, «К», «Л») № 63—66 [Смела, I, стр. 33], 67—71 [Смела, II, стр. 39]. Все они относятся к периоду бронзы. В одном кургане (№ 70) оказалось впускное погребение раннескифского времени.

Курган № 70 [Смела, II, стр. 40]. Высота 2,3 м. Скифское погребение впускное, в насыпи на глубине 0,8 м. Женский скелет лежал головой на северо-запад, кости разбросаны. При них найдены обломки круглотелого лощеного кубка с поясом резного геометрического орнамента на корпусе [Смела, II, табл. XXXVI, 45]. В головах обломки такого же сосуда. Второе погребение, описанное рядом с первым, не относится к скифскому времени. В грунте — четыре могильные ямы, содержащие захоронения эпохи бронзы.

Итак, в общей сложности нами учтены данные о раскопках на Тясмине 566 курганов, из которых время 339 осталось неуточненным. 40 курганов из этого числа относятся к эпохе бронзы.

Из числа погребений, время которых может быть в той или иной степени определено, 128 относятся к архаической поре VII—VI вв. до н. э.; 59 — V в. до н. э.; 69 — IV в. до н. э.

Следует отметить, что на основании приведенных данных нельзя делать каких-либо серьезных выводов о степени заселения края в разные периоды. Несомненно, многие из курганов, время которых оказалось неопределимым, относятся к скифской поре, о чем свидетельствуют найденные в погребениях наконечники стрел, обломки античной посуды, железные ножи, бусины и проч. Но отсутствие изображений вещей и самих вещей в музейных собраниях лишает возможности сколько-нибудь четко определить время погребений.

Настоящий перечень не является полным. Сюда не вошли данные о многих раскопках В. В. Хвойки, не поддающихся учету. Имеются сведения о том, что В. В. Хвойка в окрестностях г. Черкассы раскопал 12 курганов [ДП, III, приложение, стр. 6], но отчеты о них не опубликованы. В Киевском историческом музее хранится ряд сосудов, происходящих из раскопок В. В. Хвойки на р. Тясмин. Среди них черпаки различных типов — гладкие (XXXV, 1—7) и орнаментированные (табл. XXXV, 8), два гладких кубка (табл. XXXV, 9—10).

В перечень не включены также данные о курганных группах, давших во время раскопок исключительно погребения эпохи бронзы: у с. Кошарка [ИАК, 20, стр. 1—3] и Златополя [ИАК, 40, стр. 43; ИАК, 49, стр. 92]. Так что общее число курганов, раскопанных в пределах рассматриваемой нами группы, несомненно достигает 600, составляя одну из наибольших серий исследованных курганов в Причерноморье.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Рассматриваемая нами группа Тясминских курганов относится к сравнительно небольшому, четко ограниченному хронологическому периоду VII—VI вв. до н. э. Начальный этап его ограничен концом второй ступени чернолесской культуры. Поздний рубеж смыкается с курганами младшей журавской группы, хорошо датированной находками многочисленных вещей античного импорта и выразительных комплексов скифских вещей V в. до н. э., то есть среднескифского периода.

Дата позднего этапа чернолесской культуры определена А. И. Тереножкиным VIII — началом VII в. до н. э. на основании находок в слоях этого периода костяных и металлических изделий (главным образом, предметов вооружения и конского снаряжения), известных в культуре ранних кочевников типа новочеркасского клада и фрако-киммерийской культуры фракийского гальштата, имеющих соответствующие параллели в хронологических системах Юга Центральной Европы и опирающихся на хорошо разработанную хронологическую шкалу Средиземноморья [144, стр. 76 и сл.].

Большое значение для подтверждения правильности этих датировок имели открытия Симферопольского, Бутенковского и, особенно, Носачевского погребений [177, стр. 57 и сл.; 66, стр. 66 и сл.; 67, стр. 174 и сл.]. В последнем, как известно, оказались бронзовые нагрудные украшения конской узды ассирийского типа, известные по изображениям на дворцовых рельефах Саргона II (722—705) и Ашурбанипала (668—624).

К числу находок этого типа в чернолесской культуре относятся: бронзовые двуколычатые удила, костяные и бронзовые луницы, крестовидные бляхи каменноостовского типа с солярными знаками, восьмерковидные бронзовые и костяные бляшки, бронзовые и биметаллические кинжалы и мечи, костяные наконечники стрел, костяные псалы с тремя овальными отверстиями — в центре и по концам. К этой же группе относятся известные по северокавказским и южноевропейским аналогиям каменные цилиндрические молотки и железные плоские тесла с боковыми выступами [147]. В общехронологических системах вся эта группа вещей относится к VIII—VII вв. до н. э. и пока что не имелось достаточно убедительных данных, чтобы провести грань между более ранней группой VIII и более поздней — начала VII в. до н. э.

Что касается памятников более позднего этапа, то из их числа

особо важное значение имеют: курган № 491 у с. Макеевка, в котором обнаружен самосский лекиф конца VI в. до н. э., чернолаковые килик и чашечка начала V в. до н. э., а также курган № 400 у с. Журовка, где найдены хноская амфора начала V в. до н. э., чернолаковая чашечка, крышечка сосуда со следами красной краски (Иония, начало V в. до н. э.) и краснофигурный аттический килик 500 г. до н. э. Античные сосуды конца VI — начала V в. до н. э. происходят из курганов № 418, 423, 428 и «Г» у с. Журовка¹. Все эти памятники вошли в число наиболее ранних из состава курганов, описанных В. Г. Петренко.

Несмотря на достаточно четкие хронологические границы, уточнение хронологии и относительное размещение курганов в пределах этих рамок составляет задачу далеко не простую. Наиболее точные датировки могут быть установлены лишь для позднейших погребений старшего журавского периода по предметам античного импорта. По мере удревнения хронологические ориентиры становятся менее четкими. Приходится опираться на косвенные сопоставления с учетом всего состава вещевого комплекса и соотношения в нем тех или иных типов вещей. Поскольку немаловажную группу находок обычно составляет разнообразная керамика, одной из основных задач является уточнение ее хронологических признаков и использование их в качестве оснований для датировок. В этом отношении существенное дополнение предоставляют хорошо исследованные и достаточно основательно продатированные материалы из поселения на Тарасовой Горе близ Жаботина (VII в. до н. э.) и Трахтемировского городища (VI в. до н. э.).

Разработка относительной хронологии ранних Тясминских курганов представляется задачей весьма важной, поскольку она дает ключ к пониманию процесса перехода от доскифского (чернолесского) периода к развитой скифской поро, в ходе которого происходят значительные преобразования всего комплекса культуры, погребального обряда, явлений общественной жизни, идеологии и проч. Выявление последовательных звеньев в этих условиях определяет пути, по которым проходил процесс «скифизации» в среде населения, этнический состав которого, в основном, оставался неизменным, в то время как многие стороны жизни, хозяйства, быта и внешние связи претерпели коренную ломку.

Описание комплексов курганов мы начнем от наиболее поздних, лучше датированных, постепенно углубляясь в арханку и нащупывая основания для относительных сопоставлений и абсолютных датировок. В этом направлении, как известно, работала Е. Ф. Покровская, сделавшая ряд важных наблюдений и выводов для выделения промежуточной жаботинской ступени в составе тясминских курганов и поселений [118, стр. 128 и сл.; 117].

Из числа старших журавских курганов наиболее поздним следует считать курган № 447 (табл. XII, 11—23). Здесь обнаружены

¹ Определение дат античного материала здесь и ниже дается по работе Н. А. Оняко [105].

нийское блюдечко второй половины VI в. до н. э. и бронзовое зеркало типа известного среди находок на Ольвийском некрополе в погребениях второй половины VI в. до н. э. [105, № 134; 131, стр. 5 и сл.]. На сравнительно позднюю дату указывают золотые дутые бусины с рубчиками, полусферические мелкие нашивные бляшки, мелкие бляшки в виде треугольников и «двойных полусфер». Подобные украшения широко известны в более поздних скифских курганах. В свете датирующих находок и остальных вещей раннескифского набора из погребения, эти украшения следует считать одной из наиболее ранних групп греческих ювелирных предметов в причерноморских комплексах.

Из состава местной керамики в этом погребении оказались гладкая биконическая лощеная корчага и высокий грушевидный черпак (табл. XII, 18, 22). В целом погребение следует отнести ко второй половине VI в. до н. э., скорее всего, к его концу.

Несколько более ранним можно считать курган № 38 у Гуляй-Города (табл. II), где был найден прекрасно развитой комплекс вещей скифской архаики: оружие, конское снаряжение, предметы в зверином стиле. Погребение датируется бронзовым «ольвийским» зеркалом, наиболее ранней датой которого, по мнению Б. Н. Гракова, может быть вторая треть VI в. до н. э. [35, стр. 23 и сл.]. В составе колчанного набора оказался редкий тип большого бронзового наконечника стрелы (табл. II, 20). Подобный наконечник был найден в Ольвии, в яме, в сопровождении амфор середины VI в. до н. э. [64, стр. 160]. Эта находка, по-видимому, и закрепляет время данного погребения.

По аналогии с инвентарем кургана № 447 у Журовки и № 38 у Гуляй-Города к этой же поре (середина — вторая половина VI в. до н. э.) может быть отнесен еще ряд погребений. Среди них курган № 40 у Гуляй-Города (табл. III, 1—5), где были найдены костяные псални с резьбой в зверином стиле, близкие к происходящим из кургана № 38, и набор ожерелья из сердоликовых, янтарных, халцедоновых бусин. Курганы № 41 и 42 у Гуляй-Города, где выявлены бронзовые и железные гвоздевидные булавки, бронзовая гвоздевидная сережка, ожерелья из пастовых бусин (табл. III, 6—12). В кургане № 49 оказался грушевидный черпак (табл. IV, 5).

В курганах № 48 и 319 этой же группы обнаружены бронзовые украшения конской узды (бляха и пряжка-пронизь), украшенные изображениями конской головы в фас (табл. IV, 3, 8) — мотив, известный в позднеархаическом кургане у хут. Шумейко [52, стр. 71]. В кургане № 33 у Гуляй-Города аналогично с комплексом кургана № 38 составляют каменное блюдо и набор ожерелья из сердолика и крупных необработанных янтарей (табл. I, 2).

К середине VI в. до н. э., но несколько более раннего времени, нежели курган № 38, можно отнести курган № 407 у с. Журовки (табл. X, 2—19). Архаизирующими признаками здесь являются ранние типы пастовых конических бус, ранние типы железных наверший. Среди украшений обращают внимание такие архаические элементы, как золотые бляхи из строенных концентрических кружков и бляхи в виде фигурок оленей с поджатыми ногами, входящие в состав арха-

ического парадного убранства многих раннескифских погребений [57]. Однако углубить датировку кургана № 407 ранее середины VI в. препятствует находка в данном комплексе лощеного черпака грушевидной формы и большой лощеной корчаги, подобных найденным в кургане № 447.

К несколько более ранней поре можно отнести курган № 432 у с. Журовки (табл. XII, 1—10). К числу весьма ранних элементов этого погребения относятся костяные «гвоздики» от колчана и неизвестного назначения костяной наконечник в виде «утюжка», имеющий аналогии в памятниках конца VII и первой половины VI в. до н. э.

Все вышеупомянутые комплексы можно датировать временем середины — второй половины VI в. Средний рубеж, по-видимому, составляет курган № 38 у Гуляй-Города. Несколько более ранними по отношению к нему являются курганы № 407 и 432 у Журовки, а более поздними — курганы № 447 у Журовки и несколько гуляй-городских курганов. Характеризуя эту группу погребений в целом, следует отметить наличие в них многих вещей развитого скифского архаического комплекса в сочетании со специфичной керамикой: корчаги типа вилановы, глубокие грушевидные черпаки. Лощеная посуда с геометрическим орнаментом и белой инкрустацией не встречена, хотя она в это время еще могла существовать.

Рассмотрение относительной хронологии позволяет выделить ряд погребений первой половины VI в. до н. э., составляющих определенное звено между упомянутыми выше памятниками и позднежаботинской группой рубежа VII—VI вв. до н. э.

К их числу следует отнести курган № 406 у с. Журовка (табл. VIII; IX), являющийся одним из наиболее ранних курганов старшей жуrowsкой группы. В составе колчанного набора этого погребения из 52 двухлопастных и трехлопастных наконечников стрел оказалось 23 наконечника жаботинского типа с асимметрично-ромбическим пером на длинной втулке с шипом или без него. Такое сочетание в колчанном наборе наконечников келермесского и жаботинского типа встречается довольно редко и несомненно свидетельствует о значительной архаичности комплекса [96, табл. 6; 62]. Очень архаический облик имеют также два наконечника копья с дуговидно выпуклыми сторонами пера и втулкой, украшенной у конца рельефными рубчиками. На наконечники копий одевались кожаные или деревянные футляры с железными оковками. В числе прочих находок оказался костяной наконечник в виде «утюжка» с носиком и двумя отверстиями, подобный найденному в кургане № 407. Аналогичный наконечник был найден М. П. Абрамовой в 1970 г. во время раскопок кургана № 3 в окрестностях Моздока в сопровождении наконечника стрелы жаботинского типа и костяной поделки, выполненной в духе очень раннего скифского звериного стиля¹. Остальные предметы этого погребения: железные удила со стремявидными псалнями, костяные и золотая палочки-

¹ М. П. Абрамова. Погребения Скифского времени Центрального Предкавказья. — СА, № 2, 1974, стр. 196, рис. 2, 1—12; стр. 202, рис. 8.

застежки, каменное блюдо и проч. — принадлежат к набору вещей скифской архаики VI в. до н. э.

В составе керамики из описываемого погребения оказались: высокий бочонковидный горшок с гладким краем и массивным налепным валиком с защипами и проколами — форма и тип орнамента характерны для погребений и поселений Правобережья VI в. до н. э.; традиционная чернолощенная корчага типа вилановы, имеющая на поясе четыре выпуклые шишечки (табл. X, 1), подобно корчаге из кургана № 432; чернолощенный глубокий черпак с округлым корпусом, приближающимся к архаическим черпакам более ранней поры. Архаический вид имеют и миски на полых кольцевых ножках с крестовидным знаком на дне, из которых одна с загнутым внутрь краем, а другая — с краем, отогнутым наружу, украшенным геометрическим орнаментом зачерченных треугольников. В форме и орнаментации этой миски можно усматривать влияние культуры Басараби, где имеются наиболее близкие параллели [199], что тоже является архаическим признаком, поскольку некрополь Басараби относится ко времени не позднее первой половины VI в. до н. э.

По аналогии с курганом № 406 у с. Журовки, к началу VI в. до н. э. следует отнести курган № 453 у с. Макеевки (табл. XVII, 1—6). Здесь найден наконечник копья с выпуклыми дугами, рельефными рубчиками на окончании втулки и футляром с железной оковкой на пере. В погребении оказался также чернолощенный круглотелый кубок с поясом резного орнамента из наклонных параллельных линий, образующих фигуры треугольников.

К числу погребений раннего VI в. до н. э. относится ряд курганов макеевской группы. Среди них курган № 460 (табл. XVII, 7—11), где, как и в вышеописанном кургане № 453, выявлены бронзовые удила со стремявидными петлями, железная булава и мелкий черпак с врезным геометрическим орнаментом, радиально расходящимся от дна сосуда.

Возможно, что к этой же хронологической группе относятся и курган № 454 у с. Макеевка (табл. XVIII, 1—11). Здесь найдена такая же, как и в кургане № 460, железная булава, железный наконечник копья с длинной втулкой и дуговидно выпуклыми гранями пера, а из посуды — два гладких глубоких черпака с высокими ручками, гладкий ложенный кубок. Имеется указание о находке в этом комплексе наконечника стрелы.

Материалам в кургане № 411 у с. Журовки (табл. XI, 1—4) аналогии с описанными выше дают два горшка с валиками и проколами под венчиком, а также мелкий черпак с радиально расходящимся от дна резным геометрическим орнаментом. К этой же поре следует отнести курган № 471 у с. Остиянка (табл. XXI, 15—17), где оказались бронзовые удила со стремявидными петлями, архаический двухлопастный наконечник стрелы и чернолощенный гладкий глубокий черпак.

В кургане № 5 у с. Рыжановки (табл. XXII, 8—17) найдены: железный меч с бронзовым наконечником, таким же, как в кургане № 406 у с. Журовка, архаический колчаный набор и два чернолощен-

ных глубоких черпака. К этой же серии следует отнести курганы № 2 и № 8 у с. Константиновка. В первом из них (табл. XIII, 1—3, 5) оказались бронзовые удила со стремечком, архаическая стрела, бусина; возможно, с этой же группой находок связан круглотелый кубок с поясом резного орнамента в виде косо расположенных параллельных линий, образующих систему треугольников. В кургане № 8 (табл. XIII, 8—14) сохранились фрагменты от двух уздечек и четыре сосуда, в том числе корчага с проколами под венчиком и два черпака.

Общими признаками памятников первой половины VI в. до н. э. можно считать: сохранение скифского вещевого комплекса в оружии, узде, некоторых типах украшений; исчезновение грушевидных черпаков, смену их гладкими глубокими черпаками и мелкими с радиально расходящимся от дна орнаментом, а также круглотелыми кубками с поясом орнамента и без него. Орнамент на кубках и черпаках представляет собой сравнительно легкий и простой линейный узор, образующий системы зигзагов и треугольников. Продолжают бытовать корчаги типа вилановы. Широко распространены бочонковидные горшки с валиком под венчиком.

Именно этот керамический комплекс преобладает на городищах и поселениях Правобережья. Последние датируются по находкам античной керамики периодом от начала VI в. до н. э.; в частности, по материалам хорошо датированного и исследованного Трахтемировского городища, основной период существования которого определяется VI в. до н. э. от самого его начала.

В составе керамики здесь преобладают горшки бочонковидной формы с налепными валиками, с защипами под краем, с орнаментом в виде проколов или наколов, с жемчужинами под краем. Встречаются черпаки разных форм и размеров, кубки, иногда с резным орнаментом, миски, корчаги, многие из которых украшены выступами, каннелюрами и реже — резными линиями [68, стр. 103—106; 70, стр. 108—111].

Для определения комплексов конца VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. особое значение имеют курганы № 2 и 524 у с. Жаботин.

В кургане № 2 (табл. VI, 1—11), как известно, встретилось редкое сочетание бронзовых двухпетельчатых удил доскифских типов с бронзовыми удилами со стремявидными петлями. Здесь же были найдены замечательные костяные пластины с гравированными изображениями в раннескифском зверином стиле и костяные бляшки в виде фигурки «лани с детенышем», а также костяные псалы с концами в виде орлиной головки и конского копыта. Промежутки между скульптурными концами и широкой средней частью украшены геометрическим орнаментом в виде параллельных выемчатых треугольников, разделенных между собой диагональной линией (табл. VI, 8, 10, 11). Отметим, что аналогичный орнамент имеется на костяных стержнях из Кармир-Блуре [112, стр. 17, рис. 9]¹, на костяных псалиях с копытцем из

¹ Определяя время по аналогии с находками на Кармир-Блуре, мы имеем в виду не столько дату гибели крепости Тайшебани, сколько последний этап ее бытования.

погребения № 106 Самтаврского могильника [1, стр. 115 и сл.]. Псалий с изображением конского копыта и подобным орнаментом на суженной части стержня был найден на поселении Тарасова гора близ с. Жаботин [31, стр. 165, рис. 6]. В кургане № 524 у с. Жаботин, наряду со скифскими элементами (нож, панцирные чешуйки, меч, украшения, удила), были найдены вещи более ранних докелермесских форм. Среди них колчаный набор из асимметрично-ромбических наконечников стрел с выступающей втулкой (табл. VII, 1—8), бронзовые псалии с трубчатыми втулками и солярными знаками на боковой стороне (табл. VII, 11, 13), каменная булава (табл. VII, 9) — редкий предмет в скифских комплексах, имеющий аналогии в памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе: в Мингичауре, Кобани, протомеотском Николаевском могильнике на Кубани [21, стр. 62; 3, стр. 110—111, рис. 5; 12].

Из найденных в кургане № 524 сосудов два принадлежат к черпакам с мелкой чашечкой. Один из них (табл. VII, 17) украшен резным орнаментом, радиально расходящимся от дна сосуда и образующим фигуры вписанных друг в друга треугольников; второй (табл. VII, 12) — украшен узким горизонтальным поясом, заполненным вертикальными черточками. Сочетание в жаботинских курганах предметов доскифского типа с предметами раннескифской архаики позволяет отнести эти погребения к непосредственно предкелермесской поре — концу VII в. до н. э.

К этому же времени, вероятнее всего, следует отнести курган № 455 у с. Макеевка (табл. XIX), где найдено шесть сосудов, в том числе кубки и черпаки, в орнаментации которых так же, как и в сосудах из кургана № 524 у с. Жаботина, встречается сочетание архаических и более поздних черт. Круглотелый лощеный кубок (табл. XIX, 1) с поясом орнамента из групп параллельных косо расположенных линий, образующих при встрече под углом системы чередующихся треугольников, напоминает орнаментацию кубков из погребений старшей журавской группы. Второй кубок (табл. XIX, 5) от дна до шейки густо покрыт радиально расходящимся орнаментом из врезных линий и заштрихованных лент. Густота и система орнамента не свойственны керамике VI в. до н. э.

Один из черпаков (более глубокий, табл. XIX, 3) украшен горизонтальным поясом орнамента из густо заштрихованных полей. Второй — более мелкий (табл. XIX, 4) — украшен радиально расходящейся орнаментальной композицией, где заштрихованные поля и ленты чередуются с разделяющим их пространством, в виде чистых полей и полос. Архаический облик имеет горшок из этого же погребения (табл. XIX, 2) — гладкие края, сквозные проколы, без напленного валика. Данный комплекс особенно характерен тем, что он позволяет охарактеризовать типы керамики конца VII — рубежа VII—VI вв. до н. э.

К числу комплексов этого же периода следует отнести группу предметов, найденных во время раскопок кургана в уроч. Дарьевка близ Шпола. Здесь было найдено несколько предметов из резной кости,

в том числе из слоновой кости головка льва в фас — наконечник какого-то предмета, возможно, подлокотник кресла, трона или иного предмета парадной обстановки (табл. XXXIV, 1). А. А. Иессен считал эту головку произведением древневосточного искусства [41]. Н. А. Онайко относит его к числу архаических предметов греческого Средиземноморья [105, № 289]. По-видимому, названную головку следует считать произведением восточногреческого архаического искусства. Ближайшими аналогиями ей являются такие же головки, найденные в слое VII в. до н. э. на островах Фасос и Самос [180]. Они сходны с резной львиной головкой, найденной в кургане у Дарьевки, размерами, формой, рисунком, деталями передачи глаз, ушей, выгнутого из пасти языка, выполнением зубов, усов, пасти и ноздрей.

Другим важным для датировки предметом является костяной наконечник от ножен, украшенный фигуркой свернувшегося зверя кошачьей породы (табл. XXXIV, 4). Изображение животного весьма своеобразно: большая голова с округлым ухом, глаз в виде концентрического кружка, кружком передана щека; поджатые лапы и хвост заканчиваются колечками.

Близкое к этому изображение протом кошачьих хищников имеется на золотом наконечнике ножен из Зивие [187, стр. 116, рис. 157]. Еще более важную аналогию представляет находка костяного наконечника ножен с фигуркой свернувшегося зверя из Кармир-Блуре [113, рис. 96]. Этот круг аналогий позволяет отнести находки из Дарьевки к рубежу VII—VI вв. до н. э.

Ко времени жаботинских курганов или чуть более поздней поре начала VI в. до н. э. можно отнести курган № 346 у с. Теклино (табл. XXV, 11—23), где оказались такие же золотые бляшки в виде фигурок ланей, как и в кургане № 524. На несколько более позднее время здесь указывает наличие архаических наконечников стрел келермесского типа.

С концом VII в. до н. э. можно связать курган № 15 у с. Константиновка (табл. XIV, 5—9), где датирующим является клепаный сосуд с боковыми ручками, украшенными головками ушастых животных, известных в памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Кавказе [71, стр. 18 и сл.]. Ручки подобных сосудов были найдены в Кармир-Блуре, в Келермесском кургане. Существенно отметить, что два подобных бронзовых сосуда были найдены на поселении Тарасова Гора близ Жаботина [190].

Кроме того, в кургане № 15 у с. Константиновка оказались бронзовые удила со стремявидными петлями; чернолощенный кубок с широким поясом врезного орнамента из групп параллельных, косо поставленных линий, образующих фигуры ромбов и треугольников; низкий гладкий неорнаментированный черпак; интересен тюльпановидный горшок с проколами под краем гладкого венчика и напленным валиком с защипами по корпусу. Эта форма является характерной для жаботинского поселения и является более ранней по отношению к бочонковидным горшкам с валиком под венчиком, характерным для VI в. до н. э.

Со временем жаботинских курганов можно сопоставить погребение в кургане № 183 на р. Тенетинка (табл. XXIX, 7—9), где найдены бронзовые стремявидные удила с бронзовыми псалиями с трубчатыми отверстиями и желтолощенный кубок с широким поясом резного орнамента из косо поставленных параллельных линий, образующих треугольники.

В кургане № 211 на Тенетинке (табл. XXX, 10—18) вместе с жаботинской керамикой (круглотелые кубки, из которых один с широким фризом резного орнамента) найдена костяная пряжка-пронизь с вырезанной на ней головкой грифо-барана. В кургане № 496 у с. Турня обнаружен круглотелый кубок, орнаментированный широким орнаментальным поясом в виде заштрихованных лент и полей, образующих треугольники и заштрихованные ромбы. Его сопровождал двухлопастный архаический наконечник стрелы жаботинского типа (табл. XXXIII, 8, 9). К этой же группе можно отнести погребение в кургане у с. Мошны (табл. XX, 1, 2, 5—8), где вместе с кобанскими удилами с подвесками оказалось несколько раннеархаических наконечников стрел келермесского типа и два бронзовых жертвенных ножа с несточенными лезвиями.

В целом курганы этого хронологического этапа (конец VII — рубеж VII—VI вв. до н. э.) отличаются следующими общими признаками: для них характерно ограниченное количество вещей ранне скифского типа и сведение его к нескольким немногочисленным предметам; вместе с тем здесь встречаются отдельные вещи доскифского круга: двухкольчатые удила, псалии с трубчатыми отверстиями, бронзовые клепаные ситуды, каменная булава, стрелы докелермесского жаботинского типа. В составе кухонной посуды преобладают горшки с валиком по корпусу и проколами под гладким венчиком на чернолесский манер. В некоторых курганах Правобережья и на Жаботинском поселении встречаются горшки, у которых наряду с валиком по корпусу сохраняется валик под венчиком. Более глубокими становятся черпаки. Помимо радиального орнамента на них наносится орнамент в виде горизонтального поля по поясу. Орнамент на черпаках и кубках обнаруживает тенденцию к «загущению и уплотнению». Помимо групп врезных линий, все более обычными становятся геометрические композиции, составленные из заштрихованных лент, полос, полей. Вершины геометрических фигур нередко бывают ограничены круглыми углубленными точками. Как правило, орнамент инкрустирован белой пастой по черному (реже желтому) залощенному полю. В качестве элементов орнамента на ручках черпаков встречаются заштрихованные мальтийские кресты, встречающиеся треугольники (например, черпаки из кургана № 455 у с. Макеевка, табл. XIX, 3, 4).

К еще более ранней поре собственно VII в. до н. э. относятся погребения, в которых скифские элементы почти совсем отсутствуют, а редко встречающиеся металлические вещи относятся к формам, свойственным культуре ранних кочевников типа новочеркасскогоклада или к тому же периоду. Многочисленная, встречающаяся в этих погребениях

керамика отличается еще более пышной и сложной орнаментацией и изменением некоторых форм.

Среди памятников данного периода особое значение имеют курганы № 375 и 376 у с. Константиновки (табл. XVI, 1—10).

В первом из них выявлены двухпетельчатые удила с подвесками и бронзовые трехпетельчатые псалии практически еще доскифского типа, с загнутым в противоположную от петель сторону концом. Ближайшую аналогию им представляют псалии из Кобанского могильника, которые были найдены с бронзовыми удилами, имеющими кольцевидные петли [42, стр. 71, рис. 1—5]. Подобные удила встречаются в комплексах доскифского времени на Северном Кавказе [42, стр. 71], в том числе и в Николаевском могильнике на Кубани [3]. Датировка этих псалий VII в. до н. э. едва ли может вызывать сомнения.

Из 10 или 11 сосудов этого погребения известны только три. Один из них чернолощенный кубок с широким поясом геометрического орнамента. Основная композиция: чередующиеся вершинами вверх и вниз треугольники, разделенные на четыре треугольных поля, причем среднее оставлено чистым, а боковые заштрихованы косыми линиями или в клетку. Между треугольниками оставлены гладкие поля. Наблюдается асимметричность композиции. Наряду с равносторонними треугольниками в орнамент включен прямоугольно стоящий на катете треугольник, поле которого заполнено горизонтальными рядами пунктирных черточек.

Два гладких неорнаментированных черпака из этого погребения отличаются от встречавшихся ранее. Они меньше по размеру, глубже и меньше в диаметре, ручки их невысоко поднимаются над краем венчика и не имеют развитого отростка. По форме своей они напоминают черпаки, известные в памятниках чернолесской культуры, в частности из погребения в с. Кайлов, из верхнего слоя второй ступени на Субботовском городище [142, стр. 66, рис. 40; 53, стр. 156, рис. 6, 1].

Не менее значителен курган № 376. Основу для определения его хронологии дают бронзовые удила, наглухо соединенные с псалиями. Ближайшей и единственной аналогией уздечке из кургана № 376 являются удила с псалиями из погребения в кургане у с. Енджа в Болгарии [192]. В комплексе кургана у Енджи, кроме того, оказались железный кинжал, подобный бронзовому клинку из кургана Высокая Могила [22], золотая лента с выштампованным на ней изображением концентрических кругов с солярной четырехлучевой эмблемой в центре — вариант орнамента близок к встречающимся на костяных бляхах из Симферопольского и Носачевского курганов. Лощеный каннелированный сосуд из этого погребения имеет ближайшее соответствие с сосудом из Шалданешт, время которого определяется не позднее, чем начало VII в. до н. э. [93, стр. 68, рис. 20, 1]. Особенно интересны найденные здесь бронзовые наконечники стрел — крупные, с ромбическим двухлопастным пером, охватывающим всю или почти всю ступку. По пропорциям пера они отличаются от стрел из кургана № 524 и могут быть выделены в качестве предшествующего раннежаботинского типа. В составе

колчанного набора оказался массивный, ромбовидный в сечении бронзовый наконечник, формой напоминающий костяные. Характерно, что сочетание бронзовых наконечников подобного типа обнаружено в кургане № 55 у Тагискена — одного из наиболее ранних, относящихся несомненно к VII в. до н. э. [152].

Приведенные аналогии свидетельствуют, что погребения в курганах Константиновки не могут быть датированы временем раньше первой половины — середины VII в. до н. э. В кургане № 376 у с. Константиновка найден гладкий черпак, близкий к черпакам позднечернолесского типа, и два больших глубоких лощеных орнаментированных черпака. У первого из них орнамент состоит из пояса, заштрихованного наискосок. От каждой из линий отходит «щеточка» черточек, заполняющих пространство между интервалами. Орнамент второго черпака состоит из пояса, заполненного обращенными вершинами вверх и вниз тупоугольными треугольниками, заштрихованными косой клеткой.

В кургане № 378 этой же группы вместе с железным наконечником копья было найдено семь сосудов, среди которых упоминаются две миски, большой и маленький черпаки, небольшой глиняный сосуд и два сохранившихся уникальных сосуда — один из них в виде изогнутого, наподобие рога, цилиндра. Одна сторона наглухо закрыта плоской крышкой, украшенной изображением креста, а вторая — открытая. Корпус покрыт орнаментом в виде параллельных продольных лент, заштрихованных накрест (табл. XVI, 12). Аналогии подобному сосуду нам неизвестны.

Второй сосуд (табл. XVI, 11) имеет форму открытой пиксиды с прямыми стенками и слегка выступающей закраиной дна. Чернолощенная поверхность его украшена типичным для данного времени орнаментом в виде обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, из которых одни заштрихованы наискосок, а другие — разделены на четыре поля с заштрихованными крайними. В памятниках Правобережья близкая по типу «пиксида» была найдена на поселении в уроч. Пидмет у с. Нагоряне в Западной Подолии [172, стр. 104, рис. 7]. Аналогичные по форме и мотивам орнаментации прямостенные сосудики известны в памятниках второй ступени чернолесской культуры (Московское городище) [142, стр. 70, рис. 44, 8; стр. 71, рис. 45].

К этой же поре относится Рыжановский курган II Самоквасова (табл. XXII, 1—7), где обнаружены бронзовые двукольчатые удила, две пряжки-пронизи с солярными знаками и шесть сосудов, из которых известны пять: глубокий небольшой черпачок с приостренным выступом ручки, близкий к позднечернолесским; две миски с конически расширяющимися стенками и симметрично расположенными прямоугольными выступами с орнаментом у края. Этот тип мисок несомненно принадлежит к числу весьма архаических, известных по находкам на жаботинском поселении. Близкая к ним миска с четырьмя выступами найдена в том же жилище поселения у с. Нагоряне, где и выше упомянутая пиксида [172, стр. 104, рис. 6]. Приведенная аналогия под-

тверждает соответствие времени Рыжановского и Константиновских курганов. Черпаки из погребения также напоминают происходящие из Константиновских. Один из них более глубокий, с поясом орнамента, расчлененного вертикальными полосами на отдельные участки. В них расположены заштрихованные ленты, орнамент в виде мальтийского креста; на ручке имеется орнамент в виде креста с заштрихованными концами. Второй, более мелкий черпак украшен горизонтальным поясом с орнаментом «в елочку». Следует отметить аналогии этого комплекса с курганом № 2 у Алчедара в Молдавии, где найден глубокий гладкий черпак древнейшего типа и бронзовая бляшка с солярным знаком. Как поселение Пидмет, так и Алчедарские курганы относятся исследователями к VII в. до н. э. [126, стр. 121, 124].

В кургане № 4 (или № 6) у с. Оситняжка найдена бронзовая бляха со спиральным орнаментом, воспроизводящая композицию бронзовых чернолесских браслетов, с небольшой петелькой с внутренней стороны, явно доскифского времени (табл. XXI, 4). К сожалению, она не сопровождалась другими находками. В курганах № 8 и 10 у с. Оситняжка были найдены тюльпановидные горшки с валиком по корпусу и проколами под краем гладкого венчика, раннежаботинского или позднечернолесского типа (табл. XXI, 10, 12).

К этой же поре мы относим курган № 344 на р. Ташлык (табл. XXV, 3—10) по находке в нем наряду с железным бронзового наконечника копья с лавролистным пером. Кроме того, здесь обнаружен кремневый вкладыш для серпа, большое глиняное пряслице, ряд костяных проколов и шильев. Лощеный кубок из этого погребения украшен широким орнаментальным поясом, заполненным узором из обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, разделенных на четыре поля, из которых крайние поля заштрихованы, и вписанных треугольников, составленных из заштрихованных полей и лент. Отметим, что кремневый вкладыш для серпа был найден на поселении у с. Солончены в комплексе, несомненно, относящемся к VII в. до н. э. [93, стр. 82, рис. 27, 12].

Вне всякого сомнения, что описанные погребения по времени уходят вглубь VII в. до н. э. Сопровождающие их металлические вещи группы новочеркасского клада определяются временем по А. А. Исесену периодом VIII — первой половины VII в. до н. э. Так как они встречаются в сопровождении жаботинской, а не чернолесской керамики, речь может идти скорее о раннем VII в. до н. э.

Тем не менее, Константиновские и подобные им памятники не исчерпывают древности архаических курганов Тясминской группы. Более ранними по отношению к ним следует считать ряд захоронений Тенетинского могильника, где встречается керамика древнейших форм, среди которой наиболее характерны глубокие черпаки и кубки, украшенные такими же системами орнамента, в оформлении которого используются наряду с резьбой зубчатые штампы, оттиски веревочки, сделанные штампом S-овидного знака, колечки, колечки с крестом внутри, кружки и проч.

К числу таких ранних погребений можно отнести захоронение в кургане № 107 на р. Тенетинка (табл. XXVI, 1, 2), где при женском

погребении оказались бронзовая булавка со свернутой в крупную петлю головкой и черпак с поясом орнамента из густо и разнообразно заштрихованных треугольников. В кургане № 111 этой же группы были найдены черпак и кубок с широким орнаментальным поясом из различных комбинаций треугольников, богато и разнообразно заполненных. Основания и вершины этих треугольников ограничены углубленными точками (табл. XXVI, 4—6).

В кургане № 113 выявлены глубокий чернолощенный черпак со штампованным орнаментом; из оттисков зубчатого штампа составлен орнамент в виде треугольников, разделенных на четыре поля, из которых крайние заштрихованы такими же зубчатыми оттисками (табл. XXVI, 7). Над верхней стороной орнаментального пояса — ряд из S-образных знаков, расположенных горизонтально.

В кургане № 158 (табл. XXVIII, 4—6) обнаружены два гранитных терочника и прекрасный черпак со штампованным орнаментом из оттисков веревочки, образующих композицию обращенных вершинами в разные стороны треугольников, а над верхней стороной пояса — отпечатки круглого штампа с крестом внутри.

В кургане № 163 (табл. XXIII, 9—10) найден глубокий чернолощенный черпак с поясом из нескольких горизонтальных полос зубчатого штампа. Кроме того, здесь оказались пряслице и гранитный терочник.

Набор богато орнаментированных чернолощенных сосудов в сопровождении бронзовой булавки со свернутой в цилиндрическую трубку головкой происходит из кургана № 126 на р. Тенетинка (табл. XXVI, 7—10), а в кургане № 136 (табл. XXII, 16—17) найдены орнаментированный черпак и булавка со свернутой в спиральный щиток головкой.

Прекрасный набор древнейших форм сосудов жаботинского этапа с резным и зубчатым орнаментом в виде разнообразных геометрических композиций в форме черпаков, кубков, корчаг с раздутым корпусом и высоких корчаг происходит из находок в черкаских и каневских курганах Правобережья из коллекции Кундеревича. Они дают наиболее яркое представление о многообразии форм и орнаментации этих сосудов (рис. 4, 1—11). Абсолютная дата комплексов с керамикой этого типа не установлена. Датирующих находок здесь не обнаружено. Но в относительном смысле вышеописанная группа материалов является наиболее древней, предшествующей захоронениям в курганах типа № 375 и 376 у Константиновки. Следовательно, они не могут быть отнесены ко времени не позднее самого начала VII в. до н. э., а возможно, рубежа VIII—VII вв. до н. э. Именно в этой группе особенно отчетливо прослеживаются черты связи с памятниками позднего чернолесья. Древние элементы резного и штампованного орнаментов хорошо представлены в памятниках позднечернолесской культуры на городищах Тясмин, Лубенецкое и Московская Гора (рис. 12). Элементы таких орнаментов имеются в культуре Басараби в Румынии, в культуре типа Бабадаг в Добрудже, в памятниках типа Сахарна — Солончены в Молдавии.

Рис. 4. Сосуды древнейшего жаботинского типа из курганов в окрестностях Черкасс и Канева. Начало — первая половина VII в. до н. э. (Собрание Ф. Ф. Кундеревича).

На Лубенском городище найдены, как известно, обломки лощеных сосудов, украшенных зубчатым и веревочным орнаментом в виде зигзага, затертым белой пастой, и оттисками штампов S-образных и в виде колечек, затертых белой пастой; обломок корчагообразного сосуда с тремя вертикальными, расчлененными насечками, налепами, подобными тем, которыми украшались ранние корчаги жаботинского типа. На Тясминском городище наряду с орнаментом из заштрихованных треугольников встречается орнамент в виде пластических каннелюр на отвороте открытой миски; высокий чернолощеный кувшинообразный сосуд с вертикальными налепами на плече и орнаментом в виде «елочки» из небольших отрезков зубчатых оттисков. На городище в подъемном материале оказалась бронзовая стрела раннежаботинского типа хорошей сохранности.

На городище Московская гора найдены упомянутые выше сосудики типа «пиксиды» с резным, затертым белой пастой орнаментом из обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, расчлененных на четыре поля.

Для нас важно подчеркнуть зарождение и появление всех этих элементов еще в недрах чернолесской культуры. Очевидно, временем переходной фазы от чернолесья к жаботину следует признать вторую половину — конец VIII в. до н. э. (рис. 12).

Несколько слов о Жаботинском поселении. Если кругу курганов VI в. до н. э. полностью соответствует время Трахтемировского городища, то в VII в. до н. э. параллель Жаботинским, Константиновским и Тенетинским курганам составляет поселение на Тарасовой Горе близ с. Жаботина. Здесь были найдены архаические скифские наконечники стрел келермесского типа. К концу VII — рубежу VII—VI вв. до н. э. относится упомянутый выше костяной псалей с орнаментом в виде выемчатых треугольников (раскоп № IX 1953 г.). На раскопе VII, где были открыты остатки большого глинобитного наземного сооружения со столбами и стенами из плетня, обмазанного глиной, найден обломок понийско-родосского сосуда конца VII в. до н. э. [105, стр. 56, каталог № 3].

Целый ряд находок на жаботинском поселении относится к доскифским типам, характерным для культуры предшествующего этапа. К их числу относятся двукольчатые удила с подвесами [29, стр. 60, рис. 4]; обломок костяного псалия, имитирующего бронзовые с тремя петлями и широкой загнутой лопастью (раскоп XV); костяная лунница, подобная известным в новочеркасских комплексах (раскоп 18); наконечник стрелы раннежаботинского типа (раскоп XVI), подобный найденным в кургане у Енджи; два клепаных сосуда с ручками в зверином стиле [192]; глиняная льячка (раскоп XIV) и костяные гребни для шерсти (раскоп XIV), подобные найденным на чернолесских городищах (Субботовском, Лубенском).

Сопровождающая эти находки керамика полностью аналогична той, которая встречается в курганах типа Жаботина и Константиновки. В составе керамического комплекса преобладают простые высокие кухонные горшки с наlepным валиком под венчиком и на плечиках

сосуда, горшки с гладким неорнаментированным венчиком и проколами по краю с валиком на поясе; обычные обломки кубков и кувшинообразных сосудов с поясом резного орнамента из различных вариантов композиций заштрихованных треугольников, четырехугольных шахматных полей. Большое количество обломков черпаков, среди которых заметную группу составляют черпаки с мелкой чашечкой, многие из которых украшены резным, радиально расходящимся ото дна орнаментом. Геометрическим орнаментом, в виде обращенных вершинами друг к другу заштрихованных треугольников и заштрихованных ромбов, бывают украшены ручки черпаков с внутренней стороны. Вершины геометрических фигур нередко ограничены знаком в виде углубленной точки. Орнамент обычно затерт белой пастой [29].

На раскопе № 2 1953 г. Жаботинского поселения был вскрыт древнейший комплекс — каркасное жилище с впущенным в грунт основанием, время и вещевой состав которого увязывается с древнейшими курганами Тенетинки [29; 30, стр. 38 и сл.; 116, стр. 43 и сл.]. Здесь найдены фрагменты не менее чем двадцати больших корчаг, богато орнаментированных поясом резного и геометрического орнамента, а также пластическими налепами в виде шишек и выпуклин. Хорошо представлены здесь глубокие черпаки, кубки, миски с пластической и резной орнаментацией. Из горшков наиболее характерны высокие горшки с гладким краем, проколами ниже венчика и валиком на корпусе.

Общими признаками этой древнейшей керамики, относящейся к началу VII в. до н. э., следует считать преобладание форм хорошо лощеных, богато и разнообразно орнаментированных сосудов: глубоких черпаков, круглотелых кубков, биконических корчаг с раздутым корпусом и корчаг удлинённых пропорций. В орнаментации их обычен широкий, ограниченный сверху и снизу пояс, заполненный сложным узором, составленным из различных геометрических фигур: заштрихованных лент, образующих углы и зигзаги; расчлененных треугольников с заштрихованными крайними полями; квадраты и ромбы, заштрихованные в шахматном порядке асимметричные геометрические композиции с использованием различных геометрических фигур, построений и мотивов штриховки. В орнаментации сосудов используются оттиски шнура, композиции из S-образных и круглых штампов. В орнаментации кубков, корчаг и мисок дополнительно используется орнамент в виде пластических рельефов, выступов, шишечек, вертикальных наlepных ребер с насечками и проч.

Из вещевых находок на раскопе II оказались бронзовые булавы со свернутой в петлю или спираль головкой — такие же, как и в аналогичных по времени курганах Тенетинки.

Основной вывод, вытекающий из всего вышесказанного, заключается в том, что жаботинский этап охватывает весь VII в. до н. э., а не VII—VI вв. до н. э., как его обычно датировали раньше. Жаботинские курганы № 2 и 524, по которым обычно давалась его датировка, являются лишь заключительным звеном этого этапа при переходе к скифскому периоду — к курганам старшей жуrowsкой группы. В це-

лом этот важный и значительный период при переходе от доскифской чернолесской к скифской поре в значительной своей части относится к предскифской предкелермесской поре и соответствует культуре Новочеркасскогоклада.

Следует признать правильным высказывание А. Вульпе, исходящего из румынских аналогий, что чернолесско-жаботинский комплекс необходимо углубить минимум на 50 лет [192]. Такое изменение датировки заставляет нас заново пересмотреть вопросы культурно-хронологических связей племен Правобережной части Среднего Поднепровья с населением соответствующих по времени культур Днестро-Дунайского бассейна, Молдавии, Румынии, Болгарии, а также правобережной части степного Юга и Северного Кавказа.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Топография и состав могильников. Если мы обратимся к топографии могильников Тясминской группы, то легко заметим, что они размещены на водораздельных высоких участках плато. Несмотря на то, что поблизости обычно всегда имеется долина какой-нибудь речки, оврага или яра, они не имеют прямого тяготения к мысовым урочищам. В одних случаях могильники могут быть расположены на высоком берегу у края долины (курганы у Гуляй-Города), в других — они отступают в глубь водораздельных участков местности (курганы в уроч. Секирное, у с. Константиновка и др.).

Количество сохранившихся курганов в той или иной группе находятся в прямой зависимости от того, расположены ли они в лесу или на давно расчищенном из-под леса распаханном участке. В лесных урочищах или же в местах, к моменту исследования лишь недавно освободившихся из-под леса, могилы расположены компактными группами с близко находящимися курганами, насчитывающими по нескольку сот насыпей. Таковы могильники «П» у Гуляй-Города, в уроч. Секирное, у с. Старосельечко, «А» и «В» над р. Тенетинкой и ряд других.

В тех случаях, когда могильники оказывались на участках поля, от них обычно оставалась лишь небольшая часть в несколько десятков курганов, которые уже во времена А. А. Бобринского быстро исчезали и сглаживались от распашки. Таковы могильники у с. Грушевки, большинство Журовских, на правом и левом берегах р. Серебрянки, у с. Макеевка, Турин и проч.

В ряде случаев скифские курганы входили в состав тех же групп, что и курганы эпохи бронзы. При этом скифские захоронения нередко оказываются впускными в курганы эпохи бронзы. Таковы могильники у сел Грушевка, Константиновка, на правом и на левом берегах р. Серебрянки, у сел Макеевка, Рыжановка, на р. Ташлык у с. Яблоновка и у Холодного Яра. В некоторых случаях, как, например, в группах у с. Кошарка [ИАК, 20, стр. 1—3], Златополь [ИАК, 40, стр. 43; ИАК, 49, стр. 92], Яблоновка, количество курганов эпохи бронзы являлось преобладающим, а скифские — одиночны.

В то же время встречается ряд могильников, состоящих почти исключительно из курганов скифского времени. Например, Гуляй-городский могильник, курганные группы у сел Журовка, Оситняжка, Секирное, Старосельечко, Тенетинковские могильники, группы у с. Турин.

Некоторые из этих могильников существовали на протяжении всего скифского времени. В них встречаются захоронения от раннежелезнодорожной поры вплоть до позднескифского времени (села Гуляй-Город, Макевка, Рыжановка, Турия). Другие существовали как действующие некрополи какого-то одного, сравнительно ограниченного времени. Так, могильник у с. Грушевка существовал преимущественно с середины VI и особенно в V—IV вв. до н. э. С этой же порой связано большинство Журовских могильников. К V—IV вв. до н. э. относятся могильники у сел Пастырское, Старосельечко, в уроч. Секирное. В противоположность этому некоторые другие могильники содержат преимущественно захоронения архаической поры (Константиновский, Тетинковский).

Таким образом, в общей сложности мы не наблюдаем здесь строго выдержанного единообразия в отношении состава и времени существования могильников.

Погребения доскифского периода

Следует отметить, что непосредственно в предскифское время на территории Правобережной Лесостепи (в том числе и на Тясмине) не было народа, который имел бы обычай хоронить своих умерших в могильниках с курганными насыпями. Основная масса курганов эпохи бронзы здесь принадлежала могучей расе ямников. По своему характеру их захоронения совершенно не отличаются от степных. Курганы содержали обычно не одно, а несколько погребений, из которых центральные находились в сравнительно неглубоких, перекрытых деревом могилах. Умерших клали в скорченном положении, чаще всего коленями вверх, густо посыпав при этом красной краской. По составу сопровождающего инвентаря ямные погребения на этой территории являются одними из самых бедных и обычно не дают вещей. Классическим образцом подобных захоронений может служить опубликованное А. А. Бобринским погребение в кургане XI на р. Серебрянка [Смела, I, стр. 30].

Так же, как в степной полосе, в насыпях ямных курганов встречаются погребения других периодов бронзового и железного веков, изредка впускные погребения катакомбной культуры. Несколько таких впускных могил было открыто при раскопках курганов у Ново-Георгиевска [141, стр. 5]. Совершенно очевидно, что эти древние курганы не имеют прямого отношения к захоронениям скифской поры.

Погребения восточнотшинецкой культуры. Погребальный обряд у племен комаровско-тшинецкой или, как ее называет С. С. Березанская, восточнотшинецкой культуры, на территории лесостепной полосы СССР полностью рассмотрен С. С. Березанской [20, стр. 56 и сл.]. Как отмечает автор, для памятников этого типа известны курганы с труположениями, курганы и грунтовые могильники с трупосожжениями.

К числу курганов с труположениями С. С. Березанская относит прежде всего Войцеховский могильник, а также ряд других курганов

на территории Волыни и Ровенской области у сел Кустовцы, Дитиничи, Троянов. Курганы обычно небольшого размера и имели чаще всего не одно, а несколько погребений, находящихся либо на уровне древнего горизонта, либо в неглубоких ямах. Ориентировка умерших разнообразна и непостоянна. Основные погребения мужчин часто сопровождаются захоронениями одной или двух женщин, иногда женщины с ребенком. При парных погребениях скелеты часто лежат головами в разные стороны.

К этой же группе относятся и два известных захоронения в курганах № 41 у Гуляй-Города и № 347 у с. Теклино на Тясмине [Смела, I, стр. 102; Смела, III, стр. 18]. В первом случае в насыпи кургана высотой 1,4 м оказались два скелета, лежавших рядом головой на северо-восток. Возле грудных костей найдены длинные бронзовые булавки с ромбовидными щитками, украшенными симметрично расположенными круглыми ямками и точечным узором. При каждой из булавок — по три свернутых бронзовых обоймочки с отверстием для нашивания и по две свернутые из листа трубочки-пронизки с точечным орнаментом. В подошве кургана оказалась небольшая ямка с костью животного.

В кургане № 347 у с. Теклино на уровне грунта обнаружено захоронение молодой женщины, при которой были найдены два глиняных сосуда и маленькая «круглая красная плошка»; бронзовая гривна с концами, свернутыми в спиральные щитки; два отдельных щитка в виде свернутой спирали, по-видимому, от фибулы; большое глиняное прясло с пятью выпуклыми шишечками и гранитный плоский терочник.

В некоторых других случаях захоронения восточнотшинецкой культуры совершались в курганах по обряду трупосожжения. Такие курганы были открыты у сел Черек на Волыни, Народичи в Житомирской области, в кургане у г. Житомира и у с. Бар Винницкой области. Как видим, большинство курганов восточнотшинецкой культуры с труположениями и трупосожжениями расположено в западных областях СССР.

Ведущим типом погребений этой культуры следует считать бескурганные могильники с трупосожжениями, обнаруженные в ряде пунктов, главным образом в северной приднепровской части Правобережья СССР и южных районах Белоруссии. С. С. Березанской учтено здесь 15 таких пунктов. «Во всех случаях», — пишет автор, — могильники обнаружены либо в поймах рек на песчаных дюнах, либо на приподнятых участках первых надпойменных террас... Сожжение, вероятно, проводилось на стороне, о чем свидетельствует отсутствие обожженной земли вокруг погребения. Кальцинированные кости, иногда с пеплом, чаще — без него, высыпались в сосуды-урны и закапывались в землю на глубину 60—80 см от поверхности. Нередко пережженные кости ссыпались не в сосуды, а в приготовленные заранее ямки конической или округлой формы. Все, что не вмещалось в сосуд или ямку, высыпалось рядом. При погребениях рядом с кальцинированными костями часто встречается посуда, обычно уже разбитая, и кости животных» [20, стр. 71].

Среди таких бескурганных могильников с трупосожжениями С. С. Березанская называет могильник в уроч. Сосонка в с. Лучин Рогачевского района Гомельской области, обнаруженный И. И. Артеменко [20, стр. 64 и сл.]; могильник в с. Рудня и у хут. Пустынка на Черниговщине, у с. Плитовище Чернобыльского района Киевской области, у с. Здвизевка Макаровского района Киевской области; в районе Гостомеля над поймой р. Ирпень, в уроч. Песчаное; у сел Харьяновка, Воропаево, Староселье Верхнедубечанского района; у сел Вишеньки и Жеребятин Бориспольского района; у сел Таценки и Новоукраинка над Стугной при ее впадении в Днепр и некоторые другие.

Очевидно, погребения в могильниках с трупосожжениями следует считать основным типом захоронений для восточнотшинецкой культуры. Об этом свидетельствует прежде всего незначительное количество курганных памятников описываемого времени в составе большого количества курганов, раскопанных в Правобережной части УССР.

Мы остановились более подробно на погребениях восточнотшинецкой культуры, поскольку они с достаточным основанием рассматриваются в качестве генетической исходной группы для формирования погребального ритуала племен Правобережной Лесостепи, периода конца бронзы и начала железа. Рассмотрим под этим же углом погребальные памятники других культурных групп доскифского периода.

Погребения белогрудовской культуры. Погребения белогрудовской культуры известны еще хуже, чем предыдущего этапа. Это обстоятельство объясняется, по-видимому, господством захоронений в бескурганных могильниках. Отдельные, пока еще очень малочисленные, данные позволяют говорить, что погребальный ритуал белогрудовцев был очень близок к обычаям населения восточнотшинецкой культуры. Известны могильники с трупоположениями и единичные крайне редкие погребения в курганах.

В 1949 г. Югоподольской экспедицией у с. Печоры на Среднем Буге было раскопано три кургана. По данным М. И. Артамонова, «они дали характерную керамику (например, высокий тюльпановидный горшок с гладким оттянутым, а не наlepным валиком на корпусе) и предметы из бронзы: детский браслет и большую бляху... в Печорских курганах нашлись только два очень плохо сохранившихся погребения в материковых ямах; оба скелета, по-видимому, скорченные, ориентированы на северо-запад» [8, стр. 113].

В 1952 г. Югоподольской экспедицией у с. Печоры были раскопаны еще два кургана. В одном из них в гумусированной глине, почти у самого материка, найдены детский браслет и три кольца из бронзы.

Два кургана были раскопаны в 1953 г. у с. Мервинцы. Во втором находился каменный кромлех с каменным ящиком посредине. Погребение разграблено. Найдены остатки человеческих костей, свидетельствующие о наличии трупоположения. Из вещей обнаружены чернolощеная миска с прямыми стенками и серый тюльпановидный высокий сосуд, украшенный гладким несомкнутым валиком в основании

шейки и проколами под краем венчика, белогрудовского типа [8, стр. 115, рис. 48].

Значительно ранее при раскопках трипольского поселения у с. Белый Камень Чечельницкого района Винницкой области было открыто шесть погребений взрослых и детей, захороненных очень неглубоко, в скорченном положении головой на запад. При погребениях оказались бронзовые украшения: проволочные колечки, цепочки и два крупных спиральных височных кольца, известных в составе находок белогрудовской культуры [85, стр. 463—465, рис. 21—24; 17, стр. 125, рис. 3, 4].

В 1963 г. на поле у с. Макеевка близ Белой Церкви при случайных обстоятельствах было открыто погребение в яме глубиной до 60 см с остатками разрушенного скелета, лежавшего, очевидно, в скорченном положении головой на запад или юго-запад. При погребении найдены части трех сосудов белогрудовского типа [19, стр. 217].

Погребения чернолесской культуры. Среди погребений чернолесского времени преобладают бескурганные могильники с трупоположениями и трупосожжениями; изредка встречаются курганные захоронения с трупоположениями или трупосожжениями. Так, на Тясминском городище в 1957 г. на дне хозяйственной ямы, засыпанной землей с чернолесскими культурными остатками, был найден скелет подростка в сильно скорченном положении, головой на юго-восток.

А. И. Тереножкин полагает, что из погребений с трупоположением происходит хранящаяся в Киевском историческом музее группа чернолесских украшений, не имеющих следов воздействия огня. В ряде других случаев браслеты чернолесского типа оказались при погребениях с трупосожжениями. Обломки браслетов из с. Лука Тарашанского района найдены при погребениях с сожжениями во время корчевки леса, четыре браслета из с. Стретовка обнаружены при сожженных человеческих костях. О браслете из Ржищева известно, что он был найден в сосуде с пережженными человеческими костями. Два браслета из с. Луковица Переяслав-Хмельницкого района тоже выявлены при погребениях с сожжением. Ряд других чернолесских браслетов из сел Гришинец, Бобринца, Хмельна Каневского района, г. Канева, с. Калайдинцы Богуславского района Киевской области, с. Гули Старченковского района Черкасской области и с. Леплява Гельмязевского района Полтавской области, носят следы пребывания в огне и происходят, очевидно, из погребений с трупосожжениями.

В 1955 г. у Полудневского городища чернолесской культуры в обрыве было найдено погребение с трупосожжением в чернолесском тюльпановидном горшке, перевернутым вверх дном [142, стр. 43—44]. В 1947 г. И. М. Самойловский обнаружил на дюнах левого берега Днепра у с. Кайлов чернолесские погребения с трупосожжением. Лучшее сохранившееся захоронение располагалось в ямке (глубиной 0,5 м, диаметром 0,7 м) и содержало золу, кальцинированные кости, черпак и пять обломков лентных сосудов. И. М. Самойловский ошибочно отнес его к корчеватовской культуре [128, стр. 78—80]. У с. Мотовиловка Фастовского района Киевской области найден тюльпановидный сосуд с пережженными костями, помещенный в большом сосуде такой же

формы. Погребение с сожжением в сосуде белогрудовско-чернолесского типа было обнаружено у с. Троянова Житомирской области [142, стр. 45].

Т. Г. Мовша опубликовала данные о могильнике с трупосожжениями чернолесского времени, обнаруженного во время раскопок трипольского поселения у с. Коломийщина. Здесь оказались обломки шести сосудов чернолесского типа, в них лежало шесть раздавленных черепов и другие кости. Видимо на данном участке находилось шесть погребений с сожжением [102, стр. 204].

Еще одно погребение с трупосожжением без признаков курганный насыпи было обнаружено в с. Бутенки Кобелякского района Полтавской области. В этом погребении найдено четыре пары бронзовых двухпетельчатых удил, девять трехпетельчатых псалей с загнутыми лопастями, бронзовые наконечники стрел группы новочеркасскогоклада, два железных копья с дырочками в основании пера и два браслета чернолесского типа. Г. Т. Ковпаненко, обследовавшая место находки, отмечает, что погребение размещалось в яме, на глубине около 1 м, вместе с остатками пережженных костей. Над погребением находился дубовый полустлелый столб. Г. Т. Ковпаненко датирует это погребение VIII—VII вв. до н. э. и связывает с чернолесской культурой время ее передвижения на Ворсклу [66, стр. 66 и сл.].

По сравнению с бескурганными могильниками с трупоположениями количество курганных погребений чернолесского времени очень невелико. К их числу принадлежат по существу два кургана Тясминской группы, выделенные Е. Ф. Покровской [118, стр. 28 и сл.].

В кургане № 52 у Гуляй-Города находилось захоронение с коллективным трупоположением. Под насыпью кургана оказался большой квадратный деревянный склеп со сторонами по 7 м и высотой 2,3 м. Внутри склепа на дне — четыре параллельные канавы, в каждой из которых лежало по одному погребенному в вытянутом положении головой на запад. В головах каждого из них стояло по два-три сосуда. При одном из погребенных найдена спиральная височная подвеска из бронзовой проволоки, позднечернолесского типа. Выше этих погребений был расположен бревенчатый накат, на котором находилось еще три скелета — вытянутых, головой на север. Рядом с ними также стояли глиняные сосуды. Керамика этих погребений, как показала Е. Ф. Покровская, относится к чернолесской поре.

В кургане № 185 на р. Тенетинке (высота 2,75 м) под насыпью на грунте выявлена площадка, на которой находилось коллективное захоронение с трупосожжениями. В одних случаях кости взрослых и детей были сложены в сосуды, в других — лежали подле сосудов. Иногда малые сосуды с костями были накрыты большими, перевернутыми вверх дном. В этой могиле было найдено 20 сосудов и распавшийся серебряный браслет.

Такова картина погребального ритуала у племен Правобережной Лесостепи в доскифское время. Мы остановились подробно на этом вопросе, поскольку он имеет прямое значение для понимания своеобразия путей сложения погребального ритуала у племен скифского пе-

риода, сочетающих пережитки древних местных обычаев с воспринятыми чертами скифского погребального ритуала.

В общем смысле погребальный ритуал у племен восточнотшинецкой, белогрудовской и чернолесской культур, составляющих звенья единой линии генетического развития, имеет ряд общих признаков и по существу мало отличается друг от друга. Особенно близки между собой погребения комаровской и чернолесской культуры. Захоронений белогрудовского этапа известно очень мало, и они выглядят несколько односторонне из-за незначительного количества представленных здесь погребений с сожжениями (погребение у Троянова).

В общем же смысле преобладающими являются бескурганные могильники с трупосожжениями, реже — трупоположениями, в раннее время преобладают скорченные захоронения. В небольшом количестве встречаются курганы, содержащие как сожжения, так и трупоположения. Строгое единообразие обряда погребений отсутствует как в устройстве гробниц, так и в типах могильных сооружений, обряде сожжения и трупоположения, ориентировке и проч. В инвентарях погребений преобладает керамика и отдельные предметы украшений. Исключения составляют погребения в курганах у сел Бутенки и Носачево, в инвентаре которых (а в захоронении у с. Носачево также и в обряде) отчетливо прослеживаются следы степного (киммерийского) влияния.

Погребальный обряд курганов VII—VI вв. до н. э. (жаботинского и старежуровского этапов)

На границе перехода от чернолесского к жаботинскому этапу происходят довольно существенные изменения погребального ритуала. Это сказывается, прежде всего, в переходе от бескурганных кладбищ к могильникам с курганными насыпями и весьма распространенным обычаем устройства захоронений в насыпях более ранних курганов, в том числе и курганов эпохи бронзы. Особенности и варианты устройства погребальных сооружений весьма разнообразны и сохраняют много преемственных черт от предшествующего периода. Разнообразие в устройстве погребений этого периода настолько велико, что практически не удается составить какие-то четко определенные типы, унифицировать путем картографирования, составления таблиц. Среди них могут быть выделены: погребения в насыпях с трупоположениями и трупосожжениями; без грунтовой могилы в центре; погребения в неглубоких могильных ямах с деревянными перекрытиями; погребения в грунтовых ямах и насыпях этих же курганов; погребения, впущенные в насыпи курганов эпохи бронзы; погребения в деревянных склепах со впущенным в грунт основанием и в склепах, сооруженных на грунте или с впущенным основанием, впоследствии сожженных; погребения в ямах с деревянными склепами, в ряде случаев сожженными. Такой же пестротой и неустойчивостью отличается ориентировка умерших. Наряду с вытянутыми трупоположениями нередко встречаются скорченные. Женские и мужские захоронения в ряде случаев плохо различаются по инвентарю.

Погребения в насыпи без признаков могильной ямы в грунте. В кургане № 107 на р. Тенетинке, в насыпи на глубине 0,8 м, обнаружено погребение женщины и ребенка. Женский остов лежал вытянуто, «несколько на боку», головой на запад. По составу инвентаря погребение относится к числу наиболее ранних. Насыпь кургана содержала остатки еще одного разрушенного погребения неопределенного времени. Следов могильной ямы под насыпью кургана не оказалось.

Наличие следов погребения в насыпи в сопровождении посуды жаботинского типа при отсутствии погребений в грунте встречается во многих других курганах Тенетинского некрополя и в других могильниках. В записях А. А. Бобринского, как рефрен, повторяется одна и та же фраза: «Ниже уровня грунта ямы нет».

К числу таких погребений относятся курганы № 111 Тенетинки, где очень архаическая жаботинская керамика была найдена примерно на середине высоты насыпи, а также № 114 и 124 этой же группы.

В кургане № 139 (высота 2,42 м), на глубине 1,6 м, при разбросанных в беспорядке костях оказались очень ранний черпак, бронзовая булава и игла. В этом случае яма в грунте так же отсутствовала. Эти же признаки характерны для погребения в кургане № 155. В раннем кургане № 163 в насыпи оказалось погребение женщины в сопровождении черпака со штампованным зубчатым орнаментом, пряслищем и гранитным терочником. Могилы в грунте нет. Весьма интересен курган № 173 (высота 3,8 м), в насыпи которого несколько выше уровня грунта лежал скелет мужчины с коленями, поднятыми вверх. При нем найдены два сосуда и бронзовый браслет. Над умершим прослеживались остатки деревянной крыши. Очевидно, при погребениях в насыпи над покойниками устраивалось какое-то деревянное сооружение или перекрытие.

Этот же погребальный обряд в насыпи без признаков могилы в грунте отмечен в курганах № 179, 183, 192, 212, 214, 215, 219, 226, 227 Тенетинского могильника. Такой же обряд наблюдался в кургане № 334 у Гуляй-Города, в насыпи которого выявлены четыре сосуда жаботинского типа, при отсутствии ямы в грунте; кургане № 90 в уроч. Секирное; в кургане № 334 на р. Ташлык, с захоронением раннежаботинского времени в насыпи (грунтовая яма в этом кургане содержала впускное погребение более поздней поры железного века), а также курган № 365 у с. Теклино.

Погребения в насыпях с трупосожжениями. При аналогичных обстоятельствах в насыпях курганов без следов могильной ямы в грунте были обнаружены погребения с сожжениями в курганах № 110, 117, 130, 152 Тенетинского могильника. Вместе со следами сожжения, обгоревшими человеческими костями, здесь были найдены разбитые глиняные сосуды.

В кургане № 135 этой же группы в насыпи кургана также оказались сожженные человеческие кости и жаботинская керамика.

Погребения в неглубоких грунтовых ямах с деревянным перекрытием. Наряду с погребениями в насыпи, в ряде курганов Тенетинского могильника и некоторых других ранних курганах встречаются захо-

ронения в неглубоких грунтовых ямах со следами деревянного перекрытия. Таково погребение в кургане № 174 (Тенетинский могильник), где под насыпью найдена могильная яма (СЗ—ЮВ, $2,5 \times 1,8 \times 0,9$ м) с деревянным перекрытием. В яме лежал скелет взрослого мужчины, вытянуто на спине, головой на запад. При нем — второе погребение с трупосожжением. В насыпи этого же кургана выявлен жаботинский черпак.

В кургане № 211 под насыпью встречена могильная яма (З—В, $3,3 \times 2,6 \times 0,5$ м) с деревянным перекрытием и полом. В яме обнаружено парное погребение. Скелет, лежащий ближе к южной стенке, очевидно, женский, был положен в скорченном положении.

Погребение в неглубокой могильной яме (З—В, $4,1 \times 3,35 \times 0,5$ м) с закраинами по бокам для деревянного перекрытия, оказалось в кургане № 246 у с. Константиновка.

В широко известном кургане № 376 у с. Константиновка погребение находилось в могильной яме (З—В, $3,82 \times 3,44$ м) глубиной 0,6 м, перекрытой поперек толстой деревянной крышей и с деревянным полом. Кроме того, в насыпи были найдены остатки скифских вещей и керамики — то ли следы тризны, то ли впускное разрушенное погребение.

Погребение в грунтовых ямах и в насыпи курганов. В ряде случаев, в том числе в курганах Тенетинского могильника, встречаются погребения в неглубоких могильных ямах под насыпью кургана и наряду с этим впускное захоронение в насыпи.

Наиболее отчетливо эта картина прослежена в кургане № 113 на р. Тенетинке. Могильная яма в грунте (З—В, $2,2 \times 1,5 \times 0,25$ м), очень неглубокая, была обложена деревом. В ней обнаружено захоронение женщины, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Правая рука согнута, кисть лежит у лица. В головах стояла глиняная миска, в которой находились два других сосуда жаботинского типа. Кроме того, в могиле выявлены большое костяное острие, обломок бронзовой иглы или булавки, обломок железного ножа, а на тазовых костях кучка желудей. В насыпи этого кургана размещалось еще одно женское погребение в сопровождении кубка и черпака.

Подобная же картина, в несколько более завуалированном виде, наблюдалась в кургане № 134 на р. Тенетинке. Могильная яма (СЗ—ЮВ, $2,09 \times 1,45$ м) оказалась очень мелкой. В ней найдена керамика и бронзовый наконечник стрелы, указывающий на вероятность мужского захоронения.

В центральной части насыпи находилось впускное женское погребение, лежащее вытянуто, головой на северо-запад. При нем — глиняное пряслище, несколько бус, кучка желудей. На этом же уровне к северо-востоку лежал еще один костяк, череп которого упирался в ступни ног предыдущего. У головы найдена бронзовая сережка и три бусины. Кости в беспорядке. Соотношение этих двух впускных погребений представляется нам не вполне ясным.

В кургане № 118 на р. Тенетинке в насыпи обнаружены два глиняных черпака, а в грунте могильника яма (З—В, $2,7 \times 1,6 \times 0,22$ м)

с остатками дерева и разбросанными человеческими костями. В кургане № 158 этой же группы под центром насыпи — неглубокая яма (З—В, $2,65 \times 1,3 \times 0,35$ м) с разбитыми человеческими костями и остатками дерева, а в насыпи — следы еще одного погребения с двумя гранитными терочниками и очень архаичским черпаком.

На уровне грунта оказалось еще одно впускное погребение женщины, лежащей в скорченном положении на боку, при которой найдены украшения (ожерелье из раковин каури, бронзовые сережки калачиком в виде фигурок птички, бронзовая булавка, также украшенная фигуркой птички). В. Г. Петренко относит это погребение к позднему периоду скифского времени [109, табл. 20, 3, 25].

В ряде других курганов Тенетинского могильника встречается жаботинская керамика в насыпи при наличии следов подкурганых захоронений в неглубокой могильной яме, чаще всего разрушенных. Таковы курганы № 144, 155, 159, 161, 184, 225.

В кургане № 486 у с. Турни в грунте встречена неглубокая могильная яма (С—Ю, $3,55 \times 2,8 \times 0,4$ м), перекрытая сверху деревом. В яме разбросанные человеческие кости, а в насыпи кургана обнаружено разрушенное погребение с человеческими и лошадиными костями, куски дерева и три сосуда жаботинского типа.

Аналогичная картина наблюдалась в кургане № 491 этой же группы. Здесь, в насыпи, выявлены обломки дерева, человеческие кости, части двух сосудов, а в грунте — яма (СВ—ЮЗ, $3,75 \times 2,5 \times 0,41$ м) со следами деревянного перекрытия, четыре жаботинскими сосуда и частями конской узда.

В ряде случаев соотношение погребений в яме и в насыпи не вполне ясно. Возможно, что в некоторых из них находки в насыпи являются следами ограбления центральных могил, но несомненно и то, что ряд захоронений отчетливо фиксирует картину независимых захоронений в грунтовой яме под насыпью и последующее захоронение в насыпи, причем как и то, так и другое захоронение относится к жаботинской поре. Весьма возможно, что в тех случаях, когда деревянные перекрытия над неглубокими могильными ямами не отмечались, они являлись основаниями склепов, впущенных на небольшую глубину в грунт. Тип таких сооружений, о котором будет сказано ниже, хорошо зафиксирован.

Погребения в насыпях курганов эпохи бронзы. В ряде случаев раннескифские погребения оказались впускными в курганы эпохи бронзы. Типы погребального устройства в них различны. Среди них встречаются погребения в насыпях. Так, в кургане № 384 у с. Грушевка в насыпи кургана эпохи бронзы были найдены разбросанные человеческие кости и черпак. В кургане № 2 у с. Константиновка в насыпи оказались три впускных раннескифских погребения.

Захоронение в кургане № 9 у с. Константиновка оказалось неразрушенным. В кургане высотой 1,75 м, на глубине 0,7 м, было открыто впускное захоронение женщины, лежащей вытянуто на спине, головой на запад. Под костями земля была посыпана известью, а на костях — следы красной краски, особенно интенсивные на черепе, костях рук и

ног. На груди умершей стоял резной раннежаботинский кубок, рядом — костяное пряслице и кувшинообразный сосуд с четырьмя шишечками на плече.

Среди раннескифских погребений в насыпях эпохи бронзы встречаются деревянные склепы (курган № 15 у с. Константиновка); сожженные склепы (курганы № 8 и 375 у с. Константиновка). О них будет сказано ниже при описании соответствующих типов захоронений.

Погребения в деревянных склепах на грунте и со впущенным в грунт основанием. В кургане № 395 у с. Грушевка (высота 5 м) обнаружен деревянный склеп ($5,4 \times 4,5$ м), основание которого было впущено в грунт на 0,7 м, а деревянный накат, перекрывавший гробницу, находился на глубине 4,3 м от вершины кургана. Вдоль стен могилы по дну шли канавки, свидетельствующие о том, что стены, скорее всего, были сделаны из досок или бревен, поставленных частоколом.

Такое же устройство имел, очевидно, склеп в кургане № 346 у с. Теклина (высота 6 м), под насыпью которого оказалась могильная яма (З—В, $5,3 \times 4,5$ м) глубиной 1,3 м со стенами, обшитыми деревом, причем верхняя часть гробницы была встречена в насыпи на 3 м выше грунта.

В кургане № 11 у с. Оситняжка на глубине 1,1 м от поверхности насыпи оказался деревянный склеп, основание которого находилось в яме ($1,6 \times 0,9 \times 0,4$ м). В кургане № 12 этой же группы деревянный склеп зафиксирован в яме 0,3 м глубины¹.

В кургане № 411 у с. Журовка (высота 2 м) могильная яма (СЗ—ЮВ, $3,5 \times 3 \times 0,65$ м) имела вдоль стенок канавки. Сравнительно небольшая глубина позволяет предположить здесь наличие склепа с основанием в грунте. Возможно, что такое же устройство имели захоронения в могильных ямах глубиной 0,35 м в курганах № 33 и № 48 у Гуляй-Города.

Помимо деревянных склепов со впущенным в грунт основанием существовали деревянные гробницы, сооруженные на грунте. Так, в отношении кургана № 524 у с. Жаботин А. А. Бобринский отмечает, что это «могильное помещение, весьма немного углубленное ниже поверхности грунта, а может быть, устроенное на грунтовой площадке без углубления» [ИАК, 60, стр. 1]. В этом кургане (высота 5,4 м) находился большой склеп ($6,3 \times 5,45$ м, СВ—ЮЗ). Перекрытие его было обнаружено в насыпи на высоте около 2 м. Стороны окопаны канавками глубиной 0,55 м, в которые были впущены нижние концы бревен, стоявших вертикально. Бревна тесно примыкали друг к другу, по 16 вдоль длинных и по 11 вдоль коротких сторон. Нижние концы их оказались обожжены. Особой толщиной отличались угловые столбы.

В кургане № 1 у с. Жаботин был открыт прекрасно сохранившийся склеп из громадных брусев, сложенных срубом. Брусья из дерева породы вяза имели длину до 5 м, ширину до 70, толщину до 30 см. В описании не вполне ясно, находился ли этот сруб в насыпи или в

¹ Очевидно, при описании размеров ямы $1,9 \times 0,3 \times 0,75$ м допущена ошибка. 0,75 м — ширина, а 0,3 м — глубина могилы.

яме. Во всяком случае сруб описан достаточно подробно, а упоминаний о яме не имеется вовсе.

Погребения на грунте обнаружены в курганах № 43 у Гуляй-Города, № 370 на р. Ташлык, № 136 на р. Тенетинке.

Сожженные склепы на грунте или со впущенным в грунт основанием. Деревянные склепы, сооруженные на грунте или со впущенным в грунт основанием, нередко сожжены. В кургане № 49 у Гуляй-Города (высота 0,35 м) вся насыпь оказалась прожжена, могила в грунте отсутствовала. Такая картина могла получиться только в результате сожжения деревянной гробницы на грунте.

В кургане № 314 этой же группы под насыпью была расположена неглубокая могильная яма, в которой найдены разбросанные человеческие кости и уголь. Насыпь кургана оказалась прожжена.

В кургане № 220 на р. Тенетинке вся насыпь кургана от верха до грунта была сильно обожжена. Могильная яма отсутствовала, а в кургане № 164 этой же группы в насыпи прослежены следы большого кострища, прожегшего всю насыпь, а в основании кургана очень неглубокая яма (З—В, $2,7 \times 1,8$ м), заполненная жженой землей, углем, иеплом, остатками дерева. Ясно, что здесь был склеп, со впущенным основанием, сожженный в процессе сооружения курганной насыпи.

Ряд сожженных склепов в насыпи выявлен в курганах Константиновской группы. В кургане № 247 (высота 2,9 м) в грунте обнаружена неглубокая могильная яма (З—В, $3,2 \times 2,4 \times 0,4$ м), в которой встречены обожженное дерево, кости человека и животного. В кургане № 380 неглубокая могильная яма (СЗ—ЮВ, $2,3 \times 1,45 \times 0,43$ м) была засыпана жженой землей и углем, в насыпи — следы сожжения. То же можно сказать и о кургане № 378 небольшой высоты, где жаботинская керамика обнаружена в насыпи вместе со следами огня, углем и кусками дерева.

В курганах № 8 и 375 у с. Константиновка скифские сожженные склепы были сооружены в насыпях курганов эпохи бронзы.

При сожжении деревянной гробницы над склепом и вокруг него были положены радиально расположенные бревна, очевидно, опирающиеся верхним концом на склеп и создающие впечатление конического шатра, занимающего значительно большую площадь, чем сам склеп. Конструкция подобного рода деревянной гробницы, сооруженной на грунте, со следами радиально расположенных бревен от кострища, была хорошо изучена в 1964 г. при раскопках кургана, произведенных А. И. Тереножкиным у с. Медеро.

Очевидно, сожжения склепов на грунте или со впущенным в грунт основанием является господствующим среди курганов Оситняжского могильника, раскопанного В. В. Хвойкой. В кургане № 3 обнаружена неглубокая могила (5×4 м), засыпанная кусками сильно обожженной глины. На обожженном дне у юго-восточной стенки находились два сосуда и пережженные кости двух скелетов.

В кургане № 6 небольшого размера, на глубине 0,6 м, в сплошном слое комков выжженной глины встречены глиняные сосуды и пе-

режженные человеческие кости. Та же картина наблюдалась в курганах № 8 и 10, где на небольшой глубине, под завалом обожженной глины оказалось обожженное дно склепа с пережженными костями и керамикой. В кургане № 8, кроме того, среди угля и комков глины выявлены остатки глинобитных стенок с отпечатками прутьев — очевидно, стенки склепа были каркасными.

Как правило, сожжение производилось на месте, вместе с погребальным сооружением; лишь в двух случаях, возможно, сожжение осуществлялось на стороне (в кургане № 6 у с. Оситняжка, где В. В. Хвойка отмечает сожженные человеческие кости в яме «очевидно, перенесенные из другого места» и в кургане № 174 на р. Тенетинке, где в яме, рядом с мужским остоном, справа оказались ссыпаны кости второго сожженного костяка).

Погребения в ямах с деревянными склепами. Большую серию погребений составляют захоронения в обширных и довольно глубоких ямах с сооруженными в них деревянными склепами того или иного устройства. Начало сооружения подобного типа гробниц относится к жаботинскому периоду. Однако в основном этот тип сооружения более свойствен курганам позднежаботинского и старшежуровского периода.

В том же могильнике у с. Оситняжка, в кургане № 4, исследователями отмечена яма ($1,8 \times 0,9 \times 1,6$ м), в которой оказался деревянный склеп с четырьмя столбами по углам и боковыми столбами, перекрытый деревянным настилом. В кургане № 7 выявлена могильная яма глубиной 0,9 м со скорченным захоронением, головой на юго-восток, в сопровождении скифской керамики. В кургане № 12 отмечена могильная яма с деревянным склепом.

Остатки деревянных склепов в могильных ямах глубиной до 0,7 и 1 м отмечены в курганах № 471 и 474, раскопанных у с. Оситняжка Н. Е. Бранденбургом. В кургане № 38 у Гуляй-Города открыта большая могильная яма в грунте ($2,2 \times 2,8 \times 2,1$ м), в которой находился деревянный склеп с четырьмя угловыми столбами, полом и перекрытием.

Следы деревянной обшивки и перекрытие над могилой (З—В, $2,75 \times 1,4 \times 0,6$ м) обнаружены в кургане № 308. Следы деревянного склепа с канавками вдоль стен имелись в кургане № 319 этой же группы. В кургане № 2 у Райгорода большая могильная яма ($5,7 \times 4,3 \times 3$ м) была покрыта бревнами.

Ямы с расположенными в них деревянными гробницами являются господствующим типом захоронений в курганах старшей журавской группы. В кургане № 406 в могильной яме (ЮЗ—СВ, $6 \times 4,85 \times 3,15$ м) выявлен склеп с четырьмя угловыми столбами и четырьмя столбами «в центре», вкопанными на глубину до 0,8 м. Стенки были из вертикально поставленной деревянной облицовки, закрепленной в канавки по сторонам могильной ямы. В центральной части камеры следы сожжения: уголь, обгоревшая земля, обломки сожженных костей и каких-то предметов.

В кургане № 407 обнаружена гробница в яме с дромосом (С—Ю, $4,46 \times 4 \times 1,25$ м)¹, коридор длиной 1,7 м и шириной 1,6 м. Четыре столба по углам и три столба по срединам сторон не были вкопаны в землю, а опирались на дно ямы. Два столба в центральной части оказались вкопаны на небольшую глубину. Стены имели вертикальную облицовку, о чем свидетельствуют канавки вдоль стен.

Близкие по типу склепы в обширных ямах со стенами, обставленными вертикальной облицовкой, канавками вдоль стен и коридором — дромосом, ведущим в могилу с южной стороны, с большим или меньшим количеством опорных столбов по углам и в средней части открыты в курганах № 432, 447, 448 у с. Журовка. Все гробницы были перекрыты бревенчатым накатом. В кургане № 447 А. А. Бобринский отметил штукатурку по бревенчатому потолку и устройство особого карниза в верхней части стенок.

Среди Константиновских курганов большая могильная яма с деревянным склепом отмечена в курганах № 244 и 377. По существу к этой же группе относится и погребальное устройство в кургане № 15 у с. Константиновка, где деревянная гробница оказалась впускной в курган эпохи бронзы. Вся яма была обшита деревом и покрыта деревянным перекрытием в несколько рядов, положенным накрест.

Этот же тип деревянных гробниц преобладает в курганах у с. Маеевка. В кургане № 453 выявлена большая ($4,2 \times 2,8 \times 1,7$ м) яма с уступом по краю, на котором помещалось перекрытие гробницы. В кургане № 454 в яме ($2,8 \times 1,7 \times 0,9$ м) отмечен дубовый сруб с концами, зарубленными «в замок», деревянным полом и перекрытием из трех слоев деревянных, частью обожженных «плах» (очевидно, бревен). Деревянный сруб отмечен в кургане № 460 этой же группы и в кургане № 492, где скифское погребение оказалось впускным в насыпь кургана эпохи бронзы. Гробница имела вид сруба ($2,1 \times 1,4 \times 0,5$ м). В кургане № 5 у с. Рыжановка могильная яма в материке (С—Ю, $1,7 \times 1,4 \times 1$ м) имела следы деревянного склепа.

Деревянные склепы в ямах отмечены в большинстве ранних курганов у с. Турии. В кургане № 461 в яме (СЗ—ЮВ, $2,9 \times 2,35 \times 0,7$ м) прослежены следы склепа с деревянным полом. В кургане № 465 яма (В—З, $4,4 \times 1,7 \times 1$ м) содержала деревянный склеп с деревянным полом и ведущим в могилу дромосом.

В большой могильной яме в кургане № 490 (С—Ю, $4,25 \times 3,45$ м) обнаружено групповое погребение с труположением не менее десяти человек. Могильные ямы в грунте, глубиной до 1 м со следами находившихся в них деревянных склепов, отмечены в курганах № 496, 497, 506, 509 Турийской группы.

Погребения в сожженных деревянных склепах и ямах. Деревянные склепы в ямах нередко оказываются сожженными. К их числу относится погребение в кургане № 13 у с. Прусы, где в яме глубиной 1,9 м находилась обгорелая земля и насыпь кургана была прожжена.

¹ Сравнительно небольшая глубина могильной ямы свидетельствует, вероятнее всего, о том, что деревянная гробница была лишь частично впущена в грунт.

В кургане № 1 у с. Рыжановка в яме ($2,8 \times 2,8 \times 2,8$ м) находился обгоревший сруб с обугленным человеческим скелетом, лежавшим головой на юг. В определенной степени к числу сожженных склепов в ямах можно отнести захоронения в курганах № 8 и 375 у с. Константиновка, оказавшиеся впускными в насыпи курганов эпохи бронзы.

Возможно, что частично сожженным был склеп в кургане № 506 у с. Турии, где в насыпи отмечены следы обгорелой земли.

* *

Из-за неточности и неясности описаний в предложенном нами распределении отдельных памятников по типам погребального устройства в отдельных случаях могли быть допущены ошибки. Так, например, в раздел погребений в неглубоких ямах и насыпях курганов за погребения в насыпи могут быть ошибочно отнесены находки, попавшие сюда в результате ограбления могилы.

В число склепов со впускными в грунт основанием могло быть включено самостоятельное погребение в могильной яме и наоборот, в число склепов в грунте могли попасть захоронения со склепами с впускным в грунт основанием и проч.

Однако при всем этом основные описанные типы погребений выделены достаточно отчетливо на примере безусловных данных. Среди погребений VII—VI вв. до н. э. на Тясминском Правобережье могут быть выделены: погребения в насыпи в неглубоких могильных ямах, перекрытых деревом; погребения, впускные в насыпи более ранних курганов; погребения в деревянных склепах, сооруженных на грунте или с углубленным в грунт основанием и, наконец, в глубоких обширных ямах с сооруженным в них деревянным склепом в виде сруба или с вертикальной облицовкой стен, столбовыми конструкциями и дромосом. Во всех этих случаях в качестве устойчивого варианта встречаются погребения с сожжением деревянных гробниц того или иного рода.

Ориентировка гробниц и погребений. Ориентировка гробниц и погребенных не отличается устойчивостью. Среди них встречается ориентировка могильных ям и склепов по линии запад — восток (23 случая)¹. Ориентировка по линии север — юг (12 случаев)²; по линии северо-запад — юго-восток (9)³ и северо-восток — юго-запад (5 случаев)⁴.

В могилах, имеющих ориентировку с запада на восток, большинство погребенных обращено головой на запад⁵ и сравнительно редко

¹ Курганы у Гуляй-Города — № 33, 38, 42, 48, 308, 314, 319, 327; Журовка — № 436; Константиновка — № 246, 247, 376; Оситняжка — № 471; Ташлык — № 343; Теклино — № 346; Тенетинка — № 108, 113, 118, 144, 158, 164, 211; Турия — № 465.

² Курганы у с. Журовка — № 407, 447, 448, 482; Маеевка — № 492 (ССЗ — ЮЮВ); Рыжановка — № 5; Тенетинка — № 146, 161; Турия — № 486, 490, 506, 507.

³ Курганы у с. Грушевка — № 395; Жаботин — № 524; Журовка — № 411, 432; Константиновка — № 377, 380; Тенетинка — № 134; Турия — № 461.

⁴ Курганы у с. Журовка — № 406; Турия — № 491, 496, 497, 509.

⁵ Курганы у Гуляй-Города — № 308, 319, 330 (скорченное); Константиновка — № 2 (скорченное), 9, 246; Рыжановка — II, V (скорченное); Тенетинка — № 107, 113, 173 (скорченное), 174, 211 (скорченное).

на восток¹. В ямах, ориентированных меридиально, чаще встречается южная ориентировка², но не исключена и северная³. Известны положения умерших головой на северо-запад⁴ и юго-восток⁵.

Несмотря на то, что в отдельных группах та или иная ориентировка может остаться преобладающей, не удастся выяснить какой-либо четкой закономерности в отношении преобладания какого-то определенного вида ориентировки по хронологическим группам или определенным социальным прослойкам. Каждое правило обязательно даст ряд исключений и отклонений.

Захоронения в скорченном положении. Среди погребенных с труположениями встречаются захоронения в скорченном положении. Такие погребения известны в числе сопровождающих лиц, а также среди основных погребенных.

В кургане № 40 у Гуляй-Города в могиле находилось три скелета. Два остова лежали головой на север. Западный, лежавший вытянуто, был, очевидно, основным. Восточный скелет лежал скорченно, на правом боку, вещей при нем не оказалось, как и при третьем — лежавшем головой на запад.

В скорченном положении, коленями вверх, была положена молодая женщина в кургане № 407 у с. Журовка. Ее голова лежала в позах мужского скелета. В скорченном положении был положен один из двух погребенных (очевидно, женщина) в кургане № 211 на р. Тенетинке. В кургане № 330 у Гуляй-Города в скорченном положении на боку, головой на запад, была погребена пожилая женщина (основное погребение), а также одно из впускных захоронений жаботинского времени в насыпи кургана № 2 у с. Константиновка. В кургане № 2 у с. Оситняжка была погребена женщина в скорченном положении, на правом боку, головой на восток, а в кургане № 7 этой же группы, в скорченном положении, головой на юго-восток был погребен, очевидно, мужчина (судя по находке здесь наконечника стрелы). Мужское скорченное погребение на левом боку с подогнутыми ногами, головой на восток, обнаружено в кургане № 471 у с. Оситняжка. В кургане № 5 у с. Рыжановка мужской скелет лежал скорченно, на левом боку, головой на запад. В кургане № 173 на Тенетинке умерший (предположительно мужчина) лежал коленями вверх.

В кургане II у Рыжановки и № 370 на р. Ташлык исследователи отмечают захоронения в сидячем положении. В первом из них находилось погребение мужчины, во втором — по-видимому, женщины, так как рядом находились кости ребенка. В кургане № 134 на р. Тенетинке отмечено захоронение женщины, лежащей навзничь.

¹ Курганы у с. Журовка — № 407 (сопровождающее женское захоронение в скорченном положении); Оситняжка — № 2 (скорченное), Оситняжка № 471 (скорченное).

² Курганы у с. Журовка — № 407 (мужское основное); Константиновка — № 2; Макеевка — № 454, 460; Оситняжка — № 11.

³ Курганы у Гуляй-Города — № 38, 40; Рыжановка — № 1; Теклино — № 346; Турия — № 509.

⁴ Курганы у с. Константиновка — № 380; Тенетинка — № 134.

⁵ Погребение у с. Оситняжка — № 7 (скорченное).

И опять при рассмотрении данной группы мы не наблюдаем какой-то особой закономерности в отношении лиц, погребенных в скорченном положении: ни в типах положения умерших, ни в хронологии захоронений, ни в поло-возрастном делении, ни в социальной характеристике.

Состав погребенных лиц. Если рассматривать раннежаботинские курганы по составу захороненных лиц, то, прежде всего, необходимо отметить недостаточную четкость различий по инвентарю, которые позволили бы отличить мужские и женские захоронения в раннежаботинское время. Во многих погребениях была найдена только лепная керамика без каких-либо иных находок специально мужского или женского инвентаря. Принадлежность их остается неуточненной. Лишь сравнительно небольшая часть захоронений имеет характерные для мужских погребений предметы вооружения и конского снаряжения, а также украшения, предметы, специфично женские орудия труда, составляющие типичный инвентарь женских захоронений. Различия в составе инвентаря становятся более отчетливыми с начала VI века до н. э. и значительно слабее выражены в памятниках VII в. до н. э.

Тем не менее, господство патриархально родовых и семейных начал в организации общества четко зафиксировано наличием, начиная с наиболее ранней поры, парных погребений, в которых мужское является основным, а женское — сопровождающим. Всего известно 20 таких погребений¹. В отдельных случаях (например, курган № 407 у с. Журовка) погребение женщины в ногах мужского захоронения подчеркивает ее подчиненное положение. В других случаях наличие парных захоронений устанавливается по находкам в могиле остатков двух скелетов и смешанному составу предметов мужского и женского инвентаря. В кургане № 447 у Журовки отмечены остатки трех погребенных: мужчины, женщины и ребенка.

В кургане № 174 на р. Тенетинке центральное положение занимал скелет взрослого мужчины, сопровождавшийся двумя бронзовыми наконечниками стрел. Возле него справа ссыпаны сожженные кости второго скелета с обгоревшим тонким бронзовым браслетом. В кургане № 211 этой группы находились два сильно истлевших остова. Причем незначительный инвентарь (кусочек гранита, глиняное пряслице, две янтарные бусины, бронзовое колечко) — отмечены при женском захоронении.

Захоронения с мужским составом инвентаря найдены в 30 случаях². Наиболее отчетливо они прослеживаются с рубежа VII—VI вв. до н. э. в курганах у Гуляй-Города, Жаботина, Журовки, Макеевки, Рыжановки, уроч. Дарьевка и др. По мере удреждения количество харак-

¹ Гуляй-Город — № 38, 40, 41 (?); Жаботин — № 524; Журовка — № 406, 407, 432, 447; Константиновка — № 8, 375; Макеевка — № 454 (?), 460, 488, 492; Оситняжка — № 474; Ташлык — № 344 (?); Тенетинка — № 136, 174, 211; Турия — № 465.

² Гуляй-город — № 48, 308, 314, 319; Жаботин — № 2; Райгород — № 2; Журовка — № 448; Константиновка — № 2, 15, 244, 376, 378; Макеевка — № 453; Оситняжка — № 7, 12, 471; Рыжановка — II, V, № 5; Теклино — № 346; Тенетинка — № 126, 134, 173 (?), 183; Турия — № 461, 491, 506, 509; курганы у с. Мошны и в уроч. Дарьевка близ Шпола.

терных предметов мужского инвентаря резко сокращается. Помимо некоторых курганов с предметами конского снаряжения предскифского типа (№ 375, 376 у с. Константиновка, № 2 — Рыжановка) в ряде случаев (курганы Тенетинской группы) предметы мужского инвентаря представлены единичными экземплярами наконечников стрел или копий.

Обращает внимание сравнительно значительное число одиночных самостоятельных женских захоронений (18 могил)¹, признаки которых прослеживаются с наиболее раннего времени и выражены в этот период более отчетливо, чем мужские.

Исключительный интерес представляет погребение в кургане № 454 у с. Макеевка, оказавшееся, как отмечает Н. Е. Бранденбург, неразграбленным. Здесь, рядом с умершим, лежавшим головой на юг, найдены архаическое железное кольцо, наконечник стрелы и, кроме того, женские вещи — бусы, булавка и глиняное пряслице. По-видимому, это одно из древнейших женских захоронений с оружием. Незначительные размеры склепа (1,4 × 1 м) позволяют думать, что в данном случае была погребена девочка-подросток. Этот случай интересен также и тем, что в данном случае захоронение раннескифской (начало VI в. до н. э.) «амазонки» оказалось в числе памятников лесостепной полосы.

Интересно отметить, что в кургане № 42 у Гуляй-Города в могиле с истлевшим остовом, среди предметов женского инвентаря (две бронзовые булавки, ожерелье из пастовых бус, железное кольцо) найден бронзовый наконечник стрелы. К этой же группе женских захоронений с оружием в памятниках данной территории относится курган № 423 у с. Журовка раннего V в. до н. э.

В нескольких случаях в число предметов инвентаря женских могил входят наборы женских орудий труда: глиняные прясла, гранитные терочки, костяные проколки, бронзовые или железные иглы. Особенно выразительно эта группа вещей представлена в таких архаических курганах, как Ташлык № 343, 344, Тенетинка № 158, 163, 211.

В женских захоронениях более позднего времени все более заметную роль начинают играть разнообразные предметы украшений и туалета раннескифских типов. В нескольких случаях (Ташлык — № 370, Тенетинка — № 107) вместе с женщинами были захоронены и дети.

Самостоятельных захоронений детей очень мало. Среди них впускное детское погребение в кургане № 43 у Гуляй-Города в сопровождении бронзовой гривны, проволоочного браслета и четырех наконечников стрел, а также впускное детское захоронение в кургане № 308 этой же группы с несколькими бусинами. Приведенные данные подтверждают высказанное ранее положение о том, что многие члены общины в скифское время, в том числе дети и подростки, погребались не в курганах, а в грунтовых могильниках типа открытых у с. Грищинцы, Пирогово и проч.

¹ Грушевка — № 395; Гуляй-Город — № 33, 42, 330, 338; Константиновка — № 9; Макеевка — № 454; Оситняжка — № 2; Ташлык — № 343, 370; Тенетинка — № 107, 113, 126, 134, 139, 164; Яблоновка — № 70.

Относительно захоронений рабов-слуг в этот период нельзя сказать ничего определенного. Возможно, такого рода захоронения встречаются в тех случаях, когда в погребении отмечены остатки двух захоронений, причем пол их остается неуточненным. Так, например, в кургане № 211 на Тенетинке зафиксированы двое погребенных. Один из них — скорченный, лежавший у южной стенки — судя по составу инвентаря — женский. Вещей при втором умершем не упоминается. Остается неясным, является ли оно захоронением мужчины в сопровождении женщины, или же женщины в сопровождении слуги или служанки.

Более отчетливой представляется картина в кургане № 40 у Гуляй-Города, где при парном захоронении находился еще один погребенный в скорченном положении без вещей, скорее всего, слуга погребенной здесь четы. Уникальным является погребение в кургане № 490 у с. Турин, где обнаружено коллективное погребение не менее десяти человек.

Родовые могильники. Несмотря на то, что погребальный обряд раннескифских курганов Тясмина очень многообразен, неустойчив и не поддается унификации, в пределах отдельных могильников удается нередко установить преобладание тех или иных черт погребального устройства, составляющих специфику данной группы памятников. По-видимому, это указывает на то, что такие некрополи являлись захоронениями членов определенных родовых коллективов, в которых преобладали определенные традиции.

Так, например, в Грушевском могильнике основными являлись захоронения в деревянных склепах в ямах или на горизонте, ориентированные с запада на восток, часто сожженные. Эти признаки сохраняются здесь от VI в. до н. э. до конца скифского периода.

Для журавских курганов характерны захоронения в могильных ямах с различного рода деревянными склепами, в том числе и наиболее развитое устройство с дромосами и столбами. Сожженные склепы здесь сравнительно редки. Ориентировка погребальных сооружений очень неустойчива. Наряду с ориентировкой с запада на восток многие погребения (особенно в раннее время) бывают ориентированы с севера на юг. Встречается ориентировка погребений по линии юго-восток — северо-запад и реже с юго-запада на северо-восток.

Для Константиновской группы характерны сожженные склепы, в том числе в насыпи и на грунте; преобладающая ориентировка погребальных сооружений — широтная. В Макеевской группе и у с. Турин преобладают захоронения в деревянных склепах того или иного устройства. В Оситняжке — сожженные склепы на горизонте и пережиточность обряда скорченных захоронений. Для Тенетинских могильников особенно характерны захоронения в насыпях курганов, в неглубоких могильных ямах с деревянными перекрытиями или склепами с впускным в грунт основанием. Сочетание того и другого видов погребения в одном кургане, сохранение пережитков обряда сожжения и скорченности захоронений. Ориентировка неустойчива. В Туринском могильнике обычны могильные ямы с деревянными склепами, имеющими самую различную ориентировку.

Следует еще раз напомнить, что это лишь ведущие признаки, и в каждом могильнике помимо основных, наиболее ярких признаков, можно встретить различные варианты погребений.

Общая тенденция развития погребального обряда от древнейших времен до конца скифского периода. Прослеживая путь развития погребального ритуала у местного населения, начиная с чернолесской поры и до конца старшежуровского периода, можно отметить определенную тенденцию, прокладывающую себе путь через всю пестроту и разнообразие различных вариантов.

Прежде всего, следует отметить существенное изменение погребального обряда по сравнению с чернолесским временем. Оно заключается в установлении господства захоронений по обряду труположения под насыпями курганов, причем с самого начала определяется тип захоронения в ямах с деревянными перекрытиями.

Все эти новые элементы нельзя объяснить иначе, как заимствованием и упрочением влияния, идущего из кочевой степи. Именно в VIII—VII вв. до н. э., на основании развития срубного обряда, у раннекочевнических племен степи распространяется курганный обряд погребения в могильных ямах под курганными насыпями с устройством деревянной гробницы и вытянутыми или скорченными труположениями, в сопровождении определенных типов оружия и конского снаряжения [48, стр. 52 и сл.].

Формирование названных признаков отмечено в Широком кургане и кургане № 6 у с. Первомаевка [75, стр. 202; 43, стр. 136]; в курганах, открытых в 1970 г. в Измаильской области И. Т. Черниковым [170, стр. 233]¹; в таких важных для нас памятниках, как Зольный курган в окрестностях Симферополя и Носачевский курган на Черкашине, где захоронения были совершены в ямах с деревянными столбовыми склепами и вытянутыми труположениями [67, стр. 174]. Новые важные данные в этом направлении получены раскопками кургана Высокая Могила у с. Балки, осуществленные в 1971 г. Э. В. Яковенко и В. И. Бидзней [22]. Такой принцип могильного устройства оставался господствующим в раннескифских захоронениях Северного Причерноморья и Прикубанья и описан у Геродота.

Данные о погребениях степных скифов архаического времени, совершенных в ямах с деревянными склепами, со склепами на горизонте, в ряде случаев с элементами сожжения, собраны в работе А. И. Тереножкина [147, стр. 18—19] и В. А. Ильинской [48, стр. 66—67]. К ним относится погребение келермесского времени в кургане у Никополя с деревянной гробницей [ДП, VI, стр. 10—11, табл. III]; захоронение в кургане у с. Большая Знаменка, в котором обнаружена прямоугольная могильная яма с остатками деревянного склепа в виде брусев от обшивки стен и столбов по углам [127, стр. 122—123], по-видимому, V в. до н. э.; несколько курганов неуточненного времени с деревянными погребальными сооружениями около с. Новогригорьевка

на Конке [127, стр. 121—122]. В небольшом кургане на р. Калитва погребение раннего VI в. до н. э. находилось, по-видимому, в деревянной сожженной гробнице [86, стр. 196 и сл.].

В ранних курганах Прикубанья, которые не считаем возможным выделить из числа скифских, гробницы сооружались в виде больших деревянных склепов в ямах или на материке. В келермесских курганах погребения размещались в больших квадратных ямах с боковыми уступами, перекрытых сверху деревянным накатом, опирающимся на столбы [ОАК, 1904, стр. 86 и сл.]. В курганах возле Ульского аула деревянные столбовые гробницы были устроены на древней дневной поверхности [ОАК, 1898, стр. 30; ОАК, 1908—1910, стр. 147]. В Костромском кургане гробница была сооружена на погребенной поверхности (на насыпи кургана бронзового века), обставлена расположенными в виде шатра бревнами и сожжена [ОАК, 1897, стр. 11].

В свете последних исследований становится понятным, что знаменитый Мельгуновский (Литой) курган в верховьях р. Ингульца содержал в себе сожженный деревянный склеп, сооруженный на горизонте [123]. Как показали специальные исследования почвоведов, территория, в пределах нынешней южной части Кировоградской области, входила в географическую зону степи, а не лесостепи [130].

В своей недавно вышедшей работе Э. В. Яковенко удалось установить, что широко известное архаическое погребение в кургане Темир-Гора (середина VII в. до н. э.), являвшееся основным, было совершено в могильной яме размерами 4 × 3 × 1,4 м и «округлой в плане (очевидно, с закругленными углами), высеченной в скале и перекрытой завалом камней. Как справедливо отмечает автор, значительные размеры могильной ямы позволяют предполагать здесь существование какой-то дополнительной, скорее всего деревянной, конструкции. В яме находилось захоронение мужчины, вытянутое головой на запад» [178].

В ряде курганов раннего V века до н. э. у с. Солончаки (бывший Аджигол) на Бугском лимане вблизи Ольвии погребения были обнаружены в больших грунтовых ямах с деревянным накатом [185, стр. 18 и сл.].

Как показали в своих работах М. И. Артамонов и И. В. Яценко, ямное устройство скифских могил сохраняется и в более позднее время [6, стр. 137; 179, стр. 36]. Скифский курган IV в. со сложным деревянным сооружением раскопан Н. И. Веселовским в уроч. Дорт-Оба в Степном Крыму [6, стр. 139 и сл.].

В кургане у с. Щеглово, бывшего Бахмутского уезда, захоронение находилось в большой четырехугольной яме, покрытой сверху накатом из толстых дубовых бревен и колотых плах, покрытых камышом. Плахи хорошо и равномерно обуглены, дно посыпано известью и покрыто камышом. Погребение парное, разграбленное и разрушенное, содержало обломки вещей скифского типа [32, стр. 334].

Значительное количество данных о скифских степных захоронениях раннего времени с гробницами в ямах получено раскопками последних лет.

¹ В предварительном обобщении эти погребения ошибочно описаны как сарматские.

Около Ростова-на-Дону В. Я. Княшко раскопал погребение раннего скифского времени (не позднее рубежа VII—VI вв. до н. э.). К моменту раскопок кургана уже не было, но о его наличии свидетельствовал сохранившийся кольцевой ров. Большая могила (3×3 м) имела глубину 2,2 м. В ней обнаружены камни и угли от полусожженного перекрытия. Умерший лежал на левом боку со слегка подогнутыми ногами. В инвентаре погребения оказался бронзовый наконечник ножен меча, сосуд и костяная пластинка-накладка с резьбой в зверином стиле в духе жаботинских пластин [65, стр. 106].

В наших раскопках 1965 г. у рудника Орджоникидзе была открыта гробница в виде квадратной ямы (глубиной 2,5 м) с деревянным перекрытием и четырьмя столбами по углам. Погребение датируется находками двух греческих пухлогорлых амфор конца VI в. до н. э. [Архив ИА АН УССР].

В Медеровском кургане, раскопанном в 1964 г. А. И. Тереножким в южной части Кировоградской области, встречен сожженный склеп на горизонте, в котором оказалась замечательная раннескифская стела.

Погребение в овальной яме (очевидно, с деревянным перекрытием, о чем свидетельствуют камни, попавшие в заполнение ямы и находившиеся ранее выше перекрытия) было открыто в кургане у с. Новая Розановка на р. Ингул в Николаевской области [166, стр. 208]. Погребение датируется V в. до н. э. Впускное раннескифское захоронение VI в. до н. э. в яме открыто Н. М. Шмаглем в кургане № 2 у с. Огородное [137, стр. 151—152]. Раннескифские захоронения в ямах с остатками деревянных гробниц были исследованы раскопками Л. П. Крыловой, Е. В. Черненко, Г. Т. Ковпаненко [Архив ИА УССР].

Сказанное свидетельствует о том, что обряд захоронения в ямах или наземных склепах с деревянными гробницами в VII—V вв. до н. э. отнюдь не составляет какую-то особую специфику погребения Лесостепи, а сложился в раннекочевнической степной среде, причем традиции его явно восходят к предскифскому времени IX—VIII вв. до н. э. и к погребениям срубной культуры Северного Донца и Поволжья, о чем нам уже приходилось писать [48].

В Правобережной Лесостепи проникновение и нарастание степного влияния, по сравнению с предыдущим чернолесским периодом, сказывается в сложении новых черт погребального ритуала и постепенном дальнейшем наращивании черт, сближающих его со степным скифским.

В течение жаботинского периода все большее значение приобретают захоронения в больших подкурганных ямах с развитым деревянным склепом, получившим свое окончательное оформление ко времени старших Журовских курганов. Сохраняются и деревянные склепы в насыпях, на грунте или с впущенным в грунт основанием. Погребальный обряд не приобретает строго канонизованных форм. Унаследованным от предыдущего времени является часто встречающийся обычай сожжения, преимущественно в форме сожжения деревянного склепа.

Как отмечает В. Г. Петренко, в курганах V—IV вв. до н. э. на Тясмине преобладают захоронения в больших грунтовых подкурганных ямах с устройством в них разнообразных деревянных гробниц. Среди них хорошо представлены столбовые склепы с вертикальной облицовкой стен и дромосами; столбовые склепы с деревянными гробницами без дромосов; грунтовые ямы, обстроенные или обшитые деревом с перекрытием в один или несколько рядов, грунтовые ямы с деревянным сооружением в виде сруба, ямы с плоским деревянным накатом. В редких случаях встречаются деревянные склепы на грунте.

Существовали небольшие грунтовые ямы без следов дерева (очевидно, истлевшие тонкие перекрытия), в которых были погребены наиболее бедные из среды рядовых общинников.

В небольшом количестве известны впускные погребения в насыпи более ранних курганов эпохи бронзы или предшествующей поры скифского времени. Они также принадлежат рядовым общинникам.

И, наконец, в курганах IV в. до н. э. могут быть выделены погребения в глубоких ямах, отражающих влияние степных катакомб на местные типы могил и весьма значительное (особенно на Тясмине) количество погребений в катакомбах скифского степного типа. На протяжении всего скифского периода сохраняются черты захоронений в скорченном положении. Ориентировка погребенных так и не приобретает устойчивости. Она остается весьма разнообразной с некоторым преобладанием западной.

Количество трупосожжений в V—IV вв. до н. э. несколько уменьшается, хотя продолжает еще встречаться обряд сожжения погребального сооружения. Появляется обычай класть в могилу холодные угольки, золу, кусочки мела и краски. Изредка встречается обряд полного сожжения покойников на стороне с ссыпанием пепла в могилу.

В IV в. до н. э. появляется обычай зажигания небольшого кострища над погребением [109, стр. 14 и сл.].

Таков общий путь развития погребального обряда у племен скифского времени в бассейне Тясмина.

ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Описание материальной культуры отдельных территориальных групп скифского времени осложнено тем, что скифская культура в целом и отдельные категории составляющих ее предметов неоднократно служили предметом специальных исследований в работах, посвященных региональным группам. Известное повторение ранее сказанного при этом оказывается почти неизбежным. Однако необходимость такого рода описаний еще не отпала. Скифская культура — явление слишком большое и сложное и охватить ее в целом можно лишь после того, как она будет сгруппирована и проработана по отдельным крупным «блокам», каковыми являются региональные территории. Кроме того, только такой подход позволит наметить специфику отдельных культурных вариантов и проследить особенности развития культуры населения различных этноплеменных подразделений скифского мира.

Поэтому, приступая к рассмотрению материальной культуры погребений архаического периода бассейна Тясмина, мы заранее оговариваемся, что будем сокращенно излагать разделы о категориях вещей, которые уже подверглись специальному исследованию, а также и тех, в отношении которых автор не может сказать ничего принципиально нового. Более подробно рассмотрим те группы предметов, которые имеют более важное значение при освещении поставленных нами вопросов или же те, в отношении которых автору удастся дополнить существовавшие ранее представления.

Оружие

Количество предметов вооружения, найденных в ранних курганах Тясминской группы, сравнительно невелико. Находки предметов вооружения зарегистрированы здесь в 45 из 130 известных нам архаических погребений. Причем в десяти случаях было найдено всего лишь по одному-два наконечника стрел¹. Кроме того, в состав этого числа входят наконечники стрел (по одному) при женских захоронениях курганов № 42 и 330 у Гуляй-Города и четыре наконечника при детском погребении кургана № 43 этой же группы.

¹ Константиновка — № 2; Оситняжка — 7 и 471; Тенетинка — № 134, 136, 159, 163, 174; Турня — № 465, 469.

Особенно редко предметы вооружения встречаются в наиболее ранних курганах VII в. до н. э. С начала VI в. до н. э. количество предметов вооружения заметно возрастает, и в курганах старшей жировской группы господствует уже развитой состав скифской паноплии.

Мечи, кинжалы. Находки мечей и кинжалов зарегистрированы в десяти случаях (всего десять экземпляров).

В курганах Тенетинской группы найден только один меч (курган № 164). Обломок железного меча упоминается в кургане № 524 у с. Жаботин. В близком к нему по времени кургане № 346 у с. Теклина обнаружен меч в деревянных ножнах.

В кургане уроч. Дарьевка имеется железный кинжал с прямым наконечником, сердцевидным перекрестием и рукоятью с боковыми валиками (табл. XXXIV, 18). Из этого же набора происходит костяной предмет с фигуркой свернувшегося зверя, который принято считать наконечником ножен (табл. XXXIV, 3). Относится ли данный наконечник к ножнам вышеупомянутого кинжала, сказать трудно.

В кургане № 406 у с. Журовка найден меч или кинжал, о чем свидетельствует находка бронзового наконечника полуовальной формы (табл. VIII, 6). Архаического типа железный кинжал в ножнах с таким же бронзовым наконечником обнаружен в кургане № 5 у с. Рыжаповка (табл. XXII, 8, 9). Подобные костяные и бронзовые наконечники ножен известны в памятниках раннескифской культуры. В качестве аналогий назовем костяные наконечники, найденные во время раскопок Кармир-Блур, погребения № 4 Минераловодского могильника, Настеровского могильника, Константиновского кургана под Ростовом, Старшей Могилы, Тлийского могильника на Кавказе [113, рис. 96; 28, стр. 100, рис. 13, 1; 72, стр. 177; 65, стр. 106; 52, стр. 88; 151, стр. 31, рис. 2, 288; 190].

Кинжал из кургана № 2 у с. Райгород [табл. VI, 13], в отличие от прочих, имеет бронзовую рукоять, однако по найденному в этом же комплексе ионийскому килику второй половины VI в. до н. э. он не может быть отнесен к числу наиболее ранних.

В кургане № 461 у с. Турии при погребенном оказались: длинный меч и короткий кинжал, представляющие специализированные виды рубящего и колющего оружия. Случаи подобных находок в скифских курганах отмечены неоднократно. Наиболее известными являются длинный меч и короткий кинжал, найденные в кургане Старшая Могила [52, стр. 88]. Аналогичные случаи известны в кургане № 2 у с. Волковцы [ДП, II, стр. 7]; № 13 у с. Кириковка [98, стр. 715]; № 5 у с. Мариуполя [162, стр. 176]; № 4 у с. Берестяги. По данным В. Г. Петренко длинный меч из последнего погребения имел 84, а короткий 66, 8 см. [Смела, III, стр. 94—96; 109, стр. 43]; в кургане № 401 у с. Журовка меч длиной 80 см лежал справа от погребенного, в то время, как кинжал был положен в его ногах [ИАК, 14, стр. 17—18]. Обломки двух мечей обнаружены в кургане № 152 у с. Турии [ИАК, 40, стр. 51] и кургане № 9 у с. Дуровки [124, стр. 93].

То, что сочетание меча и кинжала в наборе скифского вооружения не являлось случайным, подтверждается изображениями на двух

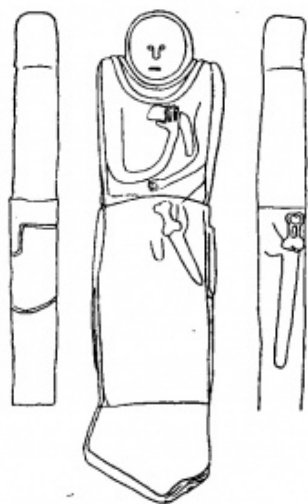

Рис. 5. Каменная скифская стела из окрестностей г. Кироваграда.

каменных скифских стелах из окрестностей Кироваграда, на каждой из которых изображен подвешенный спереди к поясу акинак, а у правого бока — длинный меч (рис. 5).

К числу предметов, найденных на Тясмине, следует отнести цельнобронзовый кинжал у с. Томашовки Каменского района (рис. 6). А. И. Мелюкова относит его к VI в. до н. э. Однако реликтовый металл и сходство перекрестия с древнейшим скифским кинжалом, обнаруженным у Лермонтовского разъезда, позволяет отнести этот экземпляр к числу древнейших мечей скифской серии, относящихся еще к VII в. до н. э. [Смела, III, стр. 146, табл. XI, 5; стр. 47].

Интересен цельнобронзовый кинжал из собрания Киевского исторического музея, пропавший во время оккупации и сохранившийся лишь в зарисовке Б. З. Рабиновича (рис. 7). [139, стр. 103, рис. 11, 5; 142, стр. 138]. Этот кинжал, происходящий из Правобережного Поднепровья, уникален.

Овальное навершие, рукоять с сердцевидным перекрестием, широкий клинок с центральной нервюрой. На обеих сторонах рукояти изображены стоящие одна за другой фигуры животных. Продольный фриз начинается на навершии и заканчивается на перекрестии. На одной стороне изображены: бык, лось (?), олень, хищник кошачьей породы; на другой — козел с поджатыми ногами, бык, кабан, заяц. А. И. Треножкин обратил внимание на исполнение отдельных фигур животных (лось, олень) в манере жаботинских костяных пластин, а также на их близость к изображениям на константиновской костяной пластине [142, стр. 136, рис. 90, 2; 65]. Кроме того, следует отметить определенное соответствие изображений названного меча изображениям животных на рукоятке келермесской секиры. Это отразилось в последовательном чередовании изолированных фигур животных, а также в подборе и трактовке их. Как мы знаем, в скифском искусстве чрезвычайно редко встречается изображение быка. На келермесской секире фигурка быка повторена дважды в разных вариантах. На мече из Поднепровья воспроизведены те же мотивы, что и на келермесской секире, но только в огрубленном, подражательном виде. То же можно сказать и об исполнении других фигур: хищника кошачьей породы, кабана, козла и зайца.

Создается впечатление, что мастер, делавший меч, был знаком с изображениями келермесских образцов и постарался по-своему воплотить композицию и некоторые из образов при изготовлении данного меча.

Приведенное сопоставление проливает свет на возможную датировку этого меча временем не позднее начала VI в. до н. э.

Следует отметить, что при переходе от доскифского к скифскому периоду в области Правобережья произошло изменение форм мечей и кинжалов. Население чернолесской культуры пользовалось мечами доскифских «киммерийских» типов с крестовидной рукоятью и грибовидным навершием, ведущим свое происхождение от карасукских прототипов [150]. В настоящее время из чернолесских памятников Тясмина известны: бронзовый кинжал из с. Субботова, длинный меч с железным клинком и бронзовой рукоятью, хранящийся в Киевском историческом музее, кинжал с железным клинком и бронзовой рукоятью из с. Головятино Смелянского района [142, стр. 135—137], и найденный в 1971 г. на Субботовском городище длинный [108 см] меч с железным клинком и бронзовой рукоятью с крестовидным перекрестием, грибовидным навершием и спиральным жгутом, обвивающим рукоять.

А. И. Треножкин считает эти мечи связанными с культурой ранних кочевников — киммерийцев степной полосы, откуда этот вид оружия проник на периферию скифского мира и получил распространение у многих других народов, в том числе чернолесских племен, ранних ананьенцев, племен кобанской культуры Северного Кавказа [146].

Интересный переходный вариант представляет биметаллический кинжал из с. Софиевка Черкасского района [142, стр. 137, рис. 91, 3], у которого навершие бронзовой рукояти имеет вид широкого плоского треугольника, держак овальный в сечении, поперечно ребристый, перекрестие сердцевидное, клинок железный, узкий, сужающийся к острию. Происхождение этого меча от предскифских форм подтверждается находками мечей и кинжалов с рельефно-рубчатыми поясами и спиралью на рукояти. Таковы мечи Субботовского городища. Один из кинжалов в окрестностях Кисловодска [28, стр. 336, рис. 20, 3], кинжал из Тойбы, ананьинской культуры [157, стр. 242, вкладка, рис. 22, 2/3].

Для нас в данном случае важно подчеркнуть, что возникновение скифской формы меча не имеет местных традиций в культуре правобережной части Среднего Поднепровья. Изменение форм мечей и кинжалов не может быть связано также с переходом

Рис. 6. Бронзовый кинжал из с. Томашовки Каменского района.

от бронзы к железу, поскольку в период чернолесья уже были в ходу бронзовые, биметаллические и чисто железные мечи и кинжалы «киммерийского» типа, а в скифское время известны железные (редко бронзовые и биметаллические) мечи и кинжалы скифского типа. В данном

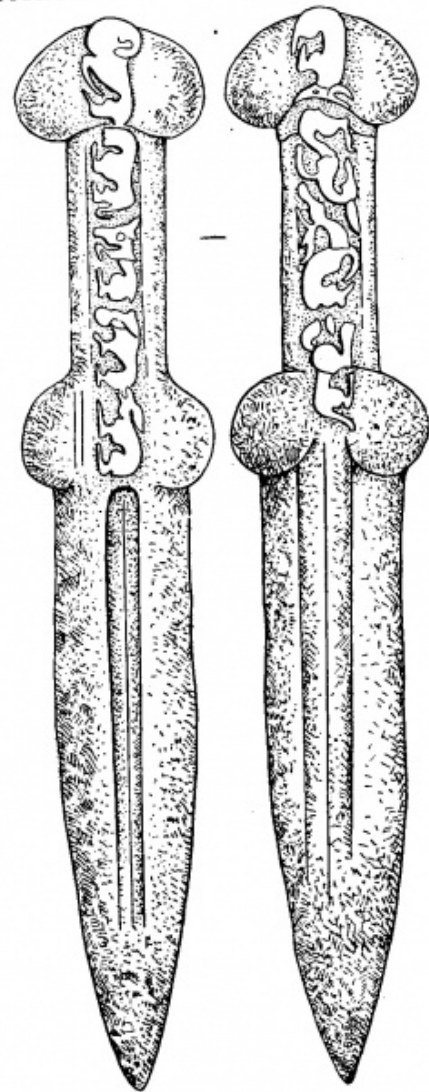

Рис. 7. Бронзовый кинжал из собрания Киевского исторического музея (не сохранился, зарисовка Б. З. Рабиновича).

случае здесь, как и в Степном Причерноморье, произошла полная замена одних типов мечей и кинжалов другими. Скифские мечи и кинжалы возникли не в местной среде, а были заимствованы извне на грани VIII—VII вв. до н. э. в результате изменения общекультурной и общесоциальной обстановки в Северном Причерноморье.

Этот же процесс нарушения развития доскифских форм бронзовых и биметаллических мечей и кинжалов под воздействием влияний скифской культуры, со специфичным для нее мечом-акинаком, отмечает А. Х. Халиков для культуры ранних ананьенцев [157, стр. 281].

Если мы обратимся к последующему периоду V—IV вв. до н. э., то для этой поры В. Г. Петренко зарегистрировано 42 меча и кинжала из области правобережной части Среднего Поднепровья. Из них 26 изданы или сохранились в музейных собраниях, а 16 известны лишь по описаниям. Из 26 мечей только 11 происходят из курганов, а остальные являются случайными находками.

Около половины мечей (до 20) происходят из области бассейна Тясмина [109, стр. 41—44; приложение, стр. 60—90]. Из них 10 известных принадлежит к типам, хорошо известным в памятниках скифской культуры. Таковы меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием из кургана № 1 у с. Макеевка, меч с обложенной костью рукоятью, овальным навершием и ложнотреугольным перекрестием из кургана № 489 этой же группы; близкие к нему кинжалы из Плис-

качевки и кургана № 287 у с. Старасельчека; меч с брусковидным навершием и прямоугольным (со скругленными углами перекрестием) из Галушина; меч с почковидным перекрестием из кургана № 86 в уроч. Секирное; меч с простым антенным навершием и бабочковидным перекрестием из окрестностей Журовки; меч с антенным навершием в виде орлиных голов и бабочковидным перекрестием из кургана № 401 у с. Журовка; меч с когтевидным навершием и ложно треугольным перекрестием, найденным в погребении, на поселении у с. Жаботино, однолезвийный меч из кургана № 487 у с. Турии (Капитановки) [109, табл. 33, 4—6, 11, 18, 19].

Все эти данные свидетельствуют о том, что в V, IV и вплоть до начала III в. до н. э. на очерченной территории господствуют мечи и кинжалы скифского типа, переживающие ту же эволюцию, что и во всем Северном Причерноморье.

Пытаясь обосновать обособленность скифской культуры Степной полосы от Лесостепи, Б. А. Шрамко отмечает, что: «В лесостепных комплексах скифской эпохи мы можем найти все основные типы мечей, которые известны в степной Скифии. Вместе с тем в лесостепи имеются и такие типы мечей, которые не встречаются за пределами этой территории. К ним относятся мечи с сегментовидным перекрестием, мечи, очень своеобразно украшенные чеканным геометрическим орнаментом, некоторые типы мечей с ажурными рукоятями» [176, стр. 95]. Эти мечи, несколько атипичные с точки зрения классических скифских форм, собранные со всей территории Лесостепи, представлены Б. А. Шрамко на рис. 1. Но, во-первых, названные мечи и кинжалы относятся к сравнительно поздней поре V и IV вв. до н. э. и не имеют отношения к исходной культурной обособленности; во-вторых, они не образуют сколько-нибудь устойчивых серий, типичных для памятников той или иной территории Лесостепи (неврских, галонских, будинских), в-третьих, они не выходят за рамки разновидностей и вариантов основных скифских типов, свидетельствуя лишь о попытках мастеров вносить некоторые элементы разнообразия при оформлении всевозможных изделий, что в равной степени свойственно и степной и лесостепной Скифии V—IV вв. до н. э.

Наконечники копий. Они известны в количестве 20 экземпляров из 15 райнетиасминских погребений. Этот вид оружия также почти отсутствует в составе наиболее ранней группы памятников. Можно упомянуть лишь два обломка копий из кургана № 126 на р. Тенетинке, оставшихся неизвестными. К числу древнейших относятся также два наконечника копий из кургана № 344 на р. Ташлык, одно из которых, железное, осталось неизвестным, а второе — бронзовое с дуговидно выпуклыми лопастями и высокой центральной нервюрой, переходящей во втулку (табл. XXV, 4). Как отмечает А. И. Мелюкова, ближайшую аналогию ему составляет железный наконечник из кургана № 454 у с. Макеевка [96, стр. 36] (табл. XVIII, 1).

В кургане № 406 у с. Журовка найдены два прекрасно сохранившихся железных наконечника копий, около 26 см длины, с дуговидно выпуклыми лопастями, высокой трубчатой нервюрой, переходящей во

втулку, нижний конец которой заканчивается поперечными рубчиками. Оба копия хранились в особых футлярах на деревянной основе с железной оковкой на верхнем конце (табл. XIII, 1—4). Копье подобного же типа, только больших размеров (длина 51 см) с рубчиками на конце втулки и железной оковкой от футляра происходит из кургана № 453 у с. Макеевка (табл. XVII, 1).

Подобное защитное приспособление для наконечников копий в скифской культуре встречается довольно редко, аналогии подобным футлярам с оковкой известны по фракийских и иллирийских памятниках раннего железного века, откуда они, очевидно, заимствованы [200, стр. 196, табл. XIX].

Наконечник копья с поперечными рубчиками на конце втулки был найден в кургане у с. Малая Офирна под Фастовом [111, стр. 168]. Остатки железных наконечников копий обнаружены в курганах № 460 и 468 у с. Макеевки, 5 у с. Рыжановки, 246, 378 у с. Константиновка, № 38, 308, 314 у с. Гуляй-Город.

В. Г. Петренко обратила внимание на сравнительно небольшое количество копий, встреченных в погребениях V—IV вв. до н. э. [109, стр. 48]. То же можно сказать и об архаической поре. Количество копий в этих захоронениях не превышает двух. Для сравнения отметим, что в 80 ранних курганах Посулья выявлено не менее 45 наконечников копий. Причем, в отдельных случаях встречается 4, 5 и даже 9 наконечников [52, стр. 91 и сл.]. Большое количество наконечников встречается в архаических курганах Кубани и погребениях скифской знати Степной полосы.

А. И. Мелюкова полагает, что прототипом для скифских наконечников копий послужили бронзовые наконечники эпохи поздней бронзы, известные среди древностей Северного Причерноморья, наиболее близкий образец которых представлен литейной формой для отливки копий из Днепропетровского музея [96, стр. 35—39]. Данное положение остается пока наиболее вероятным. Однако следует иметь в виду следующее обстоятельство: в памятниках культуры ранних кочевников типа новочеркасского клада, непосредственно предскифского времени, наконечники копий встречаются чрезвычайно редко и типы их отчетливо не установлены.

Отдельные виды копий из комплексов этого периода явно заимствованы с запада (копья с дырочками в основании пера из Бутенковского погребения). По наблюдениям А. И. Тереножкина, носители этой культуры менее всего были копеещниками, чем резко отличаются от других народов этого же периода: протомеотских племен и населения кобанской культуры, где бронзовые и аналогичные им железные наконечники копий были широко распространены.

Вполне возможно, что этим обстоятельством объясняется сравнительно небольшое количество наконечников копий в памятниках черноморского времени.

Боевые топоры. Единственный случай находки боевого топора в архаических курганах Тясмина (VI в. до н. э.) зарегистрирован в кургане № 448 у с. Журовка. Он принадлежит к обычному варианту секир-

молотков с дуговидно изогнутой спинкой. В курганах VII и начала VI вв. до н. э. этот вид оружия не представлен.

В бассейне Тясмина известно еще семь топоров различных типов, происходящих, преимущественно, из памятников более позднего периода. Среди них клиновидный топор и секира-молоток из кургана № 9 у с. Прусы (IV в. до н. э.); секира-молоток из кургана № 485 у с. Капитановки и клиновидный топор из кургана № 472 у с. Оситняжка (оба IV в. до н. э.); секира-молоток из кургана у с. Пастырское (время неясно); клевец из кургана в уроч. Дарьевка (IV в. до н. э.) [45, стр. 17 и сл.]. В музее с. Субботова в 1967 г. нами был зарисован еще один рабочий клиновидный топор с круглым проухом.

Ряд топоров известен в памятниках Каневской группы; клиновидный топор из кургана № 411 у с. Пекари (V в. до н. э.); топор из кургана № 2 у с. Щучинка [161, стр. 41], относящийся, судя по рисунку, к типу массивных секир-молотков; три новых топора были найдены во время раскопок городища VI в. до н. э. у с. Трахтемирова. Среди них два массивнообушных клиновидных топора с выемкой в основании, использовавшихся у скифов, судя по находкам на поселениях и составу воинского снаряжения в мужских могилах, в качестве оружия и орудия труда, а также железная секира-клевец с четырехгранным бойком и секущим лезвием. Это древнейший из известных нам топоров подобного рода в Северном Причерноморье [68, стр. 105, рис. 12].

В памятниках Киевской группы известны пять топоров: плоский клиновидный топор из кургана Перепетиха; два клиновидных топора из кургана № 1 в окрестностях Триполья (VI в. до н. э.); рабочий топор, найденный на поселении у с. Подгорцы [45], и узкая железная асимметричная двулезвийная секира из кургана у с. Малая Офирна [111, стр. 168, рис. 4, 110] (VI в. до н. э.). Лезвия последней секиры различной формы, проух сдвинут к тыльной части. В скифских курганах Северного Причерноморья это первая находка оружия подобного рода. Ближайшую известную аналогию представляют тонкие двулезвийные асимметричные секиры, известные на Кавказе. Среди них: секира, найденная в Дерговском ущелье у с. Верхняя Кобань; двулезвийный топор из каменного ящика у Геленджика; топорик из селения Адзлагар в Бзыбской Абхазии и двулезвийная секира из погребения № 27 Самтаврского могильника, относящегося к раннему VI в. до н. э.¹ Такой тип железных двулезвийных секир, вероятнее всего, ведет свое происхождение от колхидской группы кавказских бронзовых топоров с асимметричным секущим лезвием и обухом.

В лесостепной части Днестра к четырем известным ранее топорам различных типов (у с. Дуллиска, Новоселки Гржимайловской, Ленковцы, Бутучени), приведенным в нашей статье, можно отнести еще один экземпляр секиры-молотка с четырехгранным обухом, найденный в 1963 г. Г. И. Смирновой в кургане раннего VI в. до н. э. у с. Круглик на Среднем Днестре [194, стр. 76 и сл.].

¹ Первый из упомянутых топориков хранится в Киевском историческом музее. Остальные три опубликованы [13, стр. 144, рис. 5, 7; табл. XXIV, 1, 2].

Все сказанное необходимо для того, чтобы пополнить новыми данными наше представление о железных проушных топорах, а также затем, чтобы отметить, что в Правобережной Лесостепи, в том числе и на Тясмине, топоры такого рода появляются только в начале VI в. до н. э., с внедрением скифской культуры. Они не известны здесь в VII в. до н. э. и совершенно не встречаются в предскифское время. Следует отметить, что помимо намечаемых нами связей этой группы скифского оружия с Кавказом (секиры-молотки) и ананьинской группой, за последние годы появляются новые данные о бронзовых секирах-молотках предскифского типа в культуре группы новочеркасского клада (VIII в. до н. э.), близких по некоторым элементам предскифским конноголовым скипетрам.

Один из таких топоров с круглым молоткообразным обухом, секущим лезвием, цилиндрической втулкой, петелькой для подвешивания и «глазком» с солярным знаком на четырехлучевой розетке найден в погребении № 50 у хут. Кубанского Н. В. Анфимовым [4, стр. 175, рис. 4, 2]; второй топор найден А. Х. Халиковым среди раннеананьинских материалов. Изображения таких топоров, наряду с кинжалами «киммерийского» типа, имеются на новомордовских стелах [156, стр. 180 и сл.].

С «конноголовыми» бронзовыми скипетрами топоры сближает наличие трубчатой втулки, петли для подвешивания и круг с солярной эмблемой, изображенный на проухе [50, стр. 206 и сл.; 28, рис. 9, 4; 11, 5]. Наличие бронзовых топоров в памятниках VIII—VII вв. до н. э. приходится учитывать при формировании боевой группы оружия и их культовых аналогов в скифское время. Совершенно очевидно, что этот процесс протекал за пределами чернолесской культуры Правобережья, хотя не исключено, что подобные формы могли быть заимствованы местным населением наряду с другими элементами культуры ранних кочевников VII в. до н. э.

Сагайдачный набор. Из предметов сагайдачного набора безусловный интерес представляет резной клык в виде головки хищной птицы из кургана № 319 (табл. IV, 6) у Гуляй-Города. Скорее всего, это наконечник верхнего конца скифского складного лука, аналогичный известным в курганах Левобережья: № 2 у с. Волковцы, 503 у с. Броварки, у с. Великие Будки, № 13 у с. Кириквивки, из курганов Роменской группы [52, стр. 98].

На изображениях скифских луков в горите выступающий верхний конец передко бывает оформлен в виде крючка с птичьей головкой. Таково изображение лука в горите на золотой фигурке скифа из кургана Патиниоти [ИАК, 49, табл. 2]; на горите Терновской стелы [39, стр. 192—193]; на бронзовой бляшке с изображением лука в горите из Татари [40, стр. 89, табл. XIX, 19].

Имеются данные, подтверждающие положение, что костяные «гвоздики» или «грибки» являются предметами, связанными с устройством колчана. Так, в кургане № 532 у с. Журовка восемь подобных «гвоздиков» найдены лежащими вместе с остатками колчана среди наконечников стрел и костяной палочки-застежки. Вместе с наконечниками стрел

обнаружено три костяных «гвоздика» в кургане № 474, расположенного у с. Оситняжка. Девять костяных «грибков» и небольшая костяная палочка-застежка происходят из архаического кургана возле с. Дарьевка (табл. XXXV, 7—15).

Что касается наконечников стрел, то эволюция их в памятниках Правобережья весьма своеобразна. В чернолесскую пору здесь, как известно, господствовали костяные наконечники стрел: втулчатые и черенковые (с простым и вилчатым черенком) [142, стр. 94 и сл.]. В VIII в. сюда проникают колчаные наборы с бронзовыми наконечниками стрел, так называемого новочеркасского типа с трапециевидными лопастями и длинной трубчатой втулкой. Подобного рода наконечники встречаются в погребении конного воина у с. Носачева [67, стр. 174 и сл.].

Вполне очевидно, что появление здесь наконечников стрел, как и всего комплекса, является прямым результатом проникновения в Лесостепь влияния степной раннекочевнической культуры. Характерно, что из пяти сохранившихся здесь наконечников стрел, один оказался трехлопастным, очень редким и уникальным для этого периода. Упоминание о втором трехлопастном наконечнике имеется в описании колчанного набора у хут. Обрывского на Нижнем Дону¹.

Как уже упоминалось, в ранних курганах VII в. до н. э. наконечники стрел встречаются чрезвычайно редко и в единичном количестве экземпляров. Типы их в большинстве случаев неизвестны. Определенный интерес представляет сохранившийся железный трехлопастный наконечник стрелы из кургана № 376 у с. Константиновка (табл. XVI, 8), воспроизводящий, очевидно, тип бронзовых трехлопастных стрел культуры новочеркасского типа.

Имеются основания полагать, что в VII в. до н. э. в области Правобережья получили распространение бронзовые наконечники стрел так называемого жаботинского типа в их раннем варианте с длинноромбическим пером (тип Енджи) и более поздние, свойственные комплексам второй половины VII в., с ромбическим пером и выступающей втулкой. Ранний вариант стрелы с длинноромбическим пером происходит из курганов Тенетинского могильника, подобные наконечники были найдены на Тясминском позднечернолесском городище и на поселении Тарасова Гора у Жаботина.

Колчаный набор с 31 наконечником стрел с ромбическим пером и трубчатой втулкой, происходящий из кургана № 524 у с. Жаботин, как известно, дал название всему данному типу стрел.

В специальной статье, посвященной жаботинским и новочеркасским наконечникам стрел [59; 61], мы отметили сравнительную узость ареала распространения наконечников стрел новочеркасской группы, известных преимущественно в Северном Причерноморье (вплоть до Дуная) и на Северном Кавказе. В то же время, бронзовые наконечники стрел с ромбическим пером (как ранний, так и более поздний типы)

¹ Каталог музея Донского казачьего войска в Новочеркасске, составленного Х. И. Поповым в 1914 г.

распространены на огромной территории, включающей Северный Кавказ, Закавказье, страны Передней Азии; в восточном направлении они известны в Поволжье, в раннесакских памятниках Казахстана от Прикаспийского района и до границ Монголии, в Южной Сибири, на Алтае и в районе Восточного Памира. В пределах Северного Причерноморья эти наконечники явно связаны с раннескифской культурой. Об этом свидетельствует ареал их распространения в Северном Причерноморье, по путям скифских походов в Переднюю Азию через Кавказ, а также и то обстоятельство, что на рубеже VII—VI вв. до н. э. они входят в раннескифские наборы с наконечниками стрел так называемого келермесского типа.

Типологическая разница форм длинновтульчатых наконечников стрел с трапециевидными лопастями новочеркасского типа и длинноромбических раннежаботинских наконечников, а также разница ареалов их распространения не позволяет генетически связать наконечники новочеркасского и раннежаботинского типов. Вероятнее всего, они принадлежали различным группам кочевого населения. Что касается ромбических наконечников стрел жаботинского типа, то они проникли в Причерноморье из глубин евразийских степей.

Таким образом, совершенно очевидно, что наиболее ранние из бронзовых наконечников стрел VIII—VII вв. до н. э. киммерийского и раннескифского типов возникли не в культуре предскифского времени лесостепной полосы, а были заимствованы извне в результате культурного влияния, идущего со стороны кочевнического населения степной полосы.

С началом VI в. до н. э. в курганах раннетясминской группы утверждается господство колчаных наборов так называемого келермесского типа. В кургане № 406 у с. Журовка из 52 бронзовых наконечников 23 оказались позднежаботинского типа, 14 — трехлопастные с овальной головкой, 14 — трехгранные с непрофилированной головкой (табл. VIII, 8—12), изредка встречающиеся в архаических колчаных наборах (Старшая Могила, курган № 38 у Гуляй-Города). В этом же кургане обнаружено до 70 железных крупных двухлопастных наконечников стрел (табл. VIII, 13), подобных известным в Старшей Могиле, курганах № 4 и 8 у хут. Поповка на Суле и некоторых других [52, стр. 95].

В кургане № 12 у с. Оситняжка найдено восемь наконечников стрел (табл. XXI, 18—24), из которых пять — трехгранные непрофилированные с трубчатой втулкой, подобные найденным в кургане № 406 у с. Журовки, а остальные — трехлопастные. В кургане № 474 этой же группы встречено девять бронзовых наконечников, из которых один жаботинского типа, остальные — двухлопастные и трехлопастные обычного типа [96, стр. 17, табл. 6]. Кроме того, упоминаются один костяной и два железных наконечника, подобные найденным в кургане № 406.

Типичный для раннескифских колчанов набор двухлопастных и трехлопастных наконечников с овальной головкой и трехлопастных с обрезанными концами граней найден в кургане № 5 у с. Рыжановка (табл. XXII, 10—15).

Колчаный набор из кургана № 38 у Гуляй-Города, в котором найдено 150 наконечников стрел, наряду с колчаном из Старшей Могилы, дает наиболее полное представление о составе наконечников стрел времени развитой скифской архаики. Здесь преобладают двухлопастные и трехлопастные стрелы с овальной головкой, несколько шиполистных, единичны экземпляры трехгранных с непрофилированной головкой [96, табл. 6, 11] (табл. II, 1—18). Редкий экземпляр представляет очень крупный двухлопастный наконечник стрелы (табл. II, 20), подобный найденному в Ольвии, в яме в сопровождении амфор середины VI в. до н. э. [64, стр. 160]. Следует отметить, что в составе архаических наконечников в памятниках Тясминской группы сравнительно редко встречаются трехлопастные со сводчатой головкой, обрезанными концами лопастей и выступающей втулкой.

Каменная булава. Из числа предметов вооружения следует упомянуть каменную булаву из жаботинского кургана № 524 (табл. VII, 9). Это крайне редкий для Скифии, несомненно реликтовый предмет. Подобные шаровидные каменные навершия с просверленным цилиндрическим отверстием изредка встречаются в памятниках VIII — начала VII вв. до н. э. Подобная булава из отшлифованного серо-зеленого диорита была найдена в кургане № 2 у с. Луговое на Керченском полуострове возле правого бедра погребенного [21, стр. 62]; в протокопском могильнике у с. Николаевское [3, стр. 110—111, рис. 5]; в Мингичауре [12] и некоторых других памятниках этого же времени на Кавказе.

Части защитного доспеха. Количество предметов защитного доспеха в раннетясминских курганах очень невелико. В комплексах VII в. до н. э. они не встречены вовсе. Наиболее ранними являются остатки бронзового панциря из кургана № 524 у с. Жаботина. Всего здесь найдено 300 панцирных чешуек с двумя отверстиями для нашивания и полукруглой нижней стороной. Как отмечает Е. В. Черненко, эти пластинки были вырезаны весьма небрежно, без предварительной разметки (табл. VII, 15). Обломок тонкой бронзовой пластины из этого же погребения позволил Е. В. Черненко предположить наличие здесь португеского пояса с бронзовым покрытием [161, стр. 25, 71].

Более четко панцирные доспехи представлены в курганах старшей журавской группы: № 432 у с. Журовки, 2 у Райгорода и № 38 у Гуляй-Города. В первом из них найдены отдельные бронзовые пластинки, во втором — панцирь, набранный, в основном, из железных чешуек разных размеров, отделанный, очевидно, чешуйками из бронзы, о чем свидетельствует небольшое количество панцирных пластинок из бронзы; и, наконец, в кургане № 38 была найдена панцирная рубаша с рукавами, набранная из железных пластинок.

Подводя итоги сказанному о предметах вооружения из раннескифских курганов Тясмина, можно отметить следующее.

Предметы вооружения предскифских форм, известные по памятникам чернолесской культуры, здесь почти не встречаются. Редкие исключения составляют каменная булава из жаботинского кургана, бронзовое копье из кургана № 344 на р. Ташлык, биметаллический кинжал, найденный у с. Софиевка.

Специфичные формы костяных стрел и стрел новочеркасского типа, бронзовые и биметаллические мечи и кинжалы с полушарным навершием и крестовидным перекрестием, известные в памятниках чернолесской культуры, наконечники копий, подобные найденным в Носачевском и Бутенковском комплексах — не переходят в памятники жаботинского этапа. Начиная с VII в. до н. э. наблюдается картина полного отрыва от предшествующих традиций. Отсутствуют чернолесские формы оружия, которые органически перешли бы в следующую ступень, дав начало определенным типам скифского вооружения.

Предметы скифского вооружения в качестве единичных экземпляров начинают встречаться в VII в. до н. э. (наконечники стрел). Однако по-настоящему выразительный набор предметов скифского вооружения появляется здесь ко времени рубежа VII—VI вв. до н. э. (курган № 524 у с. Жаботин, курган у Дарьевки близ Шпола). Начиная с этого времени идет заметное нарастание количества предметов скифского вооружения в погребениях первой половины — середины VI в. до н. э., получив полное развитие в курганах старшей журавской группы, где представлен весь состав скифской паноплии. Процесс идет по линии восприятия местными племенами всего основного комплекса скифского вооружения, проникающего в начале в качестве единичных вещей, а затем все более широко. Внедрение скифского комплекса сопровождается вытеснением из обихода ранее бытовавших доскифских форм.

Конская узда

Смена доскифских форм скифскими, с элементами своеобразия, наблюдается и в отношении такого важного элемента скифской культуры, как снаряжение верхового коня.

В общей сложности в тясминских курганах удалось учесть находки частей конской узды в 38 погребениях; всего 54 уздечки с удилами и псалиями различных типов. Обычно в захоронениях встречаются части от одной, реже двух, и, как максимум, трех-четырех уздечек.

Как известно, население чернолесской культуры использовало в качестве средства управления верховым конем бронзовые удила и псалии того же типа, что и раннекочевнические племена степной полосы, а также уздечки с мягкими ремешками удилами и костяными псалиями, прямыми с овальными отверстиями посередине и на концах, причем местоположению их редко соответствуют выступающие втулки [142, стр. 98—99, рис. 67; 68].

Бронзовые двукольчатые удила с бронзовыми трехпетельчатыми псалиями найдены в комплексах бутенковского и носачевского погребений, а также в кладе бронзовых вещей на позднечернолесском городище у с. Залевки [66; 67; 153, стр. 233].

Этот же тип бронзовых удили и псалий доскифских типов продолжает встречаться в раннетясминских курганах VII в. до н. э. Такие удила происходят из кургана № 2 у с. Рыжановки [табл. XXIV, 1]; бронзовые двукольчатые удила с подвесками в сопровождении трехпетельчатых псалий обнаружены в кургане № 375 у с. Константиновка

(табл. XVI, 1, 2)¹; бронзовая подвеска к двукольчатым удилам найдена в кургане № 377 у с. Константиновка (табл. XVI, 13); бронзовые двукольчатые удила встречены на поселении Тарасова Гора у Жаботина. Отсюда же происходит обломок костяного псалия с широкой загнутой лопастью, воспроизводящий тип бронзовых, и обломок костяной лунницы. Наиболее поздние случаи находки бронзовых двукольчатых удили зарегистрированы в кургане № 2 у с. Жаботина конца VII в. до н. э. (табл. VI, 1) и в кургане у с. Мошны (табл. XX, 5) этого же времени. Бронзовые удила, наглухо соединенные с псалиями, происходят из кургана № 376 у с. Константиновка (табл. XVI, 6). Ближайшую, и пока единственную, параллель им представляют удила из Енджи в Болгарии [192].

Другим типом удили, появившихся еще в доскифское время, являются бронзовые удила со стремявидными петлями. В памятниках Северного Причерноморья они известны начиная с VIII в. до н. э. В отличие от двукольчатых удили, которые на рубеже VII—VI вв. до н. э. полностью выходят из употребления, удила со стремявидными петлями продолжают бытовать на протяжении всего основного периода скифской арханки, получив особенно широкое распространение в памятниках первой половины — середины VI в. до н. э.

Одними из наиболее ранних случаев находки удили со стремявидными петлями можно считать курганы № 15 у с. Константиновка (табл. XIV, 5), 2 и № 524 у с. Жаботин (табл. VI, 1; VII, 11, 13). В кургане № 524 вместе со стремявидными удилами обнаружены бронзовые псалии позднего предскифского типа с трубчатыми втулками в местах отверстий и солярными знаками на боковых сторонах. Близкими к ним являются уздечные принадлежности из кургана № 183 на р. Тенетинке, где вместе с бронзовыми стремявидными удилами выявлены бронзовые стержневидные псалии с заостренными концами и муфтообразными расширениями в местах отверстий (табл. XXIX, 7, 9). Бронзовые удила со стремявидными петлями встречаются в курганах первой половины VI в. до н. э. № 543 и 460 у с. Макеевка (табл. XVII, 2, 7), 471 у с. Оситняжка (табл. XXI, 17), № 2 у с. Константиновка (табл. XIII, 1).

С начала VI в. до н. э., наряду с бронзовыми, встречаются железные удила со стремявидными петлями и железные удила со свернутыми в петли концами в сопровождении стержневидных железных псалий с тремя петлями (реже отверстиями), а также костяные псалии с зооморфными изображениями.

В кургане № 346 у с. Теклино, раннего VI в. до н. э., вместе с бронзовыми стремявидными удилами найдена пара железных, с простыми железными псалиями, и две пары костяных псалий, всего от четырех уздечек (табл. XXV, 11, 19, 20). Случаи находок железных удили отмечены в курганах у с. Турии (№ 461, 491, 506, 509), Константиновки (№ 8, 246) и старшей журавской группы (№ 407, 432, 447, 448). В кургане № 406 этой группы четверо железных удили оказались со стремя-

¹ Ближайшую аналогию псалиям из кургана № 375 представляет находка из Кобанского могильника [42, стр. 71, рис. 12, 3—4].

видными петлями (табл. VIII, 19, 20). Бронзовые удила со стремявидными петлями в сочетании с парой удили с согнутыми в петли концами отмечены в кургане № 38 у Гуляй-Города (табл. II, 36). В остальных курганах этой группы, близких по времени старшим журовским, оказались обычные железные удила.

Костяные псалы предскифских типов в погребениях VII в. до н. э. не были найдены вовсе. Древнейшая находка костяных псалов скифского типа отмечена в кургане № 2 у с. Жаботина. Один их конец украшен орлиными головками, другой — изображениями конских

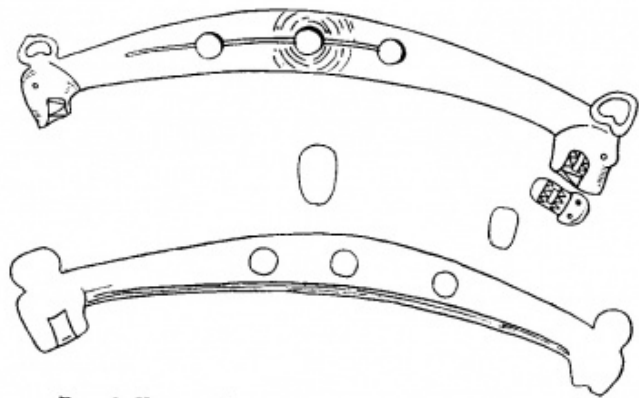

Рис. 8. Костяной псал из кургана у с. Журовка.

копытца. Кроме того, их суженные концы украшены выемчатыми треугольниками (табл. VI, 10, 11). Этот орнамент, как отмечалось неоднократно, весьма характерен для древнейшей скифской поры. Две пары костяных псалов из кургана № 346 у с. Теклина (табл. XXV, 11, 20) представляют собой широкие пластины с закругленными концами, как бы местное подражание скифским образцам. У одной пары на конце неумело намечено изображение конского копытца.

Наибольшее количество костяных псалов, оформленных в традиционных мотивах скифского звериного стиля, встречается в курганах старшей журовской группы. Среди них: четыре псала с головкой грифо-барана из кургана № 407 (табл. X, 4); одна пара с головкой барана из кургана № 432 (табл. XII, 1). Обломки костяных псалов найдены в кургане № 448. Части трех пар костяных псалов, в том числе украшенных конской головкой, обнаружены в кургане № 38 у Гуляй-Города (табл. II, 25, 24, 38—41, 44). У одной из пар у мест отверстий, с нижней стороны, отмеченных выступами, имеется изображение конского копытца (табл. II, 40). Две пары псалов с изображениями головки коня и грифо-барана происходят из кургана № 40 у Гуляй-Города (табл. III, 1—4). Костяные псалы в обломках найдены в курганах № 390 у с. Грушевки, 308 у Гуляй-Города, № 506 у с. Турии.

Большой интерес представляет хранящийся в Государственном Эрмитаже костяной псал из кургана у с. Журовка (рис. 8), оказавший-

ся вне комплекса. Он трехдырчатый, с дуговидно выпуклой спинкой. Оба конца украшены изображениями головок хищников кошачьей породы — мотив чрезвычайно редкий в оформлении костяных псалов. Изображение головок выполнено в традиционной для этого образа манере стилизации, восходящей к келермесской пантере. Овальное ухо с сердцевидным вырезом в основании, пасть в виде полуовала с торчащими в ней клыками. С близкой манерой стилизации мы встречаемся на позднеарханчских изображениях головок хищников кошачьей породы в Лесостепи: на бронзовых бляхах из кургана № 9 у с. Мачуха, на железных псалах кургана 491 у с. Макеевка, бронзовом навершии ножа из кургана № 5 у с. Берестяги, бронзовой подвеске из кургана № 400 у с. Журовка [69, стр. 104, рис. 49, 7—9; 109, стр. 159, табл. 26, 22; Смела, III, табл. XVIII, 4; ИАК, 14, стр. 11, рис. 13]. Эта манера передачи не имеет ничего общего с условно стилизованными головками коней с торчащими вверх ушами и опущенной мордой на костяных псалах Посулья, которые, по мнению Б. А. Шрамко, являются изображениями головок хищников кошачьей породы [176, стр. 101, рис. 4, 14—19]. В общей сложности в Тясминских курганах известно около 22 пар костяных псалов.

Что касается железных стержневидных псалов, то наиболее ранние из них отмечены в кургане № 346 у с. Теклина (две пары), в кургане № 453 у с. Макеевка (одна пара, табл. XVII, 6). В кургане № 8 у с. Константиновка найдены две (или три) пары псалов, из которых одна пара — с боковыми петлями, а вторая — стержневидная с тремя отверстиями (табл. XIII, 10, 11, 12), подобная встреченным в основном погребении кургана № 5 у с. Аксютинцы 1905 г. [52, табл. XXI, 2]. Четыре пары железных стержневидных псалов обнаружены в кургане № 406 у с. Журовка (табл. VIII, 17, 18). Находки их упоминаются в кургане № 2 у с. Райгорода, № 448 у с. Журовка, № 474 у с. Оситняжка. Следует отметить, что количество этой, наиболее обычной для VI в. до н. э. группы псалов, здесь сравнительно не велико.

К числу принадлежностей конской сбруи относятся также костяные и бронзовые пряжки-пронизы, гладкие или украшенные в зверином стиле. Древнейшими из них являются две бронзовые из кургана № 2 у с. Рыжановка, украшенные эмблемой солярного знака (табл. XXII, 2). Параллели подобным пряжкам известны в комплексах VII в. до н. э. времени новочеркасского клада. Например, пряжка-пронизь из кургана у хут. Алексеевского близ Ставрополя [101, стр. 338, рис. 2]. Пара гладких костяных пряжек-пронизей выявлена в кургане № 2 у с. Жаботина (табл. VI, 3, 4). Весьма оригинальной и, по-видимому, ранней, является костяная пряжка-пронизь, украшенная вырезанной сверху головкой грифо-барана из кургана № 211 на р. Тенетинке (табл. XXX, 13). Бронзовая пряжка-пронизь в виде орлиной головки найдена в кургане № 224 у с. Константиновка (табл. XIII, 16).

Основная группа находок предметов подобного рода происходит из старших журовских курганов и у Гуляй-Города. В кургане № 407 у с. Журовка оказались три костяные кубические пряжки-пронизы и 16 бронзовых, в виде головок грифо-барана, трактованных весьма

оригинально и не имеющих прямых параллелей (табл. X, 8—11). В кургане № 447 найдены три кубические костяные пряжки и три подвески из зубцов животных (табл. XII, 15—17). Бронзовые гладкие пряжки-пронизы (табл. II, 21), а также украшенные в зверином стиле (головкой барана, клыком, орлиной головкой) обнаружены в кургане № 38 у Гуляй-Города (табл. II, 29—32). В этом же кургане оказались две костяные пряжки-пронизы, украшенные схематически выполненной головкой коня в фас (табл. II, 35, 36). Этот же мотив повторяется на бронзовой пряжке-пронизе из кургана № 48 и на бронзовой бляшке из кургана № 319 этой же группы (табл. IV, 3, 8). Многочисленные аналогии костяным и бронзовым пряжкам-пронизам подобного типа, а также выясненные назначения в устройстве раннескифской узды даны нами в специальной статье и при рассмотрении уздечного снаряжения из курганов Посульской группы [46, стр. 59, 52, стр. 10]. В одном из курганов у с. Прусы найдена бронзовая крестовидная бляшка с двойной орлиной головкой (ДП, III, табл. XLIII). В довершении описания предметов конской узды следует упомянуть шесть бронзовых бляшек в виде львиных головок из кургана № 48 у Гуляй-Города (табл. IV, 4).

С конца VI — начала V вв. до н. э. в системе устройства конской узды Тясминского Правобережья происходят те же изменения, что и во всей евразийской полосе. Господствующими становятся железные удила с загнутыми в петли концами и, вкладывающиеся в эти петли, псалии с двумя отверстиями. В этот период здесь распространены такие общескифские формы, как бронзовые и железные псалии Г-образной формы, стержневидные, S-образные, в отдельных случаях с зооморфными мотивами. Наряду с ними в составе конской узды появляются наносники, нашечники, бляхи для украшения ремней, обычно оформленные в зверином стиле, бронзовые имитации вырезанных из кости клыков, ворварки, лунницы, подпружные пряжки и прочие предметы, свойственные скифской конской узде V—IV вв. до н. э. [109, стр. 36—41, табл. 25—32, стр. 110 и сл.].

Орудия труда и предметы быта

В отличие от многих других курганов скифского типа, в ранних погребениях Тясминского бассейна орудия труда и предметы бытового обихода встречаются довольно часто. Особенно хорошо в них представлены орудия женского труда: металлические и костяные иглы и проколки, пряслица, каменные терочники, отдельные орудия из кости. Встречаются также железные ножи, точильные бруски. Из предметов бытового обихода известны находки греческой импортной посуды и металлические сосуды античного и местного производства. Особенно велико количество местной посуды для напутственной пищи.

Ножи. Железные ножи с костяной или деревянной рукояткой, обычно сохранившиеся в обломках, упоминаются во многих погребениях¹.

¹ Гуляй-Город — № 33, 308; Жаботин — № 524; Журовка — № 407, 447; Константиновка — № 8, 247; Макеевка — № 453, 460; Оситняжка — № 2, 4, 7, 471; Тенетинка — № 113, 144, 158; Турия — № 461, 491, 506.

Однако из-за плохой сохранности тип их выяснен весьма плохо. По всей вероятности, они относятся к ножам обычного скифского типа с горбатой спинкой.

Обломок крупного ножа с прямой спинкой из кургана № 524 у с. Жаботина (табл. VII, 10) принадлежит к группе длинных так называемых охотничьих ножей [52, стр. 98, 99]. В курганах № 461 и 506 у с. Турин было встречено по два железных ножа. Случаи находок двух ножей в скифских захоронениях весьма обычны. Особенно отчетливо это наблюдается в курганах IV в. до н. э. Один из ножей обычно встречается при остатках мясной пищи, а второй — нередко оказывается вместе с колчаном, как бы хранившимся в особом кармашке горита или футляра колчана.

В кургане № 247 у с. Константиновка вместе с обломком железного ножа был найден четырехгранный точильный брусок (табл. XV, 7) с отверстием для подвешивания.

Орудия женского труда, связанные с различного рода домашними ремеслами, найдены во многих ранних женских могилах. Например, в кургане № 348 на р. Ташлык, где найдены четыре глиняных пряслица, гранитный терочник и пять костяных проколки; в кургане № 344 на р. Ташлык, в насыпи которого оказались два глиняных прясла, несколько костяных шильев, два кремневых вкладыша для серпа: один целый и один в обломках; в кургане № 139 на Тенетинке обнаружена бронзовая игла, при описании которой А. А. Бобринский ссылается на тип иглы с хорошо выделенным ушком (табл. XXVIII, 2). Находки бронзовых игл упоминаются в ранних курганах № 375, 377 у с. Константиновка, 113 на р. Тенетинке, № 465 у с. Турин.

Железное шило со следами деревянной рукоятки вместе с глиняным пряслицем найдено в погребении № 8 у с. Константиновка (табл. XIII, 13, 14) и в кургане № 375 этой же группы. Упоминания находок железных игл встречаются в курганах № 407, 432, 447 у с. Журовка¹.

В комплексах ряда архаических курганов встречены костяные проколки из трубчатых и заточенных плоских костей животных. Они выявлены в курганах № 356 уроч. Секирное (табл. XXIII, 13), 343 и 344 на р. Ташлык (табл. XXIV, 5—7, XXV, 5, 7, 8, 9), № 346 у с. Теклино (табл. XXV, 12, 14, 15). Проколки из последнего кургана были сделаны из грифельных костей коня. Костяное орудие в виде заостренной трубчатой кости найдено в кургане № 113 на р. Тенетинке (табл. XXVI, 9). Обломок от предмета из рога, в виде рукоятки, встречен в кургане № 155 этой же группы.

Чаще всего в женских захоронениях встречаются глиняные пряслица, нередко в нескольких экземплярах (до четырех). В большинстве своем пряслица сделаны из глины и не отличаются от широко известных в скифских могилах и на поселениях. Среди них: округлые с уплощенной верхней и нижней сторонами из кургана № 344 на р. Ташлык (табл. XXV, 10); биконические из курганов № 8 у с. Константиновка

¹ Возможно, в некоторых случаях «иглами» названы обломки железных или бронзовых булавок.

(табл. XIII, 14) и 454, 460 у с. Макеевка (табл. XVII, 8; XVIII, 5); цилиндрические с перехватом (№ 313 на р. Ташлык, табл. XXIV, 8); усеченно-коническое (Тенетинка, № 211, табл. XXX, 14); в виде плоского кружка (табл. XXIV, 9) и массивного шара (табл. XXIV, 10). Отдельные пряслица, как, например, в кургане № 9 у с. Константиновка, сделаны из кости (табл. XIV, 3); усеченно-коническое прясло из кургана № 453 у с. Макеевка из железа (табл. XVII, 4).

Интересно бронзовое «ситечко» или «терочка», выявленное в женском инвентаре в кургане № 407 у с. Журовка (табл. X, 15). Оно представляет собой прямоугольную пластинку $4,5 \times 3,5$ см, с горизонтальными рядами часто пробитых отверстий, с сохранившимися «заусеницами». Аналогии подобному предмету нам неизвестны.

К числу предметов бытового обихода несомненно относится художественно оформленная костяная ложечка из кургана у с. Дарьевки (табл. XXXIV, 2). Костяные ложки были найдены: на селище у ст. Шелковая на Северском Донце [174, стр. 208, рис. 79, 2], а также в одном из раскопанных нами курганов группы Гайманова Могила у с. Балки. Все ложки сравнительно мелкие, размером не больше десертных. Ложечка из кургана Дарьевки отличается художественной отделкой в духе раннего звериного стиля. Близкие по типу вещи известны в памятниках савроматской культуры [132, табл. 22, 19—28], многие из них со звериными изображениями на ручках.

В некоторых ранних женских могилах встречаются такие орудия труда, как растиральные гранитные песты или терочники. Круглый гранитный пест найден в кургане № 343 на р. Ташлык; два гранитных терочника в кургане № 158 на р. Тенетинке (табл. XXIII, 4, 5) и в курганах № 163 и 211 этой же группы.

В кургане № 344 на р. Ташлык отмечен редкий случай находки кремневых вкладышей для серпов, одной из позднейших находок орудий подобного рода, в ближайший период сменившихся железными серпами.

Импортные сосуды (металл, керамика). В составе находок из раннеясырских курганов имеется ряд сосудов, попавших сюда в результате культурных и торговых связей с населением Кавказа и античной Греции. Очевидно, спрос на металлические сосуды был достаточно велик. В кургане № 15 у с. Константиновка найдена бронзовая ситула, склепанная из полос листовой бронзы с высоким воронковидным краем и петельчатыми ручками, относящаяся к группе кавказских бронз VIII—VII вв. до н. э. [71, стр. 20] (табл. XIV, 6). К этой же серии относятся две ситулы с ручками, украшенными звериными головками, найденные на месте разрушенной могилы над берегом р. Жаботинки на Тарасовой горе [90, стр. 53]. М. Е. Макаренко отнес их к древностям гальштатского типа [190, стр. 40, 1], но, как доказал Е. И. Крупнов, они являются изделиями кавказских ремесленных центров [71]. Подобный сосуд был найден в Правобережье у с. Таганча [195, стр. 308, рис. 1]. К этой же группе следует присоединить еще одну, оставшуюся до сих пор неизданной, бронзовую клепанную ситулу из собрания Ф. Ф. Кундеревича, хранящуюся в Киевском историческом музее (рис. 9). Все эти находки свидетельствуют об активных связях в Кавказом в начальный период

распространения здесь скифских элементов культуры, связанных с жаботинским этапом.

Однако с конца VII — начала VI вв. до н. э. более отчетливым становится значение торговых связей с античными центрами. Наиболее ранние предметы античного импорта появляются здесь еще в доколониальный период. Среди них широко известный бронзовый кратер с ручками, украшенными скульптурным изображением фигур Медузы, из кургана у с. Мартоноша, относящийся к первой половине VI в. до н. э. [105, стр. 56, № 1] (табл. XX, 3) и глиняный кувшин родосско-ионийского центра из кургана у с. Болтышка (табл. XX, 4), второй четверти VII в. до н. э. [105, стр. 63, № 212], на горлышке которого изображена со-

Рис. 9. Бронзовый котел из собрания Ф. Ф. Кундеревича.

бака, преследующая горного козла. В курганах жаботинского этапа предметы античного импорта встречаются довольно редко. Упоминание о находке греческой амфоры имеется лишь в кургане № 365 у с. Теклина. К числу предметов античного импорта относится также вырезанный из слоновой кости наконечник в виде головки льва в фас с глазами из янтаря и следами окраски из кургана у с. Дарьевка, относящийся к числу архаических предметов (VII в. до н. э.) античного Средиземноморья [105, стр. 66, № 289].

Количество предметов античного производства заметно возрастает в курганах середины — второй половины VI в. до н. э. Упоминание о находках греческой амфоры имеется для кургана № 1 у с. Жаботин. Ионийский килик (табл. VI, 14) и еще какой-то античный сосуд найдены в кургане № 2 у Райгорода; греческое блюдечко — в кургане № 447 у с. Журовка (табл. XII, 19). В это же время появляются предметы, специально изготовленные в мастерских греческих колоний для сбыта на скифском рынке. К их числу относятся бронзовые зеркала из курганов № 38 у с. Гуляй-Города и 447 у с. Журовка.

Особого расцвета торговая связь Правобережья с античными центрами Причерноморья приобретает с начала V в. до н. э., когда сюда в большом количестве начинает поступать амфорная, чернолесская и металлическая посуда и многие другие изделия [109, табл. 11—16; 15 19, 21].

Лепная керамика

Основную массу находок в архаических погребениях составляет лепная глиняная посуда, ставившаяся в могилу с напутственной пищей. Нередки случаи находок пяти, шести и даже десяти сосудов.

Сосуды, целые и в обломках, отмечены в 113 случаях из числа рассмотренных нами архаических погребений. В общей сложности здесь было найдено более 300 (по нашим подсчетам 305) сосудов. Из них не менее 107 черпаков, 54 миски, 40 круглотелых кубков, 35 горшков, 11 корчаг, отдельные сосуды редких нестандартных форм: пиксиды, роговидный сосуд; отдельные экземпляры кувшинообразных сосудов. Каждый из видов керамики распадается на особые подгруппы по особенностям формы и мотивам ornamentации. Особенно богато украшена черно (или желто) лощеная столовая посуда типа черпаков, кубков, корчаг, мисок, причем орнамент и форма их переживают определенную эволюцию от начала VII и до конца VI вв. до н. э.

Около 60 сосудов, упомянутых при описании погребений, остались неизвестными. По всей вероятности, большинство из них относится к типам крупных сосудов (горшков, мисок, корчаг), которые обычно встречались в обломках и меньше привлекали внимание исследователей нежели оригинальные по форме и богато орнаментированные столовые сосуды.

Черпаки являются одной из наиболее многочисленных разнообразных и оригинальных форм местной лепной посуды. Самую раннюю группу составляют неорнаментированные кружковидные черпаки, имеющие вид глубоких кружечек с петельчатой ручкой, которая поднимается над краем бортика. Она бывает закругленной, приостренной или выделенной небольшой шишечкой. Такие сосуды известны в курганах VII в. до н. э. — № 375 и 376 у с. Константиновка (табл. XVI, 3, 5, 7), II у с. Рыжановка (табл. XXII, 3), 212 на Тенетинке (табл. XXIX, 12), 490—492 у с. Турии (табл. XXXII, 6). Кроме того, в кургане № 114 на Тенетинке был найден сосуд, при описании которого А. А. Бобринский ссылается на тип глубокой кружки с петельчатой ручкой [Смела, II, табл. VI, 9]. Все сосуды этого рода подлощенные с темной или коричневатой с пятнами поверхностью.

Подобные кружковидные черпаки, безусловно, связаны с аналогичными сосудами чернолесской поры, найденными целыми и в обломках на чернолесских городищах и в погребениях. Среди них отметим обломок подобных черпаков на Субботовском городище [142, стр. 66, рис. 40, 1—3; стр. 77, стр. 51, 7, 8, 16; А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская. Отчет о раскопках на Субботовском городище в 1972 г.—Архив ИА АН УССР], у с. Лубенцы, у с. Тясмин (рис. 10, 1—17).

В чернолесском погребении у с. Кайлов выявлен аналогичный черпак с высокой ручкой [142, стр. 74, рис. 49, 3]. Глубокий кружковидный сосуд обнаружен в кургане № 52 у с. Гуляй-Город, относящегося к чернолесской поро (табл. III, 15).

В свою очередь чернолесские черпаки связаны генетической преемственностью с глубокими кружковидными черпаками с высокой петель-

Рис. 10. Кружковидные черпаки с петельчатыми ручками из памятников белогрудовской и чернолесской культур:

1—4, 17 — Андрусовское поселение, 5 — поселение у с. Собковка, 6, 7, 14 — Субботовское городище; 8, 10 — городище у с. Лубенцы; 9 — погребение у с. Кайлов; 11, 13 — Тясминское городище; 12 — курган № 12 у с. Гуляй-Город; 15, 16 — городище Московская гора.

чатой ручкой, встречающимися в памятниках раннечернолесской ступени и белогрудовской культуры. Эти формы хорошо представлены материалами Андрусовского и Собковского поселений [120, стр. 140; 18, стр. 52, рис. 9]. По наблюдениям С. С. Березанской, посуда в виде глубоких черпаков имеет свои прототипы в комаровской керамике [18, стр. 71]. Таким образом, имеются все основания полагать, что этот вид посуды имеет глубокие местные истоки формирования.

За пределами средней части правобережного Поднепровья подобные черпаки встречаются в памятниках конца VIII и VII вв. до н. э. в Лесостепном Поднестровье [173, стр. 32, табл. I, 14; стр. 37, рис. 7, 1, 2; 171, стр. 104, табл. I, 9; 172, стр. 103, табл. I, 14] и в памятниках типа Сахарна-Солончены в Молдавии (поселение у с. Цехнауцы, курган № 2 у с. Алчедар) [126, стр. 121—124; 100, стр. 69]. Существенно отметить,

Рис. 11. Кружковидные черпаки белогрудовско-чернолесского типа и бронзовое украшение из степи:
1—4 — могильник у с. Федоровка; 5—7 — могильник у с. Компанийцы; 8, 9 — погребение № 3 у Игрень Подковы.

что кружковидные черпаки белогрудовского и раннечернолесского типа нередко встречаются в погребениях белозерского этапа степной полосы. В качестве таковых назовем сосуды из могильника у с. Компанийцы [89, стр. 70 и сл.], из Федоровского могильника, на п-ве Игрень [23; 24]. В отдельных случаях они сопровождают захоронения с трупосожжениями [89], в чем можно видеть также проявление влияния лесостепных племен (рис. 11, 1—8).

Широкие неорнаментированные черпаки с высокими ручками. На основании исходных белогрудовско-чернолесских форм в период раннего Жаботина, с начала VII в. до н. э. вырабатываются формы более широких, глубоких и мелких, черпаков с высокими ручками. Форма их хорошо отработана. Они имеют четко выделенную шейку и венчик, выпуклый корпус, плавно переходящий в округлое дно с небольшим углублением в центре. Ручка петельчатая, высокая, с приостренным, иногда с загнутым внутрь роговидным отростком. Поверхность обычно черная, хорошо залощенная. К числу наиболее ранних из этой серии относятся черпаки из курганов № 5, 6, 7 и с. Оситняжка (табл. XXI, 5, 7, 9). Они широкие и сравнительно мелкие. Диаметр по верху в 2,5—3 раза превышает высоту. Близким по формам и пропорциям к ним является черпак из кургана № 15 у с. Константиновка (табл. XIV, 8) и 340 у с. Теклина (табл. XXIV, 2) конца VII в. до н. э.

Более глубокими являются черпаки из погребений раннего VI в. до н. э. в кургане № 454 у с. Макеевка (табл. XVIII, 4, 11) и 471 у с. Оситняжки (табл. XXI, 15). Диаметр их ковши в 2—1,75 более высоты. Среднюю группу составляют черпаки из кургана середины VI в. до н. э. у с. Рыжановка (табл. XXII, 16, 17). Неуточненным остается время черпаков средней глубины из курганов № 492 у с. Макеевка (табл. XVIII, 12), 314 у Гуляй-Города (табл. IV, 10), № 90 у Секирного (табл. XXIII, 8).

Какой-либо четкой закономерности в развитии этой группы неорнаментированных черпаков по форме и пропорциям установить не удается. В качестве некоторой общей тенденции можно отметить некоторое сужение и углубление сосудов, создающее предпосылку к переходу в глубокие грушевидные черпаки с высокими ручками.

Глубокие грушевидные черпаки. В качестве переходной формы от вышеописанных может рассматриваться глубокий с округлым корпусом черпак из кургана № 406 первой половины VI в. до н. э. у с. Журовка (табл. IX, 9). Второй, близкий по форме, черпак обнаружен в погребении неуточненного времени в кургане № 395 у с. Грушевка (табл. I, 1).

Наиболее отчетливо форма грушевидных черпаков представлена в курганах 407 и 447 у с. Журовки, середины — второй половины VI в. до н. э. (табл. X, 19; XII 22). Корпус имеет биконические очертания, расширяясь от края венчика к поясу, нижняя половина округло переходит к дну и короче верхней. Ручка, с роговидным отростком, поднимается над краем сосуда. Еще один подобный черпак найден в кургане № 49 у Гуляй-Города (табл. IV 5). Подобные кубки были найдены в курганах на Лысой Горе у г. Лубны, при одном из которых оказался коринфский арибалл второй половины VI в. до н. э. [52, стр. 55].

Грушевидные черпаки как бы завершают цикл развития черпаков на Правобережье. Как ни странно, в их форме как бы возрождается древняя изначальная форма глубоких кружковидных черпаков, бытовавших в позднечернолесское и раннежаботинское время.

Глубокие черпаки с поясом геометрического орнамента. Одну из интереснейших групп составляют глубокие черпаки с S-овидным профилем, высокой петельчатой ручкой, заканчивающейся роговидным отростком или утолщением в виде пуговки, украшенные в наиболее расширенной части широким орнаментированным поясом, ограниченным горизонтальными линиями. Внутри этого пояса орнамент состоит из различных геометрических композиций: треугольников, четырехугольников, вертикальных или косых лент, зигзагов, заштрихованных рядом параллельных линий или накрест. Орнамент процарапан по лощеному телу сосуда и обычно заполнен белой (изредка красной) пастой. Орнаментальные композиции линейно-геометрические, очень разнообразны и не поддаются четкой унификации. Тем не менее можно определить общую тенденцию в развитии формы и орнаментации этого рода сосудов на протяжении VII—VI вв. до н. э.

К числу наиболее ранних относятся глубокие черпаки, диаметр ковши которых в среднем в 1,5—1,75 раза превышает высоту. Над верхней линией пояса часто встречается ряд штампованного орнамента в

виде S-овидных оттисков, колесиков, кружков, кружка с крестом посередине. Наряду с врезными линиями композиция орнамента нередко составлена в комбинации с отпечатками зубчатого штампа. Архаическим признаком следует считать разделение орнаментального поля на отдельные участки или зоны, внутри которых могут быть различные композиции геометрического орнамента. Петля ручки, между ковшом и отроостком, нередко украшена в духе тех же орнаментальных мотивов, которыми украшен корпус ковша.

К числу наиболее ранних черпаков мы относим два черпака из коллекции Ф. Ф. Кундеревича (рис. 4, 1, 7); черпаки из курганов № 113, 126, 139, 158, 163 на р. Тенетинке (табл. XXVI, 7; XXVII, 5, 7—10; табл. XXVIII, 3, 6—9), которые мы относим к раннему VII в. до н. э.

Рассмотрим несколько основных образцов. Черпак № 1 из коллекции Ф. Ф. Кундеревича (рис. 4, 1), представляет собой глубокий, хорошо лощеный сосуд с широкой ручкой и с отроостком, заканчивающимся плоской шишечкой. Край венчика по внутреннему ободку украшен насечками из зубчатого штампа. На петле ручки орнамент: три обращенные вершинами вверх заштрихованных треугольников, вершины ограничены углубленным кружком. Над поясом орнамента ряд оттисков S-овидного штампа. Орнамент пояса состоит из вертикально расположенных рядов зигзагообразных заштрихованных лент, между которыми оставлены чистые поля. Вершины углов ограничены углубленными точками. Орнамент затерт белой пастой.

Черпак № 2 из коллекции Ф. Ф. Кундеревича (рис. 4, 7) глубокий, но с более открытым разворотом венчика. Над верхним краем пояса ряд S-образных оттисков. Ограничительные линии и орнамент пояса выполнены зубчатыми оттисками: три вертикальные полосы, чередующиеся с чистыми полями. Зубчатые оттиски, ограничивающие фигуру треугольника, украшают ручку черпака.

У черпака из кургана № 113 на Тенетинке (табл. XXVI, 7) над верхним рядом узора полоса из S-образных оттисков. Орнамент из зубчатого штампа образует фигуры обращенных друг к другу основанием прямоугольных треугольников, между которыми оставлены косые и вертикальные полосы. Каждый треугольник разделен медианами на четыре треугольных поля: боковые заполнены косой штриховкой, а средние оставлены свободными. С внутренней стороны ручки нанесен орнамент в виде четырехугольной рамки, в которую вписан треугольник, разделенный на четыре поля, крайние из которых заштрихованы.

У черпака из кургана № 158 на Тенетинке (табл. XXVIII, 6) над верхней линией пояса проходит ряд оттисков из круглого штампа с крестом внутри. Орнаментальный пояс из зубчатого штампа. Заполнение составляет мотив чередующихся вершинами вверх и вниз треугольников из четырех параллельных рядов зубчатых оттисков. Поля внутри треугольников оставлены свободными. Черпак из кургана № 163 (табл. XXVIII, 9) орнаментирован четырьмя горизонтальными рядами зубчатых оттисков. Так же украшена внутренняя сторона ручки. У черпака из кургана № 139 (табл. XXVIII, 3) над верхней линией ряд оттисков в виде колечек. Пояс разделен на отдельные отрезки, украшенные ор-

наментом в виде обращенных гипотенузами треугольников, заштрихованных наискосок. От каждой линии штриха отходит ряд перпендикулярных черточек, в виде «щеточки». На ручке заштрихованный ромб.

Орнамент черпака из кургана № 143 на Тенетинке (табл. XXVII, 15) составлен из ряда S-овидных оттисков и трех полос штампа в виде колечка. У черпака из кургана № 126 на Тенетинке (табл. XXVII, 8) над верхней линией — оттиски кружков. Орнамент внутри пояса — отрезки трех параллельных линий в виде зигзага, образующие систему обращенных вершинами вверх и вниз треугольников. В вершинах углов круглые ямки. У второго черпака из этого же кургана (табл. XXXVII, 9) верхняя и нижняя сторона орнаментального пояса ограничены штампованными кружками, орнамент состоит из композиции обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, часть из которых заштрихована косыми или горизонтальными линиями, а часть оставлена чистыми. У третьего черпака (табл. XXVII, 5) орнаментальный пояс заполнен группами из шести параллельных наклонных черточек. У четвертого (табл. XXVII, 10) — орнаментальный пояс разбит на несколько отдельных зон, заполненных различными комбинациями узоров. Возле ручки — соприкасающиеся вершинами треугольники с вертикальными основаниями, образующие фигуру «бантиков». Один из них заштрихован косыми линиями, другой — в косую клетку. Следующее поле заполнено фигурами обращенных друг к другу гипотенузами прямоугольных треугольников, между которыми оставлена чистая полоса. Треугольники заштрихованы в косую клетку. Следующий участок заполнен отделенной чистыми полями вертикальной полосой, заштрихованной в косую клетку. Затем опять следует чистое поле между обращенных гипотенузами, заштрихованных накрест треугольников. Пятый черпак (табл. XXVII, 7) украшен поясом из чередующихся вершинами вверх и вниз разносторонних треугольников, обращенных друг к другу длинными катетами. Поля треугольников заштрихованы наискосок.

Данный комплекс интересен и важен тем, что он дает представление о многообразии орнаментальных композиций на сосудах одного типа в пределах одного комплекса.

В памятниках следующей хронологической группы, относимой нами к первой половине — середине VII в. до н. э. наблюдается некоторое изменение пропорций сосудов типа черпаков и их орнаментации. Чаши черпаков становятся шире и мельче. Исчезает штампованный орнамент и зубчатый чекан. Сохраняется деление на орнаментальные зоны, густота и разнообразие заполнения орнаментальных полей.

Глубокий черпак из кургана № 376 у с. Константиновка (табл. XVI, 10) имеет орнамент из широкоугольных, обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, заштрихованных густой сеткой. В вершинах углов глубокие лунки. На ручке вписан в четырехугольник «бантик» из заштрихованных треугольников. Другой черпак (табл. XVI, 9) отличается более широкими пропорциями. Диаметр венчика более чем вдвое превосходит высоту. Орнамент пояса: косые полосы с «щеточкой».

В кургане II у с. Рыжановки обнаружены глубокий и мелкий черпаки. У первого (табл. XXII, 4) орнаментальный пояс разбит на зоны,

в передней части крестовидный знак из четырех соединенных вершинами заштрихованных утреугольников. На боковых сторонах два поля с заштрихованными углами и лентами. На ручке крест с заштрихованными в клетку концами и точками в вершинах углов. У второго, мелкого, черпака (табл. XXII, 7) пояс посередине разделен зигзагообразной линией, верхняя и нижняя часть заштрихованы наискосок, в разные стороны. В вершинах углов точки. На ручке косая заштрихованная в клетку полоса.

К ранней серии несомненно относится глубокий (диаметр почти превосходит высоту) черпак из кургана № 114 на р. Тенетинке (табл. XXVI, 12). Спереди на поясе вертикальный налп, от которого отходят боковые орнаментальные поля, украшенные рядом соединенных вершинами четырехугольников, поставленных на угол. В середину вписано чистое поле, окаймляющие стороны заштрихованы в одном случае вертикальными, в другом — горизонтальными черточками. В интервалы между ромбами вписаны заштрихованные треугольники.

У глубокого черпака из кургана № 134 на р. Тенетинке (табл. XXVII, 14) в пояс орнамента включены чередующиеся вершинами вверх и вниз треугольники. Обращенные вершинами вниз заштрихованы в крупную клетку, вершинами вверх — оставлены чистыми.

У черпака из кургана № 214 (табл. XXXI, 4) пояс расчерчен на два ряда ромбических фигур, заштрихованных в шахматном порядке. На ручке «бантик» из заштрихованных треугольников.

Из кургана № 391 у с. Грушевка происходит глубокий черпак, высота составляет 1,75 диаметра венчика (табл. I, 3). Орнаментальный пояс состоит из отдельных полей, разделенных вертикальными полосами, заштрихованных наискосок. Поля заполнены фигурами соединенных вершинами треугольников с вертикальными основаниями (схема «бантика») и горизонтальными основаниями (схема «песочных часов»). Треугольники заштрихованы вертикальными и косыми черточками. На ручке заштрихованный «бантик». На р. Тенетинке у черпака из кургана № 219 (табл. XXXI, 7) диаметр в 2,4 больше высоты. Вписанная в пояс зигзагообразная заштрихованная в клетку полоса образует сверху и снизу треугольные поля, в которые вписаны заштрихованные в клетку треугольники. На ручке заштрихованный в клетку ромб, у внешних углов которого небольшие треугольники и ромбы. Орнаментальный пояс у черпака из кургана № 124 (табл. XXVII, 1) разделен на два поля; каждое разделено диагональной полосой на два обращенные основаниями треугольника, в свою очередь разделенные на четыре треугольных поля, крайние из которых заштрихованы, среднее оставлено чистым. У черпака из кургана № 155 (табл. V, 10) диаметр вдвое превышает высоту. Орнамент пояса состоит из наклоненных в разные стороны групп прочерченных линий, образующих систему чередующихся треугольников.

Дальнейшее изменение формы и системы орнаментации наблюдается с конца VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. Начиная с этого времени все большее значение приобретает *мелкие черпаки с радиальным орнаментом*. В кургане № 524 у Жаботина найдено два мелких черпака (диаметр венчика в три раза превосходит высоту). У одного из них

(табл. VII, 12) узкий орнаментальный пояс, заполненный вертикальными черточками. Второй черпак (табл. VII, 17) орнаментирован радиально расходящимися от дна группами строенных линий, образующих систему вписанных друг в друга треугольников. В вершинах углов углубленные точки. Черпак из кургана № 455 у с. Макеевка (табл. XIX, 3) принадлежит к типу глубоких, с поясом геометрического орнамента из вертикальных и горизонтальных, заштрихованных в косую клетку, отрезков. На ручке — соприкасающиеся вершинами треугольников с горизонтальными основаниями (схема песочных часов), заштрихованные накрест. В вершинах углов — точки. Второй черпак из этого же кургана — средней величины (диаметр в 2,5 раза превышает высоту, табл. XIX, 4), разделен на восемь радиальных секторов, семь из которых заполнены разнообразными комбинациями из заштрихованных и линейных треугольников, ромбов, зигзагов. Восьмое поле, примыкающее к ручке, оставлено свободным. На ручке — заштрихованный знак мальтийского креста.

Интересен черпак из кургана № 119 на р. Тенетинке, средней глубины (диаметр в 2,2 раза больше глубины). В основании шейки помещен узкий горизонтальный пояс, заштрихованный вертикально, а от него книзу заполнены радиально ленты из счетверенных линий со «шточкой» (табл. XXVII, 4). На ручке заштрихованный в косую клетку треугольник.

Черпак из кургана № 13 у с. Прусы (табл. VI, 15) украшен расходящимися радиально от дна, заштрихованными накрест, лентами, образующими фигуры треугольников, в которые вписаны треугольники меньших размеров. Радиальный орнамент ограничен врезной горизонтальной линией в основании шейки.

В курганах старшей журавской группы первой половины VI в. до н. э. преобладают мелкие черпаки с легким линейным, радиально расходящимся узором. Таковы мелкий черпак из кургана № 460 у с. Макеевка (табл. XVII, 11), диаметр почти втрое больше высоты, украшенный группами из трех линий, расходящихся от дна; черпак из кургана № 411 у с. Журовка (табл. XI, 4), орнаментированный в такой же манере, только пространство внутри секторов заполнено заштрихованными ромбами.

Общая тенденция развития формы и орнаментации на протяжении VII — первой половины VI вв. до н. э. такова: от глубоких черпаков с элементами древнейшего орнамента (штампы, зубчатые отпечатки), с густо и разнообразно заполненными поясами, к более широким черпакам, с густо заполненным орнаментальным полем и от них к черпакам мелким с радиальной орнаментацией, позднейшие из которых отличаются легкостью и простотой рисунка.

Вопрос о происхождении орнаментированных черпаков с высокими ручками пока еще недостаточно ясен. В памятниках белогрудовской и чернолесской культур их сравнительно мало. К ним принадлежат черпак с высокой петельчатой ручкой (без отростка) из Андрусовки, украшенный на чернолесский манер горизонтальными полосами зубчатого орнамента с опускающимися от него треугольниками; обломок глубокого

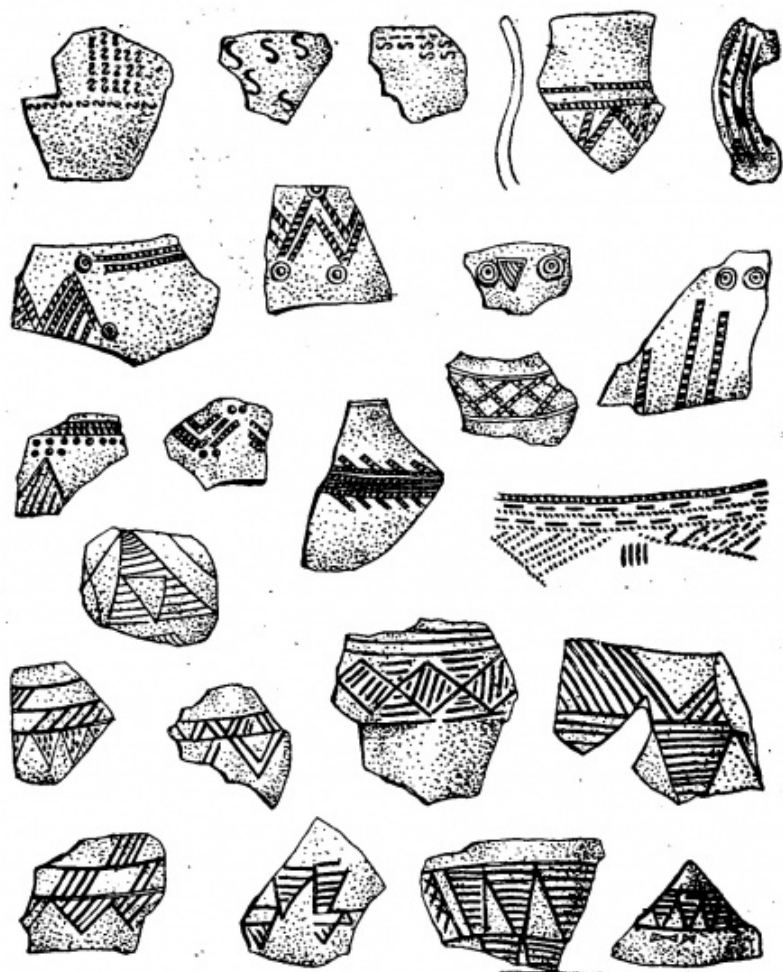

Рис. 12. Образцы орнамента чернолощенной керамики из верхних слоев чернолесских городищ на Тясмине.

черпака (ручка отбита) с Московской Горы, украшенной по шейке несколькими рядами зубчатого орнамента; обломок второго черпака с Московской Горы с петельчатой ручкой (без отростка), украшенного горизонтальным поясом из чередующихся обращенных вершинами вверх и вниз заштрихованных полукружий; обломок ручки с Тясминского городища с приостренным отростком, украшенный с наружной стороны геометрическим орнаментом (рис. 10, 13). Обломки орнаментированных

черпаков, близких жаботинским, найдены на Адамовском и Колонтаевском городищах чернолесской культуры.

В то же время, следует отметить, что в позднем чернолесье известно немалое количество лощеной посуды (чаще в обломках), украшенной разного рода зубчатым и штампованным узором, часто заполненным белой пастой. Орнамент их воспроизводит те же композиции, что и на черпаках. Среди них круглые и S-овидные штампы; круглые ямки в вершинах углов; чередующиеся заштрихованные треугольники, прочерченные или зубчатые; перемеживающиеся в шахматном порядке заштрихованные поля, пояса, заполненные орнаментом из соединенных углами квадратов или ромбов; сложные асимметричные геометрические композиции и проч. (рис. 12). Все это свидетельствует о сложении основных приемов орнаментации столовой лощеной посуды жаботинского типа еще в позднечернолесское время. Причем существует весьма обоснованное мнение, что некоторые мотивы этого орнамента, в частности отпечатки штампа, появились здесь в результате влияния, идущего со стороны культур Подунавья (Бабадаг, Басараби), отличающихся орнаментальной насыщенностью. В этом случае появление глубоких богато орнаментированных черпаков следует рассматривать как взаимодействие традиционной формы глубоких кружковидных черпаков доскифского времени с новыми веяниями и влияниями, проникшими из стран Подунавья в результате культурных контактов еще в позднечернолесское время (VIII в. до н. э.). Наиболее близкую аналогию чернолощенной керамике позднечернолесского и раннежаботинского типов дают находки в восточной части Лесостепной Молдавии, в памятниках типа Сахарна—Солончены, Цехнауцы. Находки на этих поселениях дали целую серию фрагментов керамики, совершенно аналогичных чернолесским. В их числе обломки сосудов, орнаментированных оттисками зубчатого штампа в комбинации с оттисками S-овидного штампа, колечек, концентрических кружков, кружков с крестовидными знаками; геометрические композиции в виде заштрихованных треугольников, ромбов, зигзагов из отрезков зубчатых отпечатков или врезных линий — те же композиции орнамента, из которых наиболее характерные треугольники, опускающиеся от орнаментального ряда или пояса.

На поселениях и в курганах сахарно-солонченского типа хорошо представлены глубокие черпаки с высокими ручками, кончающимися отростками с шишечкой. В орнаментации некоторых из них сохраняются черты, присущие лощеной керамике чернолесской поры — орнаментальный фриз, идущий по шейке и опускающийся на верхнюю часть корпуса. Однако наиболее типичен орнаментальный пояс на корпусе. Нередко над верхней линией идет ряд из круглых или S-овидных штампиков. Орнамент в виде ромбов, разделенных на поля и заштрихованных, заштрихованные зигзагообразные ленты, образующие системы чередующихся треугольников. Нередко орнаментальный пояс бывает посредине разделен линией, а косая штриховка, отходящая от нее, образует горизонтальный узор «в слочку». Встречается орнамент в виде вертикально расположенных зигзагов. На ручках нанесены заштрихованные тре-

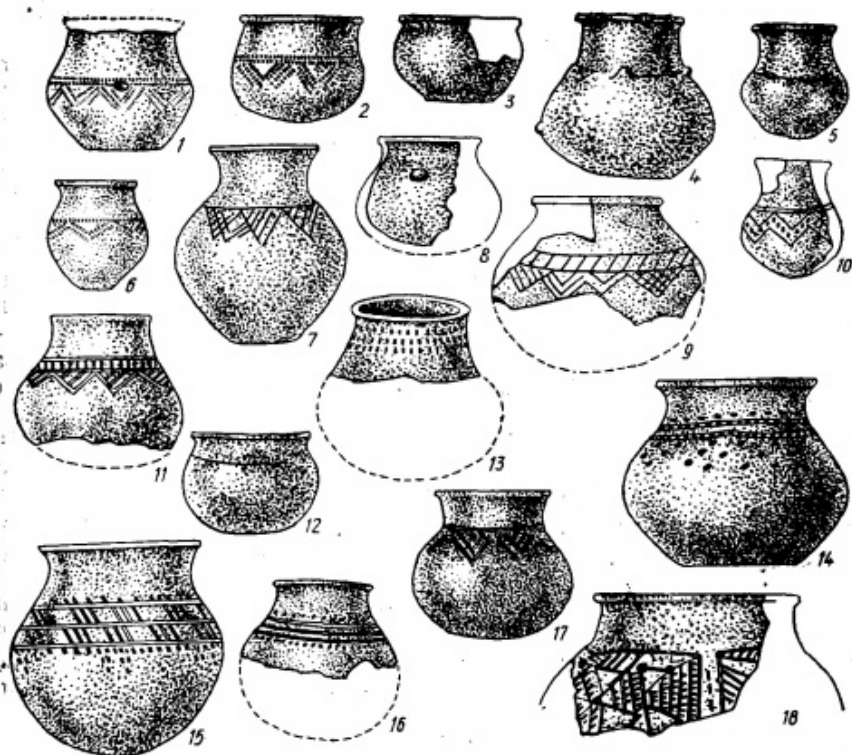

Рис. 13. Кубкообразные сосуды белогрудовской и чернолесских культур:

1, 2 — Собковка; 3, 4 — Андрусовка; 5—8 — Московская Гора; 13 — Константиновка; к. 2; 14, 16, 17 — р. Тенетинка, к. 185; 15 — из раскопок А. А. Бобринского (КИМ); 18 — Субботинское городище.

угольники, косые кресты, встречающиеся вершинами треугольники, ряды зубчатых оттисков и проч. [92; 93; 100; 126].

Следует отметить, что в отличие от кружковидных черпаков предшествующего периода, лощенные орнаментированные черпаки с высокими ручками позднечернолесского и раннежаботинского типов в степной мир не проникли.

Кубки. Не менее своеобразную группу составляют сосуды в форме кубков с округло выпуклым корпусом, переходящим в мягко округленное дно с небольшим углублением в центре (рис. 13, 1—18). Шейка хорошо выделенная, цилиндрическая; у края венчика утолщение или отогнутый ободок. Ширина корпуса обычно несколько превышает высоту или приближается к ней. Кубки, как и черпаки, изготовлены из хорошо отмученной глины с мелкой примесью, тщательно сформованы, хорошо заглажены и залощены. Цвет поверхности чаще всего черный, реже — серовато-желтый.

Орнаментированные кубки. Большинство кубков украшены широким поясом геометрического узора по средней, наиболее выпуклой части корпуса. Орнаментальный пояс ограничен врезными линиями. Композиции орнамента такие же, как и у глубоких черпаков.

Отличительными признаками наиболее ранних кубков являются: использование наряду с резьбой зубчатых оттисков; оттисков штампа (круглого, кольчатого, S-овидного) над верхней ограничительной полосой; разделение орнаментального поля на отдельные зоны; в некоторых случаях наличие небольших наклепных шишечек (обычно не более четырех) на плече сосуда; разнообразие и асимметричность вариантов геометрических композиций.

У кубка № 1 из коллекции Ф. Ф. Кундеревича (рис. 4, 2) над верхней линией нанесен ряд вертикальных S-овидных оттисков. Пояс разбит на зоны, в промежутках между которыми наклепаны на плече шишечки. Основу орнамента составляют треугольники, разделенные на четыре поля в сетчатой заштриховкой и треугольники, заштрихованные косыми полосами со «щеточкой». В углах полей круглые ямки.

У желтолощеного кубка из жаботинского кургана (табл. VI, 16) пояс разделен на зоны с шишечками на плече, над верхним рядом зубчатых оттисков. Одна из зон орнаментирована зигзагообразной лентой, образующей чередующиеся вершинами вверх и вниз треугольники. Другое поле украшено узором расположенных тремя рядами, заштрихованных в шахматном порядке, ромбов.

У трех других кубков из собрания Ф. Ф. Кундеревича (рис. 4, 3, 4, 6) широкий пояс узора густо заполнен орнаментом из различного рода треугольников, заштрихованных параллельными линиями, сеткой, зигзагами, щеточкой. В орнаментальные композиции входит также мотив прямых и косых крестов. У кубка из кургана № 111 на р. Тенетинке (табл. XXVI, 6) основу орнаментальной композиции составляют обращенные в разные стороны равнобедренные треугольники из заштрихованных различным образом лент, в них вписаны треугольники меньших размеров, опирающиеся на то же основание. Кроме того, в составе элементов орнамента имеются: прямоугольный треугольник, поставленный на меньший катет и разделенный внутри на четыре поля, крайние из которых заштрихованы, в вершинах углов ограничительные точки; обращенный вершиной вниз равнобедренный треугольник, заполненный рядами пунктирных черточек; прямоугольник, разделенный на четыре ряда заштрихованных в шахматном порядке полей с точками в вершинах углов. К этой же орнаментальной группе относятся кубки из курганов № 126, 220 на р. Тенетинке, из кургана у Ромейковки (табл. XXVII, 6; XXXI, 11; XXXIV, 24). Кубок из кургана № 375 у с. Константиновка (табл. XVI, 4) украшен орнаментом из обращенных вершинами в разные стороны треугольников. Среди них равнобедренные треугольники, разделенные на четыре поля с заштрихованными крайними полями и прямоугольный треугольник, поставленный на катет, заштрихованный рядом пунктирных черточек. Близок к нему кубок из кургана № 126 на р. Тенетинке, у которого над верхней линией полоса из овальных оттисков. Орнаментальные поля заполнены чередующимися треугольниками, заштрихованными

сеткой или зигзагами (табл. XXVII, 6). Подобная система орнаментации имеется на кубке из окрестностей Корсунь-Шевченковского (табл. XXXIV, 25).

У большого кубка из Райгорода (табл. VI, 17) орнамент состоит из обращенных в разные стороны треугольников, заштрихованных косой клеткой и разделенных на четыре поля с заштрихованными сеткой крайними полями. Над верхним рядом размещены четыре группы пирамидок, составленных из кружочков. Близок к нему орнамент кубка из кургана № 9 у с. Константиновка (табл. XIV, 4), у которого также имеются пирамидки из трех ямок над верхней линией орнаментального поля. Под краем венчика ряд выпуклин с наколами изнутри и овальные углубления по верхней стороне венчика. Сходную орнаментальную композицию имеет кубок из кургана № 344 на р. Ташлык (табл. XXV, 3), у которого расположенные вершинами вниз треугольники разделены на четыре поля, а обращенные вершинами вверх — составлены из двух вписанных друг в друга треугольников с общим основанием. Все эти кубки относятся нами к VII в. до н. э.

В кургане № 524 у с. Жаботин орнамент кубка составлен из заштрихованных лент, образующих чередующиеся вершинами в разные стороны треугольники. Штриховка состоит из косых параллельных линий и линий со «щеточкой» (табл. VII, 18). В такой же манере орнаментирован кубок из кургана конца VII — начала VI в. до н. э. № 346 у с. Теклина (табл. XXV, 2). Сочетание линейного и густозаштрихованного орнамента в исполнении мотива чередующихся треугольников встречается на кубке из кургана № 213 на р. Тенетинка (табл. XXXI, 1). Именно сочетание густозаштрихованных зигзагообразных лент с элементами линейного орнамента надо считать наиболее характерными для кубков конца VII — раннего VI в. до н. э.

Кубок из кургана № 183 на р. Тенетинке, относимого нами к рубежу VII—VI вв. до н. э., украшен по поясу чередующимися треугольниками, составленными из зигзагоподобной ленты и нескольких параллельных линий с внутренней стороны ограничительных линий, в основании треугольников ряд мелких черточек. На верхней стороне венчика мелкие овальные ямки (табл. XXIX, 8). Близок к нему орнамент из кургана № 343 на р. Ташлык (табл. XXIV, 4) и кургана № 509 у с. Турии (табл. XXXII, 1). У всех них орнамент составлен из различных комбинаций чередующихся треугольников и из групп параллельных линий, без внутренней заштриховки. Следует отметить некоторую тенденцию к расширению орнаментального поля, с особой отчетливостью эти черты обнаруживаются в орнаментации кубков первой половины VI в. до н. э.

Широкий орнаментальный пояс кубка из кургана № 211 на р. Тенетинка (табл. XXX, 17) начала VI в. до н. э. украшен по поясу чередующимися треугольниками со вписанными в них треугольниками меньших размеров с общим основанием, составленными из параллельных прочерченных линий. В вершинах внутренних треугольников пирамидки из трех овальных отпечатков. Орнамент кубка из кургана № 15 у с. Константиновка (табл. XIV, 7) состоит из чередующихся треугольников и ромбов, образующихся из параллельных прочерченных линий.

Весьма интересны кубки из кургана № 455 у с. Макеевка VII—VI вв. до н. э. У одного из них орнамент покрывает весь корпус от шейки до дна. Узор состоит из опускающихся ко дну лент, заштрихованных сеткой «в елочку», линиями «со щеточкой». В эту же композицию входит треугольник, составленный из групп параллельных линий, в который вписаны ромбы из прочерченных линий. По существу этот орнамент повторяет систему радикальной орнаментации, встречающуюся на черпаках. Однако на кубках он не получил широкого распространения. Второй кубок (табл. XIX, 1) украшен нешироким поясом с группами прочерченных косых линий, образующих в месте встречи треугольники разных наклонов.

Легкий линейный орнамент, в основе которого лежит тот же мотив чередующихся треугольников, встречен на кубках из кургана № 219 на р. Тенетинка (табл. XXXI, 6), 453 у с. Макеевка (табл. XVII, 3) и 334 у Гуляй-Города (табл. III, 18). В тех случаях, когда комплексы имеют основания для датировки, они относятся к первой половине VI в. до н. э. Таким образом, для кубков позднего периода первой половины VI в. до н. э. характерно расширение орнаментального поля; замена густо заштрихованных полей более легким линейным рисунком с преобладанием мотива чередующихся треугольников, составленных из групп параллельных линий и вписанных в них треугольников с общим основанием.

Неорнаментированные кубки составляют довольно малочисленную и невыразительную группу. Они появляются в начале VII в. до н. э. и бытуют до середины VI в. до н. э. Формы их несколько отличаются от орнаментированных кубков. Некоторые из них имеют слабо выраженную укороченную шейку, слабоогнутый венчик. К их числу относятся неорнаментированные кубки из курганов № 108, 114, 173, 211 на р. Тенетинка (табл. XXVI, 3; XXXI, 5; XXIX, 1; XXX, 10). Несколько более суженные шейки и, соответственно, более выпуклый корпус имеют гладкие кубки из курганов № 454 у с. Макеевка (табл. XVIII, 2) и 491 у с. Турии (табл. XXXIII, 5). У кубков из курганов № 490 у с. Турии суженная шейка, ярко выраженный отгиб венчика, низко опущенный корпус (табл. XXXIII, 1, 2).

Кубок из кургана № 113 на Тенетинке (табл. XXVI, 8) имеет вид небольшого горшочка с уплощенным дном. Каких-либо закономерностей в развитии этой формы сосудов, по материалам Тясминских курганов, проследить не удается.

Вопрос о происхождении кубков достаточно ясен. В основе этой формы несомненно лежит местный тип круглотелых кубков предскифской — чернолесской и белогрудовской поры. Анализируя белогрудовскую керамику, С. С. Березанская отмечает, что белогрудовские кубки восходят к соответствующим формам комаровской культуры [18, стр. 60 и сл.; 72 и сл.].

Уже в раннем чернолесье (X—IX вв. до н. э.) на Андрусовском поселении и в нижнем ярусе Субботовского городища хорошо представлена развитая форма цилиндрошейных круглотелых кубков, украшенных пластическими налечами в виде шишек на плечиках. Типичен также орнамент, состоящий из горизонтальных рядов прочерченных или зубча-

тых линий в основании шейки, от которых на плечо опускаются фестоны из зачерченных треугольников, зигзагоподобной ленты, выполненными резьбой или зубчатым штампом. Интервалы бывают заполнены оттисками штампа, пунктирными черточками [142, стр. 59, рис. 32, 5, 6; рис. 3, 2, 5, 6 и рис. 33, 4; стр. 60, рис. 34, 1—3; стр. 66, рис. 40, 4, 5; стр. 70, рис. 7; 120, стр. 140, рис. 8, 12, 14, 16]. Подобные кубки встречаются в чернолесских погребениях в курганах № 2 у с. Константиновка и 185 на р. Тенетинка (табл. XIII, 7; XXX, 1, 2, 3).

Особенно богатым становится орнамент в конце чернолесского периода, когда орнаментальный пояс занимает больше места, приобретает заштриховку, появляются элементы в виде штампов, а опускающиеся фестонами треугольники приобретают разнообразную штриховку: косыми полосами, «щеточкой», черточками. Интересен обломок кубка из Субботовского городища¹, орнаментированный в раннежаботинском духе — рядами обращенных вершинами вбок треугольников, заштрихованных косыми полосами со «щеточкой», в вершинах углов круглые ямки. Орнаментальный пояс разделен на отдельные поля. Обломки кубков с жаботинской орнаментацией обнаружены в материалах Адамовского и Колонтаевского городищ чернолесской культуры (рис. 13).

В отличие от жаботинских, у чернолесских кубков орнамент располагается выше, в основании шейки и на плече, и не образует ограниченного нижней линией пояса. Орнаментация менее густая и не создает столь сложных геометрических композиций. Белая паста для заполнения узора в чернолесской культуре употребляется не всегда. В чернолесское время чаще встречаются шишечки, сравнительно редкие в жаботинское время. Характерны для чернолесской культуры широкие открытые невысокие кубки, диаметр которых превосходит высоту.

Начиная с белогрудовского и раннечернолесского времени кубкообразные формы Правобережья проникают из Лесостепи в Степь и закрепляются там в памятниках белозерского этапа. Обломки чернолесского кубков с характерным орнаментом в виде опускающихся от ограничительной полосы в основании шейки треугольников (заштрихованных, прочерченных или зубчатых) встречаются на ряде белозерских поселений (Любимовка, Нижний Рогачик, Белозерка, Змеевка, Бабин IV, Балка Яцева и др. (рис. 14, 3, 12, 16—18). Количество обломков такого рода керамики в культурном слое поселений сравнительно невелико — единичные фрагменты. Значительно чаще кубки подобного рода встречаются в погребениях белозерского этапа, составляя там определенную ритуальную форму. В качестве примера укажем на сосуды из курганов у с. Первомаевка, кубок с шишечками из погребения у с. Лукьяновка, чрезвычайно характерные кубки из погребения у Днепрорудного, в балке Татарке у с. Любимовка, могильнике у с. Широкого, погребении № 1 на п-ве Игрен, могильнике у сел Федоровка, Компанийцы и пр. (рис. 14, 1, 2, 4, 6—12, 13, 15). Несколько позднее, в VII в. до н. э., в этих же районах степной полосы, включающей область Нижнего Поднепровья и к западу от него, в качестве таких же ритуаль-

Рис. 14. Кубки белогрудовского и чернолесского типов из степной полосы:

1, 2 — курганы у с. Первомаевка; 3 — поселение Бабин IV; 4 — курган у с. Лукьяновка под Херсоном; 5 — курган № 3 у с. Суля на Тираспольщине; 6, 10 — погребение в уроч. Балка Татарка у с. Любимовка Запорожской области; 7, 9, 15 — из Широкого могильника на Херсонщине; 8 — к. 7, п. 1 у г. Днепрорудного; 11 — погребение у с. Волошко; 12, 17 — поселение у с. Нижний Рогачик; 13, 14 — погребение № 1 могильника у с. Компанийцы; 16 — поселение у с. Любимовки Запорожской обл.; 18 — поселение в Балке Яцевой у хут. Первомайского.

¹ Раскопки 1971 г. Архив ИА АН УССР.

Рис. 15. Кубки жаботинского типа из степной полосы:

1 — курган у с. Пивденное, п. 1, под Одессой; 2 — к. 1, п. 9 у с. Огородное под Одессой; 3 — из материалов А. А. Спицина под Одессой; 4 — к. 11, п. 2 у с. Вильна Грушевка под Запорожьем; 5 — к. 8, п. 12 у с. Кут на Днепропетровщине; 6 — к. 40, п. 2 у с. Софиевка на Херсонщине; 7 — к. 2, п. 5 у с. Маяки под Одессой; 8 — к. 40, п. 2 у с. Софиевка на Херсонщине; 9 — курган у с. Терновка под Николаевым; 10 — курган у с. Парканы на Тираспольщине.

ных форм встречаются кубки раннежаботинского типа (рис. 15, 1—9). О значении этого явления будет сказано ниже.

В памятниках типа Сахарны и Солончен в Лесостепной Молдавии встречаются сосуды типа кубков, близких кубкам позднечернолесского и раннежаботинского типов [92, стр. 63, рис. 12; 91, стр. 61; 93, стр. 86, рис. 29, 11]. Некоторые из них имеют зубчатый орнамент по плечикам. Весьма характерным признаком являются отиски штампа или зубча-

того чекана над верхней ограничительной полосой. Среди мотивов орнамента обычны чередующиеся треугольники, составленные из заштрихованных лент. В могильнике уроч. Гульбока у с. Сахарна найден кубок от шейки до дна покрытый орнаментом из пересекающихся линий, образующих фигуры ромбов, заштрихованных в шахматном порядке. Форма сосуда и композиция близки сосуду из кургана № 455 у с. Макеевка.

Корчаги. Этот тип сосудов преимущественно хозяйственного, а не столового назначения (для хранения запасов воды, продуктов и проч.) встречается в погребениях сравнительно редко. Значительно чаще обломки сосудов подобного типа встречаются в культурном слое поселений, в частности на Тарасовой Горе близ Жаботина.

Варианты сосудов типа корчаг весьма разнообразны по форме, пропорциям, мотивам орнамента, размерам. Среди них могут быть выделены большие корчаги с раздутым корпусом удлиненных пропорций, кувшинообразные сосуды, корчаги типа вилановы, корчажки небольшого размера, представляющие нечто среднее между кубком и корчагой. Практически под названием «корчаги» мы объединяем сосуды нескольких типологических вариантов и, возможно, даже отдельных типов, ждущих дальнейшей разработки по мере накопления материала.

Наилучшее представление о корчаге с раздутым корпусом дает сосуд из коллекции Ф. Ф. Кундеревича (рис. 4, 11; 16, 3): шейка цилиндрическая, венчик широкий, резко отогнутый. В основании шейки четыре налепа в виде плоских выступов, верхняя половина корпуса, от шейки до пояса, украшена орнаментом, разделенным на отдельные поля чистыми промежутками в местах налепных выступов. Орнамент состоит из обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, густо и разнообразно заштрихованных в манере VII в. до н. э. Ближайшей аналогией является корчага, найденная в древнейшем слое (начало VII в. до н. э.) Жаботинского поселения [30, стр. 42; рис. 4; рис. 5, стр. 44] (рис. 16, 2, 5) с четырьмя налепами и валиком в основании шейки, орнаментальным поясом в верхней половине корпуса, разделенным на четыре сектора, каждый из которых имеет свою орнаментальную схему: чередующиеся треугольники из заштрихованных лент, вертикально опущенные зигзаги, заштрихованные в шахматном порядке четырехугольники.

Вторая корчага из этого же раскопа такой же формы, но меньших размеров [30, стр. 42, рис. 3], украшена по плечикам поясом, густо заполненным различными комбинациями геометрических мотивов: по-разному заштрихованные чередующиеся треугольники, треугольники, обращенные вершинами друг к другу из заштрихованных полей и лент, чистое пространство между которыми создает фигуру креста, пояс окаймлен рядами зубчатых оттисков и S-образных штампов, которые над верхней полосой образуют фигурки пирамидок (рис. 16, 1).

Образцом корчаги удлиненных пропорций может служить один из сосудов коллекции Ф. Ф. Кундеревича (рис. 4, 10; 16, 4). Под краем мягко отогнутого венчика — наковы с жемчужинами сверху. На плечиках четыре подковообразных налепа, намечающие места деления орнаментального поля на сектора. Одно поле заполнено рядами заштрихованных в шахматном порядке квадратов, второе — двумя рядами заштри-

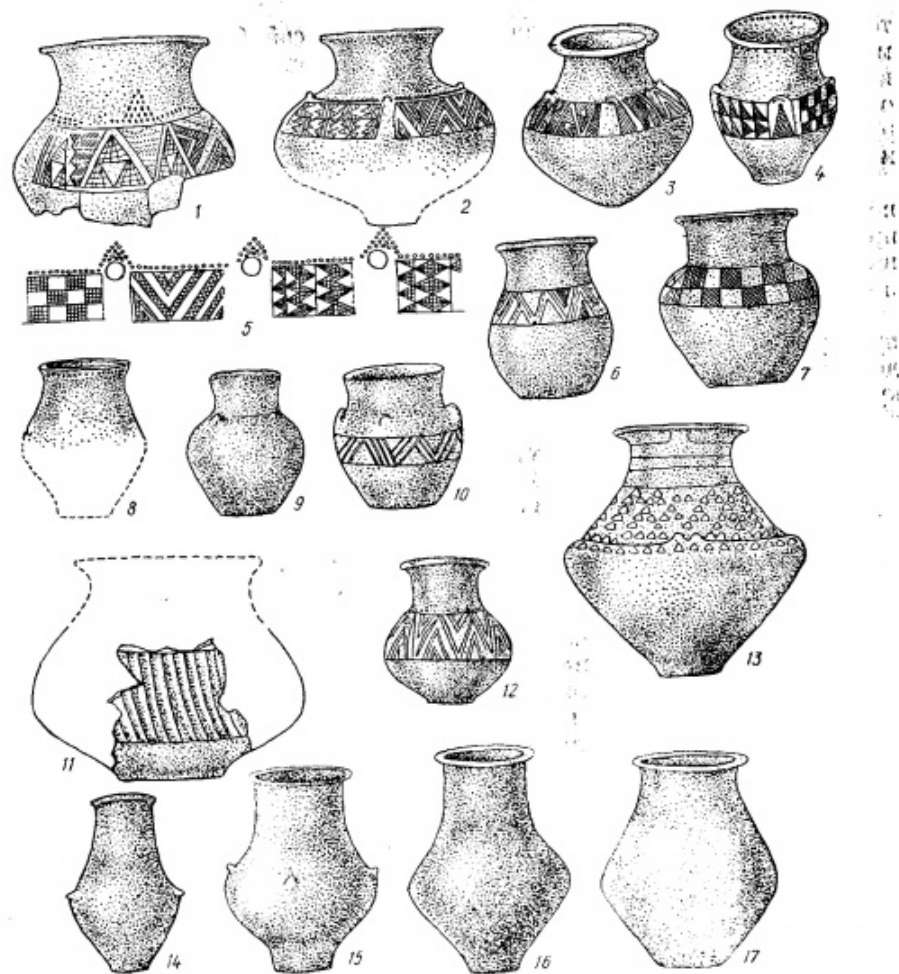

Рис. 16. Сосуды типа корчаг:

1, 2, 5 — Жаботинское поселение; 3, 4 — из зарисовок Ф. Ф. Кундерева; 6 — из раскопок В. В. Хвойки (Правобережье); 7 — с. Турия, к. 496—497; 8, 9 — с. Константиновка, к. 8, 9; 10 — с. Капитановка; 11 — с. Жаботин, к. 524; 12 — из собрания Е. А. Зноско-Боровского; 13 — курган у с. Глеваха; 14—17 — курганы у с. Журовка (№ 432, 406, 407, 447).

хованных треугольников с вертикальными основаниями и вершинами обращенными вправо, в вершинах круглые ямки. Пространство между секторами, под налетом ручки, заполняет заштрихованный треугольник с точками по углам. Близкая по форме гладкая корчага с проколами под венчиком найдена в кургане № 8 у с. Константиновка (табл. XIII, 9) (рис. 16, 8).

Следующий вариант этой формы составляют сосуды удлиненных пропорций с цилиндрической шейкой, отогнутым венчиком, корпусом, расширяющимся у пояса или плеча, и сравнительно широким устойчивым дном. Сосуды этого типа приближаются к форме кувшинообразных. Подобный сосуд, украшенный в верхней половине орнаментом из заштрихованных в шахматном порядке четырехугольников, найден в курганах № 490—297 у с. Турии (табл. XXXIII, 10) (рис. 16, 7). В кургане № 9 у с. Константиновка (табл. XIV, 2) подобный сосуд украшен четырьмя наклепными шишечками по плечу (рис. 16, 9). На сосудах из раскопок В. В. Хвойки (рис. 16, 6) в Правобережье пояс орнамента заполнен мотивом чередующихся треугольников, линейных и заштрихованных с ограничивающими точками в вершинах углов. Сосуд из Капитановки (табл. XXIII, 6) украшен наклепными шишечками в основании шейки (рис. 16, 10).

Основной принцип развития композиции орнамента у различных вариантов сосудов типа корчаг, такой же как и в выше рассмотренных случаях.

Среди обломков корчаг поселения на Тарасовой Горе (рис. 16, 1, 2, 5) встречены обломки корчаг густо орнаментированных линейными и зубчатыми узорами, у которых участки орнаментального поля бывают разделены при помощи вертикальных пластических налепов (двух или трех) с зубчатыми оттисками [30, стр. 43, табл. II, 8].

Характерную группу составляют небольшие корчажки или крупные кубки с выпуклым корпусом. К ним приближается сосуд из кургана № 247 у с. Константиновка (табл. XV, 6) с поясом резного орнамента. В качестве примера упомянем также неоднократно переиздававшийся сосуд из собрания Е. А. Зноско-Боровского [ДП, III, табл. LXIII, 2] (рис. 16, 12). На корчажке из кургана № 524 у с. Жаботин орнаментальный пояс заполнен слегка наклонными каннелюрами (рис. 16, 11) — этот орнамент, несомненно, восходит к традиции культур гальштатского круга.

Ряд больших корчаг, безусловно, также связан с формами широко распространенных в гальштатское время сосудов типа виляновы. Среди них корчага из кургана Глеваха с накладным орнаментом из золотых лент и блях [140] (рис. 16, 13), корчаги из курганов № 406 и 432 у с. Журовки с шишечками-налепами по поясу (табл. X, 1; XII, 3); гладкие корчаги из курганов № 407, 447 у с. Журовка (табл. X, 18; XII, 18; рис. 16, 14—17).

Становится ясным, что сосуды типа корчаг представляют собой разновидность формы широко распространенной в гальштатское время. Это в равной степени относится не только к периоду VII—VI вв. до н. э., но и к памятникам предскифского периода, где уже наличествуют прототипы всех основных типов корчаг, найденных в памятниках жаботинского и старшежуровского этапа (рис. 17, 1—10).

В качестве прототипов корчаг с округло раздутым корпусом могут быть названы корчаги, найденные на Субботовском городище (рис. 17, 5, 10), на поселении у с. Андрусовка, корчага с городища Московская Гора [140, стр. 97, рис. 2; 142, стр. 71, рис. 45, 1; 120, стр. 136, рис. 5,

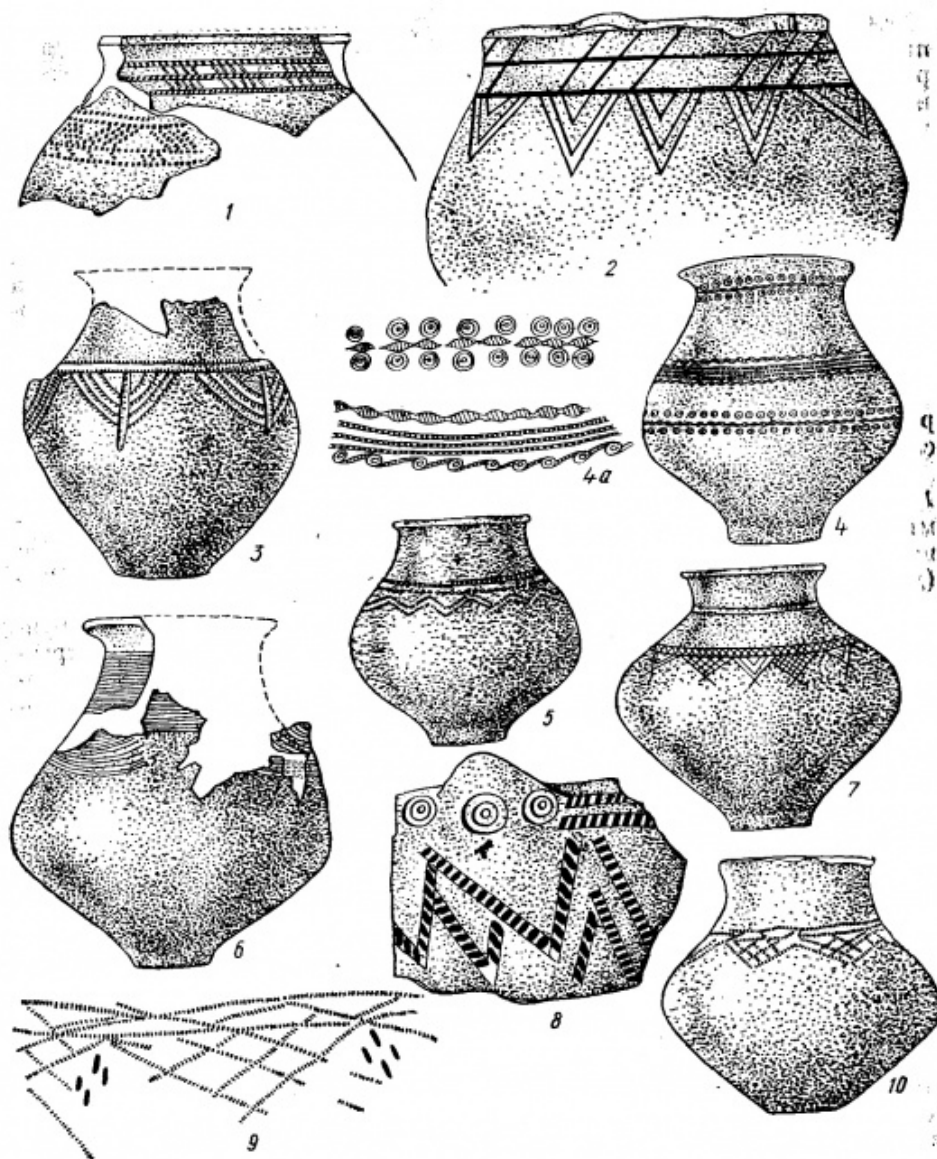

Рис. 17. Корчаги чернолесского типа:
1, 7 — городище Московская Гора; 2, 8 — Лубенское городище; 3 — Тясминское городище; 4а, 4 —
к. 52 у с. Гуляй-Город; 5, 10 — Субботовское городище; 6 — Чернолесское городище; 9 — мотив орна-
мента на корчаге из Субботовского городища.

4, по форме и пропорциям чрезвычайно близки к раннежаботинским (рис. 17).

Основное отличие заключается в том, что у чернолесских корчаг вместо пояса на корпусе или плечиках имеется орнаментальный фриз, опускающийся от основания шейки сосуда на плечо. Наиболее обычные композиции опускающихся вершиной вниз заштрихованных треугольников, составленных из зубчатых оттисков. Верхняя сторона ограничена одним или несколькими рядами горизонтальных оттисков. Встречаются сосуды с выпуклыми налпами ниже основания шейки. Налпы бывают окаймлены орнаментом в виде оттисков круглого, кольчатого или иного штампа, подобно обломку с городища у с. Лубенцы. На корчаге из кургана № 52 у с. Гуляй-Город (табл. III, 16) орнамент состоит из трех поясков различного рода штампов: на шейке, по плечикам и по поясу [118, стр. 133, рис. 3, 3] (рис. 17, 4а, 4).

В качестве прототипа корчаг удлиненных пропорций можно упомянуть высокую корчагу, найденную на Тясминском городище (рис. 17, 3). От двух рядов зубчатых оттисков в основании шейки опускаются вертикальные налпы, которые служат как бы средней осью треугольников, составленных из зубчатых отпечатков.

Орнаменту в виде дуговидного налпа на корчаге из коллекции Ф. Ф. Кундеревица аналогичен узор на обломке корчаги из Субботовского городища [142, стр. 64, рис. 38].

Что касается корчаг, близких гальштатским, то прототипом является биконическая корчага, найденная на Чернолесском городище с каннелированной шейкой и полукруглыми под налпными шишками в основании шейки [142, рис. 43, стр. 69] (рис. 17, 6).

В памятниках чернолесского времени хорошо представлены прототипы небольших корчажек с округло раздутым корпусом [142, стр. 61, рис. 35]. Именно этот тип небольших корчажек, наряду с кубками, ярко выражен в памятниках белозерского этапа и культуры ранних кочевников VIII в. до н. э. степной полосы (рис. 18, 1—6). Среди них известный сосуд из кургана у с. Малая Цимбалка с зубчатым орнаментом в виде зигзага из двух рядов оттисков (рис. 18, 1), сосуд из погребения у Петрово-Свистуново с шишками на плечиках (рис. 18, 2). Интересны сосуды из кургана № 3 у с. Суклей на Херсонщине (рис. 18, 4), из кургана у Сурской Заборы (рис. 18, 6), погребения № 3, кургана № 56 у с. Любимовка (рис. 18, 5). Эта форма проникла в белозерское время и бытовала здесь некоторое время. Однако в памятниках скифской поры, начиная с VII в. до н. э., сосуды типа небольших корчажек в степи уже более не встречаются.

На памятниках сахаряно-солонченского типа в Молдавии хорошо представлены (в обломках) сосуды типа больших корчаг, подобные найденным в памятниках позднего чернолесского и раннего жаботина, с налпными шишками, орнаментом в виде полос зубчатых оттисков и опускающихся от них резных и сделанных зубчатым штампом заштрихованных треугольников. Вершины углов бывают ограничены кольчатым или круглым штампом. Поверхность хорошо залощена. Найдены два сосуда типа небольших корчаг на поселении у с. Солончены.

Рис. 18. Корчаги чернолесского типа из погребений степи:

1 — Малая Цимбалка; 2 — Петрово-Свиштуново; 3 — Канры; 4 — к. 3 у с. Сукля; 5 — к. 56, п. 3, у с. Любимовка на Херсонщине; 6 — Сурская Забора.

Один из них украшен орнаментом, очень близким к раннежаботинскому. Второй — узкогорлый, кувшинообразный, не имеет прямых аналогий с посудой жаботинского типа.

Миски. Они составляют обычную находку в ранних курганах. В общей сложности удалось учесть не менее 54-х. Однако в коллекциях они сохранились значительно хуже. Из комплексов происходит не более 20 мисок, причем большинство из них относится к наиболее простым типам лощеных, с загнутым внутрь краем, с поддоном или без него (рис. 19, 1—17). Таковы миски из курганов № 356 у Секирного (табл. XXIII, 11, 12); 490—497 у с. Турни (табл. XXXII, 5, 7; XXXIII, 11, 12). Некоторые из них имеют простейший орнамент в виде наколов с выпуклинами. В отдельных случаях встречаются небольшие мисочки с поддонами (Секирное, курган № 90, табл. XXIII, 9 и Тенетинка, курган № 119, табл. XXVII, 3). Но эти формы встречаются довольно редко и не могут считаться типичными.

В комплексах раннего VI и особенно VII в. до н. э. варианты форм и орнаментации мисок более разнообразны. Среди них выделяются миски, украшенные пластическими налпами у края в виде групп выступающих шишечек. Таковы миски из курганов № 2 у с. Оситняжка и 351—360 в уроч. Секирное (табл. XXI, 1, XXIII, 10); 496—497 у с. Турни (табл. XXXII, 3).

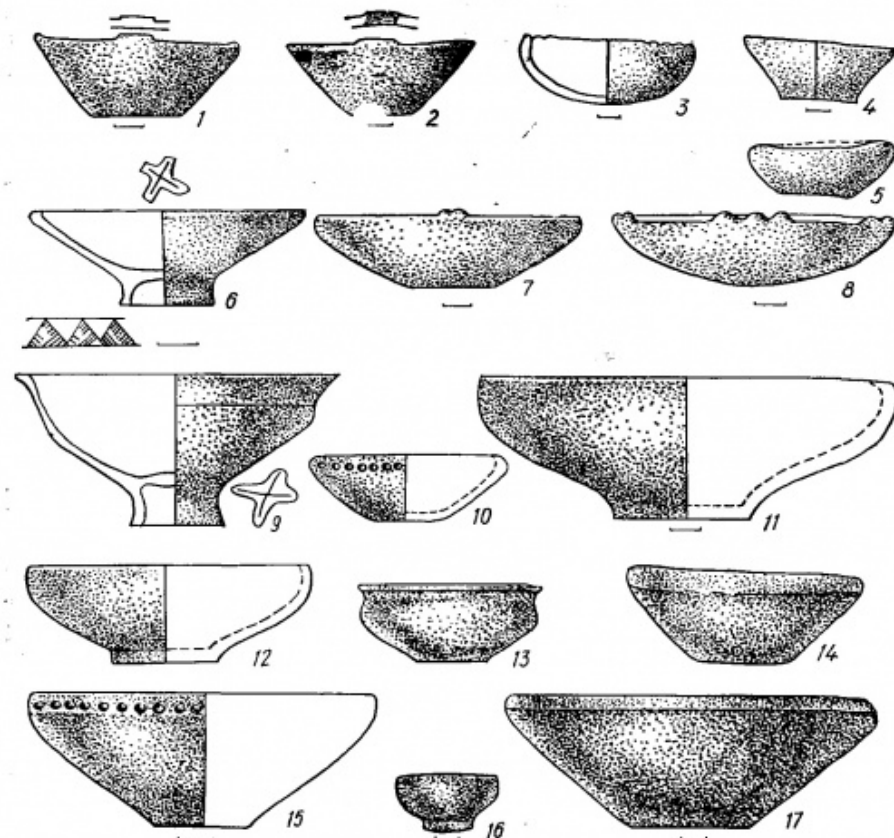

Рис. 19. Миски из раннетясминских курганов:

1, 2 — Рыжановка, к. 2; 3, 4 — Оситняжка, кк. 2, 12; 5 — Тенетинка, к. 119; 6, 9 — Журовка, к. 406; 10, 14, 15, 17 — Турни, кк. 490—497; 8, 11, 12 — Секирное, кк. 351—360; 13 — Турни, к. 497; 16 — Секирное, к. 90.

Выше мы писали о мисках вазообразной формы на полых высоких ножках с крестообразными знаками на доньшке из Журовского кургана № 406 (табл. IX, 7, 10). У одной из мисок на наружной стороне отогнутого края орнамент из резных заштрихованных треугольников. Эти варианты мисок не характерны для местных форм и являются, очевидно, результатом влияния культуры Басараби в Румынии, где подобные формы и мотивы орнамента представлены весьма отчетливо.

В кургане II у с. Рыжановки (одном из древнейших) обнаружены миски с конически расширяющимися ото дна стенками и плоскими выступами у края (табл. XXII, 5, 6). Подобная форма встречается в ранних поселениях жаботинского типа в Лесостепном Поднепровье и на

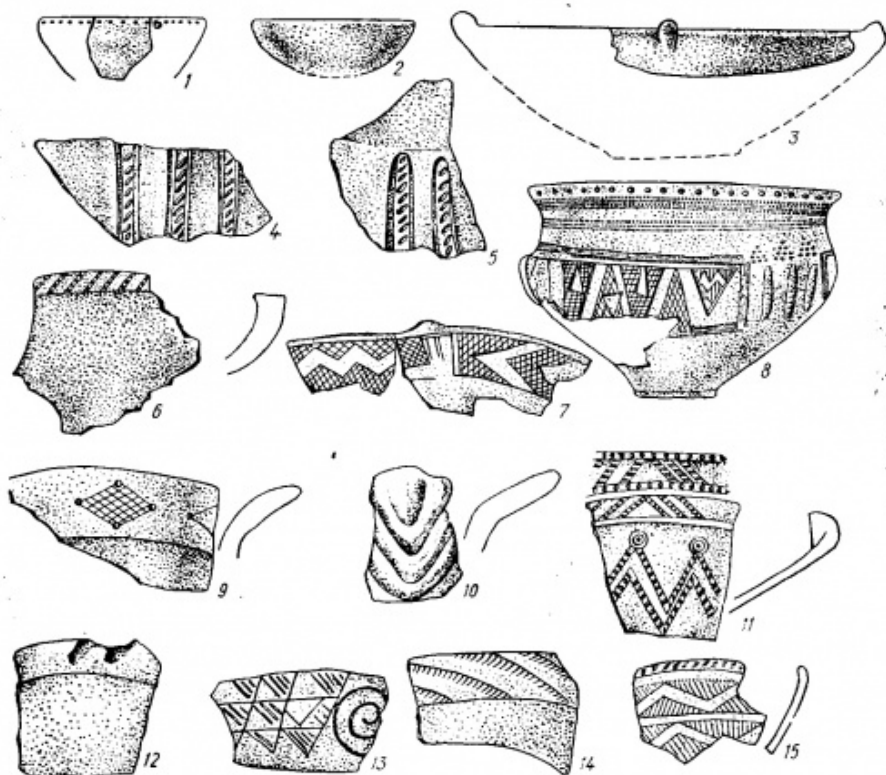

Рис. 20. Некоторые типы мисок чернолесской культуры и жаботинского этапа:
1, 2 — Субботовское городище; 3 — Тясминское городище; 4—6 — Лубенское городище; 7—
15 — различные варианты мисок раннежаботинского слоя поселения на Тарасовой Горе.

Днестре. Значительно более разнообразны типы мисок, найденных во время раскопок жаботинского поселения. Они существенно расширяют представление об этих типах столовой посуды в раннескифское время.

Прежде всего, следует выделить группу обломков мисок обычной формы с прямым или слегка загнутым внутрь краем, у которых верхний ободок или верхняя часть наружной стороны украшена тем или иным вариантом орнамента, характерного для жаботинского этапа, в том числе заштрихованные треугольники, зигзагоподобные ленты, косые отпечатки зубчатого штампа. Встречаются также миски с косыми каннелюрами по обрезу края, шишечками-налепами, выступами у края или ниже края с наружной стороны миски. Обычны миски с отогнутым наружу краем, украшенным различными вариантами резного или пластического орнамента. Среди них налепы с полукружьями каннелюр на отвороте широкого венчика, группы косых парал-

Рис. 21. Миски из памятников сахарнянско-солонченского типа в Молдавии, соответствующих времени позднего чернолесья и раннего Жаботина:

1 — Сахарня (погребение); 2, 4—6 — Сахарня (поселение и могильник, раскопки А. И. Мелюкова); 3, 7, 8 — Сахарня (поселение, раскопки Г. Д. Смирнова); 9 — Шалданешты; 10—12 — типы мисок из могильника культуры Басараби.

лельных линий с точками в вершине, заштрихованные ромбы с точками по углам, композиции из зубчатых оттисков, вытесненные спирали (рис. 20, 7—15).

Интересен обломок миски с отогнутым краем, на котором орнамент в виде пластической спирали чередуется с тремя рядами треуголь-

ников, заштрихованных в шахматном порядке (рис. 19, 13). Этот орнамент почти полностью повторяет мотив, украшающий отвороты мисок из памятников культуры Басараби и поселение у с. Шалданешты [199; 93, стр. 72, рис. 23, 1] (рис. 21, 9, 10, 12).

Следует отметить, что на поселении Тарасова Гора, наряду с разнообразно орнаментированными мисками, преобладающим основным типом остаются миски обычной формы со слегка загнутыми или вертикальными краями. Здесь же были найдены обломки больших, глубоких, богато орнаментированных мисок с отогнутым наружу краем, одна из которых реставрирована полностью (рис. 20, 8). По краю венчика проколы. Широкий пояс орнамента на корпусе. Над ним узоры в виде пирамидок, нанесенных колычатым штампом, с нижней стороны два ряда горизонтальных S-овидных оттисков. Орнаментальный пояс разделен на три сектора, разделенные в свою очередь тремя вертикальными налечами с зубчатыми отпечатками. Участки между ними заполнены орнаментом из заштрихованных треугольников и лент.

За исключением отдельных типов мисок, в которых мы усматриваем влияние культур Подунавья (Басараби), все остальные варианты мисок имеют свои прототипы в памятниках позднечернолесского этапа. Это касается основного типа мисок с прямым или слегка загнутым внутрь краем, обломки которых были найдены на чернолесских городищах [142, стр. 70, рис. 44, 3, 4]; мисок с пластическими налечами по краю, с отогнутым краем, украшенным каннелюрами и зубчатыми оттисками (Тясминское городище); мисок с налепными выступами под краем с наружной стороны и орнаментом из рядов зубчатых оттисков, образующих композиции углов и зигзагов с круглыми штампами в вершинах углов (Лубенецкое городище) и, наконец, обломков глубоких мисок с вертикальными ребрами (Лубенецкое городище, рис. 20, 4, 5).

Для памятников степной полосы сосуда типа мисок не характерны. Они не встречаются в погребениях белозерского этапа и весьма редки на поселениях. В частности, нам известны два обломка мисок с прямым краем из ушкалского поселения. Более обычны миски в памятниках кобьяковской культуры, представляющей собой замкнутую локальную группу [167, стр. 9; 168].

Наиболее близкое соответствие позднечернолесским и раннежаботинским мискам дают миски из памятников типа Сахарна-Солончены в Молдавии. Тождественны найденным на Лубенецком городище миски, украшенные по верхнему обрезу и верхней части наружной стороны оттисками зубчатого штампа, с поселения у с. Сахарна. Встречаются глубокие, богато орнаментированные миски с отогнутым краем: миска (поселение у с. Сахарна), орнаментированная на чернолесский манер треугольниками из зубчатого штампа, опускающимися от горизонтального ряда из нескольких полос зубчатых оттисков на шейке сосуда; миска с группами рассеченных налепов в виде вертикальных ребер. Очень похожи на Жаботинские миски, найденные на поселении Солончены в Молдавии с поясом орнамента по верху наружной стороны, заполненного зигзагом из нескольких полос врезанных или зубчатых

линий, с пластическими шишечками и др. [93, стр. 81, рис. 26, 2, 3; стр. 78, рис. 24, 27] (рис. 21, 1—8).

Редкие типы лощеных сосудов. В раннетясминских курганах к этой группе относится роговидный сосуд и прямостенная «пиксида» с выступающим поддоном из кургана № 378 у с. Константиновка (табл. XVI, 11—12). Роговидный сосуд уникален. Он входит в число таких вариантов, как черпак с двумя чашечками из коллекции Е. А. Зноско-Боровского [ДП, III, табл. LXII. 5], остродонный черпак с ручкой кончающийся звериной головкой из коллекции Ф. Ф. Кундеревича. Можно высказать предположение, что сосуд этот служил для каких-то культовых возлияний. Об этом свидетельствует необычность формы, рогообразной, близкой к ритону, и крестовидный солнечный знак на плоской крышке закрытого конца.

Глиняная пиксида, как мы говорили, имеет аналогии в одновременных памятниках раннескифского времени на Среднем Днестре и в памятниках чернолесской культуры (городище Московская Гора) [142, стр. 70—71, рис. 22, 8, 9; рис. 45, 2; 172, стр. 104, рис. 7], что подтверждает местные основы сложения этих редких форм и возникновение специфичных мотивов орнаментации еще на предскифской ступени.

Известную аналогию этой форме дают прямостенные высокие кубышки, происходящие из сахарнянско-солонченской группы Молдавии. От наших они отличаются более высокими удлиненными пропорциями. Из них назовем сосуд в виде боченочка из кургана № 1 в уроч. Гульбока у Сахарны [93, стр. 86, рис. 29, 12]; высокий стаканчик со слегка отогнутым краем из кургана № 3 у с. Сахарны (раскопки Г. Д. Смирнова). Сосуды полностью покрыты разным орнаментом. Третий боченовидный сосуд с вертикальными полосами, заштрихованный «в елочку», найден Г. Д. Смирновым на Сахарнянском поселении.

Таков основной состав лощеной посуды из Тясминских курганов VII—VI вв. до н. э. Большинство вышеперечисленных форм существуют лишь на протяжении времени скифской архаики, доживая, в основном, до середины VI в. до н. э., после чего полностью выходят из употребления. В этом легко убедиться, сравнив комплексы времени архаики с керамикой из курганов и поселений более позднего времени, представленных в работе В. Г. Петренко [109, стр. 123 и сл.]. На протяжении V в. до н. э. продолжают сохраняться формы гладких чернолощеных корчаг с выпуклым корпусом. До конца скифского периода стойко сохраняются формы простых мисок с прямым или слегка загнутым внутрь краем, обычно лощеные, нередко украшенные проколами или наколами с горошинами.

Горшки. Основная линия развития сосудов типа горшков в памятниках Правобережья, начиная от предскифского периода, вырисовывается с достаточной определенностью. Истоки этой формы восходят к памятникам комаровской и белогрудовской культур эпохи бронзы [142; 18, стр. 51]. На основе тюльпановидных горшков белогрудовской культуры в чернолесское время складывается основная форма высоко-

го тюльпановидного горшка с мягко отогнутым венчиком, под которым обычно располагается ряд сквозных проколов (рис. 22, 1—23). В основании шейки налепной валик с пальцевыми защипами. Этот тип горшков хорошо представлен во всех поселениях чернолесской культуры. Подобные же горшки происходят из чернолесских погребений у с. Коломийщина [142, стр. 62; 75; 102, стр. 205, рис. 1], кургана № 52 у Гуляй-Города (табл. III, 17).

Эта форма остается ведущей на протяжении жаботинского периода. Образцами их могут служить горшки из курганов № 8 и 10 у с. Оситняжки (табл. XXI, 10, 12). В памятниках второй половины VII в. встречаются горшки, у которых налепной валик с защипами размещается ниже, по поясу сосуда. Сквозные проколы под венчиком обычно сохраняются. Подобный горшок найден в кургане № 15 у с. Константиновка. По мере того, как валик начинает размещаться ниже по корпусу, появляется второй валик под краем венчика. Традиция проколов при этом сохраняется, и круглые отверстия нередко пронизывают валик. В нашей серии находок горшки подобного типа не представлены. Однако они хорошо известны из погребений раннескифского времени и других групп Правобережья, а также на поселениях Жаботинского этапа [Нариси стародавньої історії УРСР. К., 1957, стр. 185].

Одновременно с этим происходит некоторое изменение формы горшков — менее выразительно сужение шейки, придававшее сосуду тюльпановидный профиль, дно становится более широким и устойчивым. Возникает форма горшков боченковидного профиля, которая становится господствующей с начала — середины VI в. до н. э. Начиная с этого времени горшки в основном украшаются массивным налепным валиком ниже края, украшенным защипами и часто сочетающимся со сквозными проколами, проходящими порой через него. Подобные горшки найдены в курганах № 406, 411 у с. Журовка (табл. IX, 6, XI, 3, 2), 492 у с. Макеевка (табл. XVIII, 13), низкий боченковидный горшочек обнаружен в кургане № 365 у с. Теклино (табл. XXV, 1).

С традициями чернолесской культуры связаны горшки тюльпановидной формы — гладкие или украшенные проколами под краем и налепами в виде шишечек (горшок из кургана № 340 у с. Теклино, табл. XXIV, 3). Очень близкий по форме и орнаментации сосуд был найден во время раскопок Субботовского городища в 1971 г. В двух случаях в погребениях были найдены невысокие горшки без орнамента с тюльпановидным разворотом венчика и широким дном (курган № 411 у с. Журовка, табл. XI, 1, и 211 на р. Тенетинка, табл. XXX, 18).

Приведенный перечень не исчерпывает всех вариантов и разновидностей кухонных горшков VII—VI вв. до н. э., более известных по находкам на поселениях, нежели в курганах. Однако поскольку погребальные комплексы более четко ориентируют нас в отношении хронологии, они позволяют наметить основное ведущее направление развития этой формы керамики.

Со второй половины VI в. до н. э. в орнаментации боченковидных горшков проколы сменяются наколами с выпуклинками, которые затем исчезают вовсе. К началу V в. до н. э. выходит из состава орнаментальных элементов валик и начинают преобладать пальцево-ногтевые отпечатки по краю венчика. Корпус сосуда становится более выпуклым, диаметр дна уменьшается. В IV в. до н. э. появляется орнамент в виде пальцево-ногтевых отпечатков или овальных ямок под шейкой сосуда. Короче говоря, в V—IV вв. до н. э. продолжается эволюция, протекающая в направлении вырождения и исчезновения архаических форм керамики, восходящей к традиции чернолесья и распространения здесь наиболее общих и обычных для скифской степной культуры форм керамики.

В памятниках поздней бронзы и начала железного века степной полосы характерные для Правобережья горшки не встречаются вовсе, так как они сюда не проникают. Здесь господствуют свои формы горшков сабашиновского и белозерского типов, восходящие к традиции керамики срубной культуры.

Несколько иначе дело обстоит в памятниках уже не раз упоминавшейся выше сахарнянской группы в Лесостепной Молдавии, где встречаются горшки тюльпановидного профиля с валиком в основании шейки или на поясе, близкие к чернолесским и жаботинским (рис. 23, 1—8). Обломки таких сосудов найдены на поселении и в могильнике у с. Сахарны (раскопки Г. Д. Смирнова) на поселении у с. Солончены и Цехнауцы [93, стр. 80—81, рис. 25, 6; 26, 4; 100, стр. 73, рис. 35, 1, 3, 5]. Наряду с подобными горшками в этих группах присутствуют характерные для памятников эпохи поздней бронзы и начала железа Днестро-Дунайского региона горшки в виде открытых банок с боковыми ручками-упорами, типичные для всего круга фракийской культуры.

Таким образом, лепные горшки представлены здесь формами, типичными для двух различных культур — Правобережно-Днепровской и Днестро-Дунайской. Необходимо отметить, что некоторые из сосудов Среднеднепровского облика, тюльпановидные с валиком, выглядят здесь как бы подражательными, несколько видоизмененными — более прямостенными.

Наличие на Днестре этих двух разновидностей простой кухонной посуды, более чем что-либо, свидетельствует о столкновении здесь двух различных культур, на природе и характере взаимоотношений которых мы остановимся ниже в специальном разделе.

Украшения, предметы туалета. В доскифское время у племен чернолесской культуры существовал развитый, устойчивый, хорошо выраженный набор украшений личного убора. Среди них особое место занимают бронзовые массивные браслеты, литые по восковой модели, в украшении которых наиболее обычен мотив концентрических кругов, спиралей, округлых или овальных выпуклин. Существовали и другие варианты браслетов, отлитых по восковой модели. В большом ходу были пружинные проволоочные браслеты. Весьма обычными являлись височные подвески или серьги в виде щитка из спирально свернутой бронзовой проволоки. Известны булавки с полусферической головкой

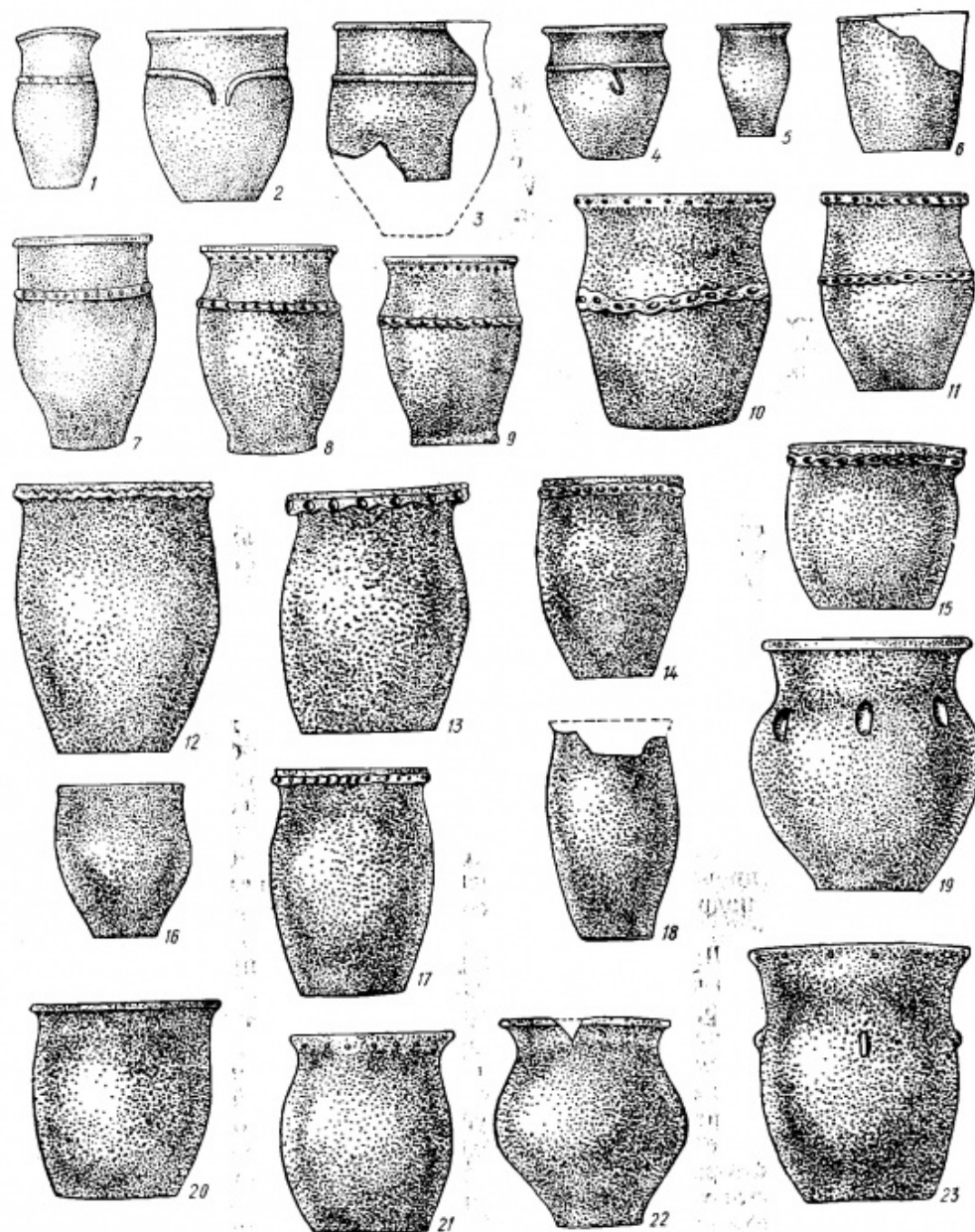

Рис. 22. Лепные горшки чернолесского, жаботинского и раннескифского типов:

1—3 — Собкоа; 4—6 — Субботовское городище, нижний слой; 7, 16, 19 — Субботовское городище, верхний слой; 8, 9 — к. 10, 8 у с. Оситняжка; 10 — к. 15 у с. Константиновка; 11 — из Тясминских курганов А. А. Бобринского (КИМ) жаботинский тип; 12, 14 — Журовка, к. 411; 13 — Макеевка, к. 492; 15 — Теклино, к. 365; 17 — Журовка, к. 406; 18 — Гуляй-Город, к. 316; 20 — р. Тенетинка, к. 241; 21 — Макеевка, к. 454; 22 — Гуляй-Город, к. 312; 23 — Ташлык, к. 34.

и боковой петелькой на стерженьке. Характерны нашивные бронзовые бляшки в виде восьмерки, бронзовые трубчатые пронизи, биконические пронизи, свернутые из бронзовой проволоки. Многие из этих украшений изготовлялись на месте, о чем свидетельствуют остатки литейных форм и кладов литейщиков, найденных на Субботовском городище [142, стр. 157].

С начала скифского периода здесь происходит резкое изменение всего состава личного убора украшений.

На ранней ступени жаботинского этапа короткое время бытуют булавки со спирально закрученной или загнутой в петлю головкой (Тенетинка, курганы № 107, 126, 136, табл. XXVI, 1, XXVII, 11, 17), аналогичные известным из памятников лужицкой и высочкой культур, очевидно, западного происхождения.

Начиная с жаботинского времени, все более отчетливыми становятся железные булавки с гвоздевидными головками и бронзовые булавки с небольшими выпуклыми гвоздевидными шляпками и поперечными рубчиками на стержне: головка железной булавки с гвоздевидной шляпкой происходит из кургана № 146 на р. Тенетинка; две железные булавки найдены в кургане № 460 у с. Макеевка; обломок булавки — в кургане № 454 этой же группы (табл. XVII, 10, XVIII, 10) железный «гвоздь», то есть такого же рода булавка, упоминается среди вещей в кургане № 8 у с. Константиновка; в кургане № 407 у с. Журовка найдена длинная железная «игла»; в кургане № 524 у с. Жаботина обнаружен обломок железной булавки; в кургане № 360 у с. Гуляй-Город на груди погребенной оказались две скрещенные — гвоздевидные булавки, дополнившие серию бронзовых и железных булавок, найденных при погребенных в таком же положении [122, стр. 139; 99; Смела, III, стр. 129—130, 52, стр. 143]. Очевидно, подобными булавами была заколота на груди какая-то (возможно, теплая) одежда.

С начала VI в. до н. э. входят в употребление бронзовые (реже серебряные или золотые) гвоздевидные булавки с рубчиками на стержне. В кургане № 346 у с. Теклина в составе украшений мужского убора, возле черепа, была найдена серебряная гвоздевидная булавка, очевидно, закрепляющая головной убор или повязку с прикрепленными к ней золотыми бляшками в виде фигурок ланей. Такая же, только золотая, булавка была найдена при головном уборе из кургана № 100 у с. Синявка. В кургане № 375 у с. Константиновка обнаружен обломок стержня бронзовой булавки или иглы; бронзовая булавка с гвоздевидной головкой и рубчиками на стержне происходит из женского захоронения в кургане № 246.

Особенно отчетливо этот тип украшений выступает в курганах старшей Жуrowsкой группы. Две серебряные гвоздевидные булавки оказались в курганах № 447 у с. Журовка (табл. XII, 21) и две бронзовые булавки — в 406, 432 (табл. XII, 10). В женских захоронениях курганов № 41 и 42 у Гуляй-Города (табл. III, 6, 7, 10, 11), кургане в уроч. Дарьевка близ Шполы (табл. XXXIV, 5, 6) найдены бронзовые булавки. По одной булавке обнаружено в курганах № 407 у с. Журовка (табл. X, 2), 338 у Гуляй-Города, № 395 у с. Грушевка.

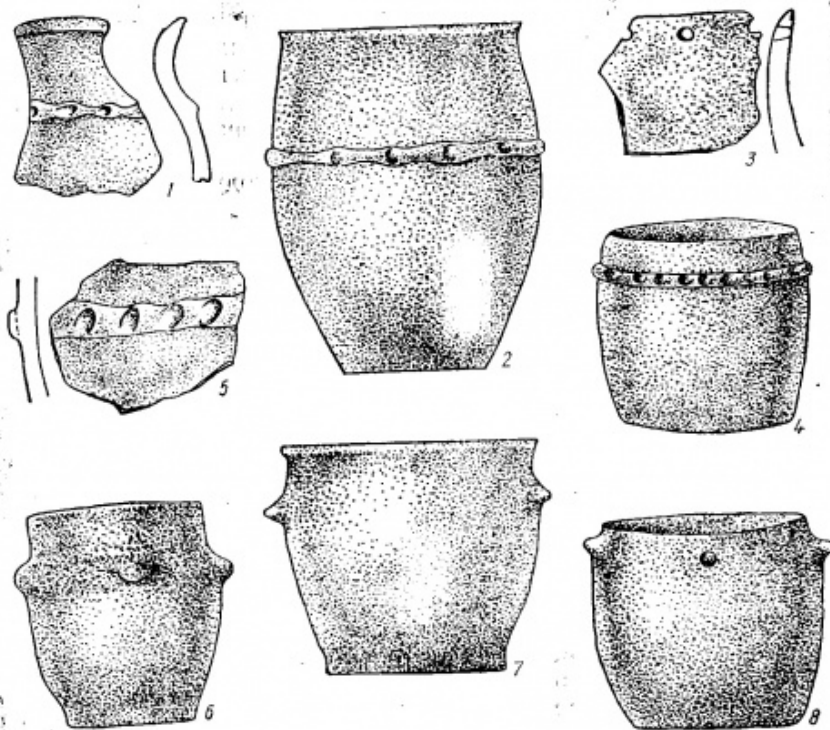

Рис. 23. Горшки из курганов и поселения у с. Сахарна:
1, 2, 4, 8 — поселение; 3, 5 — к. 5; 6 — к. 9; 7 — к. 4.

Мы уже говорили, что булавки с небольшими гвоздевидными шляпками и рельефными рубчиками в верхней части стержня получили особое распространение в памятниках Правобережья, где они являются типичной принадлежностью архаических комплексов. Помимо упомянутых памятников Тясминской группы, они широко известны в курганах Каневщины, Киевской группы, Западной Подолии¹.

Аналогичные булавки обычны в памятниках Поворскля [69, стр. 153, рис. 53, 114—115]. На Северском Донце встречаются своеобразные варианты этого типа бронзовых или железных булавок с конической или цилиндрической головкой, перекрученной в спираль верхней третью стержня, отделенной от нижней части муфтообразным утолщением [81, стр. 42, рис. 10]. Сравнительно редко такие булавки

¹ Курганы № 6 у с. Братишова, у сел Городница, Бильче, Городок, Новоселки Гржимайловские, Крокулец, Сапогов, Ивахновцы, Серватинцы — в Западной Подолии; Парканы на Нижнем Днестре; у сел Глеваха, Триполье на Киевщине; № 419 у с. Лазурцы; № 25—28 у с. Казаровичи; № 100 у с. Синявка, у с. Ребедайлочка на Каневщине.

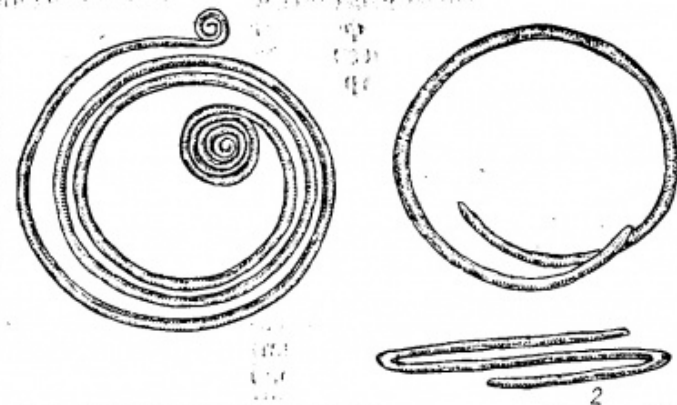

Рис. 24. Бронзовые украшения из поселения у с. Собковка (белогрудовская культура).

встречаются на Суле [52, стр. 143] и вовсе не известны в архаических комплексах степной Скифии.

Нам представляется весьма вероятным, что этот специфично правобережный тип металлических булавок с небольшой головкой восходит к чернолесским булавкам с полусферической головкой и боковой петелькой. Об этом свидетельствует определенное совпадение большей части территории распространения, а так же отсутствие каких-либо иных, более близких прототипов в памятниках других культур конца периода бронзы и начала железа.

Более поздние из булавок этой серии отличаются сравнительно широкой и плоской шляпкой (типа булавки из кургана № 447 у с. Журовка, № 41 у Гуляй-Города (табл. XII, 21, III, 67)). В небольшом количестве такие булавки продолжают встречаться в V и IV вв. до н. э., наряду с вновь появившимися здесь посоховидными и весловидными булавами.

Серьги. Специфичными для архаических памятников Правобережья следует считать металлические (бронзовые, реже серебряные или золотые) серьжки с гвоздевидными шляпками, одной большой, другой малой, на концах изогнутой проволоочки. Нередко они встречаются в тех же наборах, что и гвоздевидные булавки, составляя с ними один комплект. Бронзовые серьжки найдены в курганах № 41 у Гуляй-Города и 407 у с. Журовка (табл. III, 8; X, 12, 13; XXXIV, 20).

Ареал распространения этих украшений тот же, что и для бронзовых булавок. Основная масса сосредоточена в Правобережной Лесостепи; в сравнительно меньшем количестве встречаются они на Ворскле, Северском Донце, крайне редко на Суле и совсем неизвестны в степной Скифии.

Своеобразный тип сережек (с конусовидным выступом в центре шляпки) обнаружен в курганах у с. Сеньковка и могильнике у с. Долинское. Очевидно, это местная переработка известного правобережно-

го типа. Подобного рода серьги известны в памятниках высоцкой культуры. Несколько видоизмененные формы гвоздевидных серег встречаются в памятниках раннего железного века Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, где они рассматриваются как результат воздействия влияния скифской культуры.

Гвоздевидные серьги послужили прототипом, на основе которых греческие мастера выработали тип золотых сережек со щитками, украшенными изображениями львиных голов, подобных найденным в кургане у с. Емчиха и в архаическом некрополе Ольвии [105, стр. 31, табл. XXII, 1, 2).

Происходит ли этот тип гвоздевидных серег от чернолесских серег в виде щитков из спирально свернутой бронзовой проволоки, сказать пока трудно. Некоторое морфологическое сходство между ними есть, но, в то же время, разница в устройстве петельки не дает возможности решить этот вопрос положительно. Несомненно, этот тип серег является локально местным, не скифским, связанным в основном с раннескифскими памятниками Правобережья. В V в. до н. э. такие серьги практически уже не встречаются.

Помимо гвоздевидных сережек, в раннескифских курганах Тясмина известны височные подвески в виде колечка с несомкнутыми или заходящими концами (курган № 460 у с. Макеевка, 7 у с. Оситняжка, 313 и 338 у Гуляй-Города, табл. V, 3, 6, 7, XVII, 9).

При впускном погребении в насыпи кургана № 134 на р. Тенетинка, вместе с пастовыми бусами, среди которых бусы архаического типа в виде конической розетки, была найдена бронзовая серьга типа калачика, свидетельствующая о довольно раннем появлении подобных серег.

Браслеты. Традиционные для чернолесской культуры браслеты к началу VII в. до н. э. полностью исчезли. Большинство найденных в раннескифских погребениях относится к типу простейших — из бронзовой проволоки с несомкнутыми концами. Таковы браслеты, обнаруженные в женском погребении кургана № 33 у Гуляй-Города; в детской могиле кургана № 43 этой же группы (табл. I, 7—8, IV, 1), в курганах № 173 и 174 на р. Тенетинка (табл. XXIX, 2, 4, 5). В некоторых случаях концы браслетов заканчиваются шишечками (из кургана № 174 на р. Тенетинка) или же змеиными головками (курган № 407 у с. Журовка, табл. X, 14).

В кургане № 330 у Гуляй-Города на руках погребенной были одеты железные браслеты, а в кургане № 2 у с. Оситняжка на левой руке погребенной женщины оказался браслет из бронзовых спиралей и бус.

Колечки. В погребениях встречаются изредка проволоочные колечки: бронзовые (курган № 42 у Гуляй-Города, 211 на р. Тенетинка), серебряные (курган № 247 у с. Константиновка) или железные (курган № 126 на р. Тенетинка).

Гривны. Шейные металлические кольца, широко известные в культурах эпохи бронзы Западной Европы, слабо представлены в одновременных им памятниках лесостепной полосы Среднего Поднепровья.

Исключение составляют бронзовые гривны со спирально завернутыми концами из массивной проволоки, найденные в курганах комаровской культуры, в том числе в кургане № 347 у с. Теклина. Для памятников белогрудовской и чернолесской культур металлические украшения подобного рода не известны. Поэтому появление их в памятниках раннескифского времени едва ли можно связать с традициями предшествующего времени. Появление шейных металлических обручей, вероятнее всего, следует отнести к распространению скифского вещевого комплекса. В кургане № 179 на р. Тенетинка среди остатков погребения в насыпи обнаружена бронзовая открытая гривна из массивного прута, концы которого имели четырехгранное сечение. Вторая бронзовая гривна (из гладкой, круглой в сечении толстой проволоки или прута с несомкнутыми заходящими концами), была найдена при детском погребении в кургане № 43 у Гуляй-Города (табл. IV, 2; табл. XXIX, 6). В кургане № 346 у с. Теклина встречена древнейшая из известных в лесостепной Скифии золотая гривна из витого прута с загнутыми в крючки концами (табл. XXV, 23). Ей аналогичны гривны из курганов Роменской группы и кургана Острая Могила у Томаковки [Смела, III, табл. VI, 7, ДГС, вып. II, табл. XXVI, 10].

Золотые бляшки и другие золотые украшения. Золотая гривна из Теклинского кургана входит в сравнительно небольшую группу архаических золотых украшений из курганов Тясминской группы. К их числу принадлежит обшитая золотым листком бронзовая палочка — застежка со стилизованными львиными головками (табл. IX, 4), упомянутые выше золотые гвоздевидные сережки (курган у Дарьевки и № 447 у с. Журовка) (табл. XXXIV, 20; XII, 11, 12), несколько рубчатых золотых бус (табл. XII, 13) и некоторое количество золотых блях, входящих в состав украшений парадного ритуального убора. К их числу относятся две золотые бляшки в виде фигурок ланей с поджатыми ногами и повернутой назад мордой из кургана № 346 у с. Теклина (табл. XXV, 21, 22); две подобные бляхи из кургана № 524 у с. Жаботина (табл. VII, 14, 16). В кургане № 407 у с. Журовка при женском костяке оказались три золотые бляшки в виде треугольников, составленных из трех кружков, и бляшка в виде фигурки оленя с поджатыми ногами (табл. X, 6, 7). Передние отростки рогов переданы в виде двух спиральных завитков, а рога в виде расположенных в два ряда шести колечек.

На поле близ «Владимирской экономии» под Смелой, очевидно на месте разрушенного погребения, найдены несколько золотых блях: одна из них в виде фигурки оленя с поджатыми ногами, вторая — в виде треугольника, составленного из трех кружков, в местах соединений которых имеется три остроконечные выступа; третья — имеет вид четырехлепестковой розетки вокруг центрального кружка (табл. XXIII, 1—3). Три золотые бляхи в виде фигурок оленей, вполне аналогичные найденным на поле у Владимирской экономии, происходят из кургана в уроч. Дарьевка близ Шпола (табл. XXXIV, 5, 19, 21, 22). К этой же группе относится золотая бляха из кургана № 1 у с. Жаботин в виде фигурки коня с поджатыми ногами и повернутой назад мордой. Бедро

передней ноги выделено кружочком, грива поперечными рубчиками, ухо расположено поперек гривы, хвост и крестец оформлены в виде головки и крыла хищной птицы (табл. VI, 12).

Как мы уже писали [57, стр. 73 сл.], типы описанных золотых блях: в виде фигурок оленя, лани, коня, треугольников из трех кружков, четырехлепестковых розеток имеют аналогии в ряде других раннескифских комплексов и, прежде всего, в составе полностью сохранившихся ритуальных уборов, найденных в курганах № 100 Синявского и 35 Бобринского на Каневщине (ранний VI в. до н. э.). Нам представляется вполне очевидным, что подобного рода золотые бляхи составляют традиционный комплекс раннескифского парадного убора, заключающего в себе определенный магический смысл, связанный с культом солнца и идеей плодородия.

В кургане № 447 у с. Журовка, помимо золотых сережек и гвоздевидных серебряных булавок, обнаружено 13 дутых рубчатых ребристых бус, 50 маленьких золотых пластинок в виде двойных полусфер, 6 мелких золотых бус. Этот набор золотых изделий происходит из наиболее позднего кургана старшей жаботинской группы и относится к числу изделий античного ювелирного ремесла, получившего особенно широкое распространение в скифских памятниках, начиная с V в. до н. э.

Ожерелья. Наборы ожерелий чернолесского времени известны весьма плохо. Это в основном бронзовые пронизы — трубчатые или из спирально свернутой проволоки. В VII в. до н. э. подобный тип украшений встречается редко. Среди них можно упомянуть бронзовые цилиндрическую пронизь из кургана № 90 в уроч. Секирное и пронизь из спирально свернутой узкой ленточки из кургана № 221 на р. Тенетинка (табл. XXIII, 7, XXXI, 3).

Следует отметить сравнительно небольшое количество бус, встречаемых в ранних курганах. Из их числа можно назвать три бусины из кургана № 126 на р. Тенетинка и несколько бусин из погребения в кургане № 134, среди которых — пастовые бусины с глазками и в виде конических розеток (табл. XXVII, 13). Весьма возможно, что погребение в насыпи, в котором были найдены эти бусины и сережки «калачиком», несколько позднее, чем погребение в грунтовой яме этого же кургана с очень ранним типом черпака.

Наборы ожерелий из пастовых бус и полудрагоценных камней (янтаря, сердолика, горного хрусталя, халцедона и др.) становятся более типичными в комплексах от начала VI в. до н. э.

Пастовые и янтарные бусы упоминаются в составе женского инвентаря из кургана № 524 у с. Жаботин. Мелкие пастовые бусы, в количестве 60 штук, были найдены в кургане № 246 у с. Константиновка, в кургане № 375 этой же группы найдены 30 мелких пастовых бусин. Одна сердоликовая и восемь пастовых бусин происходят из кургана № 454 у с. Макеевка. Зерна мелкого пастового бисера, наряду с крупными пастовыми бусами, отмечены в курганах № 471, 472 у с. Оситняжка. В кургане № 5 у с. Рыжановка найдено несколько «глиняных» и стеклянных бусин.

Особенно широко представлены наборы ожерелий в курганах старшей журавской группы и Гуляй-Городского могильника, относящихся к середине — второй половине VI в. до н. э.

В старших журавских курганах № 406, 407, 432, 447 обычны бусы из пасты, янтаря и сердолика; в кургане № 406 найден мельчайший пастовый бисер; в кургане № 407 — несколько бусин в виде конических розеток, характерных для ожерелий VI в. до н. э., около 400 пастовых бисеринок, золотая бусинка. В составе ожерелья из кургана № 432 оказались 15 крупных бусин из янтаря, а также бусы из пасты и морских раковин. В кургане № 447 помимо упомянутых выше золотых бус найдено около 30 бусин из янтаря, горного хрусталя, сердолика и пасты (табл. IX, 1, 3, 5, X, 16, 17).

В Гуляй-Городских курганах в женских захоронениях в курганах № 33, 38, 40 найдены бусы из янтаря, сердолика, халцедона, темного камня; в кургане № 33 обнаружены необработанные куски янтаря (табл. I, 9; III, 5; II, 43). В курганах № 40 и 41 у Гуляй-Города встречаются наборы бус из пасты (табл. III, 9, 12). В погребениях кургана № 308 были пастовые и стеклянные бусы. На женщине, погребенной в кургане № 330, найдены бусины из янтаря, сердолика, морских раковин, пасты. В набор бус входили также косточки от плодов и подвеска из бронзового наконечника стрелы.

После открытия Ягорлыцкого поселения стало очевидным, что многие типы раннескифских украшений, считавшихся ранее предметами местного производства (бронзовые гвоздевидные булавки, с рубчиками на стержне и без них, провололочные браслеты с шпильками на концах, гладкие и витые бронзовые провололочные сережки, а также различные виды бус — янтарные, сердоликовые, пастовые, биконические из золотистой зеленой стеклянной массы), изготовлялись греческими мастерами, приспособившими свое ремесло к изготовлению предметов скифских типов, имеющих широкий спрос в среде местного населения.

Из других украшений личного убора известно несколько мелких бляшек в виде соединенных чашечек (курган № 221 на р. Тенетинка (табл. XXX, 12). Они, по-видимому, восходят к бронзовым восьмерковидным бляхам больших размеров, известных в чернолесской культуре и в культуре VIII в. доскифского периода. Аналогичная им бронзовая бляшка была найдена в раннескифском захоронении степной полосы в кургане у с. Константиновка [79, стр. 141].

Имеются не вполне ясные данные о том, что в кургане № 38 у Гуляй-Города найдена фибула позднегалльштатского типа (табл. II, 43, 45). В кургане № 1 у с. Рыжановка обнаружена глиняная блоковидная застежка.

Состав предметов личного убора несомненно свидетельствует об изменении костюма раннескифского времени по сравнению с чернолесским. Исчезли чернолесские браслеты. Появилась одежда, застегивающаяся на груди при помощи массивных железных (реже бронзовых) булавок. Головные уборы и повязки закрепляются булавками с маленькими гвоздевидными головками и рубчиками на стержне. Появляются сережки с гвоздевидными шляпками, в виде «калачиков», простые про-

волоочные браслеты, концы которых иногда оформлены в виде змеиных головок. Появляются золотые украшения в виде накладных (реже нашивных) блях, заключающих в себе определенную символику, связанную с культом солнца.

Исчезают или вырождаются характерные для чернолесской поры бронзовые украшения: браслеты, серьги, булавки и проч. Некоторые пережитки и этапы дальнейшего развития их можно видеть в сложении типов гвоздевидных булавок, сережек с гвоздевидными шляпками, бронзовых бляшек из сдвоенных чашечек.

Большое распространение получают наборы ожерелий из различных импортных бус, среди которых встречаются южный сердолик, прибалтийский янтарь, разнообразные пастовые и стеклянные бусы, морские раковины и проч. Все это свидетельствует об изменении моды и расширении культурных связей.

С конца VI в. до н. э. появляются первые золотые украшения, сделанные греческими ювелирами. Впоследствии, на протяжении V и особенно IV вв. до н. э. они становятся особенно распространенными и вытесняют украшения, обычные в VI в. до н. э.

Зеркала, каменные блюда, краска, сера. Из числа вещей, относящихся к группе туалетных принадлежностей, следует назвать хорошо известные в раннескифское время бронзовые зеркала, каменные блюда с невысокими бортиками, на которых растирались косметические снаряды: белила, красная краска, сера.

Что касается ранних типов бронзовых зеркал с высоким бортиком и центральной ручкой, то в раннескифских курганах Тясмина их найдено немного. К ним относится бронзовое зеркало с центральной треугольной ручкой, хранившееся в деревянном, окрашенном красной краской, футляре, обнаруженное в кургане № 407 у с. Журовка (табл. X, 3). Отметим, что количество подобных зеркал в Посульской группе значительно больше [52, стр. 150]. Здесь известно восемь штук подобных зеркал.

Кроме того, из ранних Тясминских курганов происходят два зеркала с боковыми ручками античной работы, или же сделанные под влиянием образцов, изготовленных в греческих колониях. К их числу принадлежат зеркала с каннелированной ручкой, заканчивающейся головкой барана, найденные в кургане № 38 у Гуляй-Города (табл. II, 28); зеркало с железной ручкой, украшенной бронзовыми фигурками оленя на месте соединения с диском и пантеры, фигурка которой образует петельку на внешнем конце (табл. XII, 20).

В ряде комплексов VI в. до н. э. встречаются песчаниковые ладьевидные блюда с бортиком. Они обнаружены в кургане № 33, 38 Гуляй-Города. В последнем при таком блюде оказались куски красной серы и краски. В кургане № 524 у Жаботина найден обломок каменной плиты, кусочки румян и серы. В курганах № 406, 407 у с. Журовка в состав женского инвентаря входили каменные блюда с красной краской и серой. В кургане № 443 овальное блюдо из песчаника имело выступ в виде грубо сделанной головки барана. В кургане № 432 оказались кусочки серы и краски (табл. IX, 8, XII, 23).

В кургане № 448 у с. Макеевки найдены: каменное блюдо, кусочек серы, следы ярко-красной краски. Обломки плит обнаружены в курганах № 40 у Гуляй-Города и № 2 у Райгорода. В курганах № 319 и 330 у Гуляй-Города встречены кусочки белил, а в курганах № 5 у с. Рыжановки и 507 у Турии — комки красной краски.

Мы уже отмечали, что не имеем оснований, вслед за К. Ф. Смирновым, относить каменные блюда к числу специальных принадлежностей культа — своеобразных каменных алтариков, а считаем их предметами чисто утилитарного назначения. Очевидно, подобные каменные блюда входили в основной состав скифского инвентаря. Они не известны в местных комплексах доскифского времени и, в то же время, широко распространены в раннескифское. Помимо лесостепной полосы, каменные блюда постоянно встречаются в архаических погребениях ольвийского некрополя. Они найдены в степных курганах у с. Межиричка, № 2 у с. Башмачки, у станицы Елизаветовской в устье Дона [52, стр. 150]. В недавнее время каменное блюдо вместе с бронзовым зеркалом с центральной ручкой найдено в архаическом женском погребении с оружием в кургане под Ростовом-на-Дону [27, стр. 89], в Краснознаменском кургане под Херсоном (раскопки Е. В. Черненко) и во впускной скифской гробнице в кургане под Ворошиловградом (раскопки Н. Н. Чередниченко).

Культовые принадлежности. Количество вещей, относящихся к числу принадлежностей культового обихода, в курганах Тясминской группы сравнительно невелико. Среди них пара жертвенных ножей из кургана у с. Мошны, наиболее крупных и древних из остальных четырех пар, известных в памятниках скифской культуры [52, стр. 154]. Они были найдены в сопровождении бронзовых двуколычатых удил и наконечников стрел раннескифского типа (табл. XX, 12). Длина ножей около 33 см, лезвия почти не сточены. Описание обломка бронзового ножа подобного типа, найденного на Черкашине, из собраний Киевского исторического музея, впервые опубликовано Б. А. Шрамко [175, стр. 137].

Прототипы ножей этого рода в памятниках предскифского времени на территории Северного Причерноморья не известны. Они были широко распространены в конце II — начале I тысячелетия до н. э. в Сибири и Средней Азии, где употреблялись, в основном, в бытовых целях. Однако уже в это время выделяется особая группа ножей, применявшихся парами, о чем свидетельствует находка двух больших одностельных ножей в кургане № 55 у Тагиска в Южном Приуралье, относящемся к VII в. до н. э. [152, стр. 163].

Единственная пара архаических «шумящих» наверший на Тясмине найдена в кургане № 407 у с. Журовка (табл. X, 5). Они лежали слева вдоль нижней части мужского скелета, стержни были перекрещены. Верхняя часть наверший состоит из двух пересекающихся полос железа, образующих бубенец с четырьмя прорезями. Аналогичные по форме навершия обнаружены в курганах № 1 станицы Келермесской и № 3 у хутора Поповки [49]. Кроме того, сохранились данные о находке четырех наверший со звериными головками (курган у с. Ма-

тусов [2, стр. 109—110]) и двух наверший со звериными головками (курганы у с. Васильевка в окрестностях Звенигорода [Каталог Выставок XI АС в Киеве. К., 1896, стр. 66]). Время и тип этих наверший остались неизвестными. За последние годы опубликованы два навершия с орлиными головками, близкими по типу к навершиям из Ульского аула, найденным в кургане у с. Защита [25, стр. 182 и сл.]. Комплекс этого погребения относится к началу V в. до н. э., выходя за хронологические рамки рассматриваемой нами группы.

Во всяком случае несомненно, что в VI в. до н. э. на южную окраину Лесостепи, в бассейн р. Тясмин, проникает тип скифских культовых наверший, свидетельствуя об усвоении местным населением тех же религиозных представлений и обрядов, которые бытовали у степных скифов.

Из курганов рассматриваемой нами территории происходит два бронзовых топорики-скипетра в виде орлиных головок. Один из них найден в окрестностях с. Пастырское, изображение другого сохранилось в зарисовках вещей из собрания Ф. Ф. Кундеревиича [50, стр. 210, рис. 3—5]. Комплексы, откуда происходят эти топорики, остались неизвестны. Ближайшей аналогией им являются орлиноголовые топорики, найденные в степной полосе: из собрания П. О. Бурачкова и из погребения в кургане № 25 у с. Кичкас, из чего можно заключить, что они относятся скорее к V—IV, нежели к VI в. до н. э.

Как уже отмечалось, подобного рода топорики-скипетры восходят к конноголовым скипетрам предскифского времени, известным в памятниках фрако-киммерийской культуры и ранних кочевников группы новочеркасского клада. За последние годы состав культовых топорилов подобного рода пополнился. К их числу следует отнести бронзовые секирки с солярным знаком на месте проуха, найденные в погребении № 50 могильника у хутора Кубанского [3, стр. 175, рис. 4, 2] и в прото-ананьевском могильнике Биляр (раскопки А. Х. Халикова). Изображения подобных секир имеются на каменных новомордовских стелах [156, стр. 183, рис. 5, 2]. Бронзовый конноголовый скипетр был найден в Венгрии, в составе клада бронзовых вещей VIII в. до н. э. [189, стр. 46, рис. 21].

В местной предскифской культуре чернолесского типа предметы подобного рода неизвестны, и появление здесь подобных культовых орлиноголовых жезлов, несомненно, связано с проникновением скифского влияния и усвоением местной знати знаков воинских отличий, которыми пользовались степные племена и земледельческое население скифской культуры в Левобережной Лесостепи.

Изделия в зверином стиле. В доскифское время в оформлении разного рода изделий чернолесской культуры из бронзы и кости, главным образом украшений и предметов конской узда, господствовал геометрический орнамент в виде различного рода концентрических кругов, лунниц, соединяющихся спиралей. Весьма обычны изображения круга или концентрических кругов, вписанных в четырехлучевую фигуру в виде бубнового туза — эмблема солнца. Подобные орнаментальные мотивы

хорошо представлены в украшении браслетов, предметов конской узды, а также блях — бронзовых четырехлепестковых и резных из кости, известных по находкам из Симферопольского и Носачевского погребений. Все эти орнаментальные элементы могут рассматриваться не только как специфично чернолесские, а как общие для всего предскифского периода на территории Восточной Европы и, в первую очередь, в памятниках ранних кочевников с культурой типа Новочеркасского клада в Причерноморье. Художественный стиль описываемого периода рассмотрен в работе А. И. Тереножкина [148, стр. 7].

В памятниках VII в. до н. э. на р. Тясмин эти орнаментальные мотивы представлены слабо. К ним можно отнести бронзовую круглую бляху с петлей сзади, по-видимому, от конской узды, из кургана № 4 (или № 6) у с. Опишлянка (табл. XXI, 4), орнаментированную кружками и пятью соединенными спиральями. К «общекиммерийским» элементам относятся изображения солярной эмблемы на пряжке-пронизи из кургана II у с. Рыжановка (табл. XXII, 2); на выступах псалий из кургана № 524 у с. Жаботина (табл. VII, 11). Как уже отмечалось, этот значок переходит в украшение предметов скифской узды VI в. до н. э. и встречается на крестовидных бляхах, выступающих концах псалий в качестве дополнительных элементов на ранних изображениях скифского звериного стиля [46, стр. 56 и сл.; 49, стр. 78].

Изображения в скифском зверином стиле появляются в Тясминских курганах не ранее рубежа VII—VI вв. до н. э. К числу наиболее ранних несомненно относятся изображения на костяных псалиях, пластинах и бляхах из кургана № 2 у с. Жаботина (табл. VI, 5—11).

Некоторые исследователи полагают, что эти изображения представляют как бы местное лесостепное влияние на образы раннескифского звериного стиля [31, стр. 158; 176, стр. 100; 10, стр. 39]. В отношении псалий на эту мысль наводит своеобразный геометрический орнамент, в виде обращенных друг к другу основаниями выемчатых треугольников, который сопоставляли с геометрическим орнаментом на лощеных черепках и кубках жаботинского этапа. Однако такое сопоставление едва ли правомерно, поскольку элемент «выемчатых треугольников» в орнаментации керамики не встречается вовсе. С другой стороны, как сейчас твердо установлено, этот мотив занимает весьма устойчивое место в раннескифской орнаментике [61, стр. 15].

Изображения лесей на жаботинских пластинах также были отнесены за счет лесостепных мотивов (Б. А. Шрамко), для чего нет достаточных оснований. Несомненно, в основе этого образа лежит местное творчество лесных и лесостепных народов. В период скифской архаики описываемый мотив уже прочно вошел в основной состав образов раннескифского звериного стиля. Изображения лесей встречаются среди изображений других животных на рукоятке келермесской секиры. Ближайшую параллель лесям на жаботинских пластинах дают гравированные изображения на бронзовом зеркале из кургана № 21 у Уйгара, где имеются две фигуры травоядных животных, заканчивающихся одной головкой. Одно сочетание туловища и головы дает образ лося с повернутой назад мордой, другое — фигуру этого же животного с

головой, вытянутой вперед. Трактовка фигуры, морды, форма рогов и уха аналогичны изображению лосей на жаботинских пластинах.

Изображения «лосих с детенышами» на костяных бляхах и лосей на костяных пластинах переданы в традиционной позе травоядных животных с поджатыми ногами и повернутой назад мордой. Как отмечает М. И. Вязьмитина [31, стр. 158, в сл.], они сопричастны изображениям травоядных животных (олений, горных козлов, косуль) «в жертвенных позах» из произведений сирохетского и сирохуритского искусства. На одной из жаботинских блях на плече животного изображен четырехлучевой солярный знак. Подобным же значком отмечена фигура оленя на пластине из кургана у с. Константиновка [65, стр. 106]. Солнечные розетки украшают плечи львиных хищников на наконечниках ножен келермесского и мельгуновского мечей. Знаком креста помечены плечевые части скульптурных львов из Санджерли. Таким образом, едва ли можно сомневаться, что жаботинские изображения принадлежат к числу произведений раннескифского искусства и проникли в местную среду вместе с другими элементами скифской культуры на рубеже VII—VI вв. до н. э.

Полностью соглашаясь с М. И. Вязьмитиной в отношении семантического значения зооморфных образов из жаботинских погребений и их связи с культом солнца и идеей плодородия, мы в то же время решительно отвергаем мнение автора, что на жаботинских пластинах изображена натуралистическая сцена рождения лосенка и сопричастные этому действия различных животных. «На другой пластине, — пишет М. И. Вязьмитина, — изображены четыре фигуры, объединенные попарно. В левой половине лежащая лосиха... с загнутым выше коротеньким хвостиком. У лосихи чрезмерно длинное ухо, над головой полумесяц. Она облизывает новорожденного лосенка, изображенного вниз головой. В правой половине — лось с характерными рогами, оберегая новорожденного лосенка, прогоняет хищную птицу» [31, стр. 160—161]. Такая трактовка изображения совершенно произвольна и противоречит всему тому, что нам известно о раннескифском зверином стиле, где животные никогда не бывают объединены в осмысленную сцену, определенное действие, а самое большее, расположены вертикальным столбцом или горизонтальным рядом, геральдически попарно или же просто заполняют пространство без особой системы.

Развернутые в виде полумесяца рога «лосихи» (кстати заметим, что у лосих рогов не бывает) — не более чем один из приемов стилизации лосиных рогов, нередко трактованных в виде полумесяца или волют¹. Лосенок, изображенный вверх ногами, как на этой, так и на другой пластине, отнюдь не находится «в утробном положении», и нет никаких признаков, что он изображен «появляющимся на свет». Поза его совершенно обычна для изображения травоядного животного в скифском искусстве. Только из-за недостатка места мастер поместил его вниз головой и тем самым удачно заполнил пространство.

¹ М. И. Артамонов [10, стр. 39] безосновательно готов видеть в этих животных не лосей, а быков.

Столь же нелепа трактовка лосихи, «облизывающей теленка», с закрытым ртом и лося, «прогоняющего» хищную птицу, которые столь спокойно и ритмично изображены на одной из пластин.

Из других древнейших находок костяных изделий в зверином стиле следует упомянуть костяной наконечник псаля из кургана близ Шполы. Орлиная головка (табл. XXXIV, 4) очень древней схемы, без выделенного надклювья, имеет ближайшие аналогии с костяными наконечниками из раннескифских курганов у Серогоз, Темир-Горы, станицы Келермесской [46, стр. 49].

Костяная ложечка (табл. XXXIV, 2) уникальна по своему оформлению. Верхняя часть украшена двумя фигурками животных. Нижняя — фигуркой хищника кошачьей породы с поджатыми ногами, на которой стоит горный козел. Изображения не связаны смысловой композицией. Здесь повторяется известный в скифском искусстве прием расположения фигур животных по вертикали (келермесская секира, шумейковский кинжал и др.).

Хищник кошачьей породы изображен в традиционной манере, с поджатыми, свернутыми в кольцо, лапами и хвостом, ухом в виде сердцевидного «копытца», глазами, пастью, ноздрями, трактованными в виде кружков. Шерсть животного на плече и бедре передана вертикальными насечками, что свидетельствует о знакомстве мастера с подобными изображениями, выполненными под влиянием искусства древневосточного мира [58, стр. 64].

Горный козел напоминает фигурки, которыми оформлены ручки котла из Келермесского кургана, а также фигурки козлов на предметах сако-сибирского искусства. Животные отделены от ручки двумя поясами врезного орнамента в виде зубчиков. Этот мотив особенно отчетливо представлен на костяных пиксидах из Кармир-Блура, где он встречается с четырехлучевыми солярными знаками [113, стр. 93].

Костяной наконечник ножен украшен фигуркой кошачьего хищника, свернувшегося в кольцо (табл. XXXIV, 3). Как уже отмечалось, стиль изображения полностью аналогичен фигурке на костяном наконечнике ножен из Камир-Блура и золотом наконечнике ножен из Зивие. Вся группа изображений из резной кости относится к числу произведений скифского, а не местного искусства.

Среди остальных костяных изделий в зверином стиле большинство составляют резные псаля. Количество их заметно увеличивается к середине — второй половине VI в. до н. э. Одними из наиболее ранних являются две пары костяных псалий из кургана № 346 у Теклина (табл. XXV, 11, 20). Они гладкие, без звериных головок, верхний конец закруглен, на нижнем намечено конское копытце. По-видимому, эти псаля являются местной, еще не вполне умелой, попыткой воспроизведения скифских образцов. Из числа остальных следует упомянуть псаля с головками грифо-барана из курганов № 407, 432 у с. Журовка, 40 у Гуляй-Города, (табл. III, 2; X, 4; XII, 1), орла (Жаботинские псаля), коня с торчащим вверх ухом из курганов № 38 и 40 у Гуляй-Города (табл. II, 24; III, 1). Нижние концы псалий оформлены в виде

конского копытца. Подобные же сердцевидные копытца имеются на боковых выступах, в местах трех отверстий, на костяном псалии из кургана № 38 у Гуляй-Города (табл. II, 40). Все они являются точными воспроизведениями основных скифских образцов.

Остановимся на псалиях с изображениями головок коней из Гуляй-Городских курганов. Псалии подобного рода с изображением головок коней с опущенной мордой и торчащими вверх или вперед ушами особенно широко представлены в Посульской серии находок. Б. А. Шрамко [176, стр. 100 и сл.], А. И. Шкурко [169, стр. 9 и сл.] готовы видеть в них изображения головок хищников кошачьей породы. С таким толкованием трудно согласиться.

Как бы ни была условна передача зооморфного мотива в раннескифском искусстве, в основе его всегда лежит некий канонизированный и достаточно реалистичный образ. Условное воспроизведение повторяет определенную схему, сложившуюся на базе основного мотива. Нередко она может сводиться к какому-либо одному признаку. Причем, этот признак является общим для зооморфных схем на огромной территории и служит указанием для прочтения образа. В качестве таких признаков могут быть названы спиральный завиток клюва орла, выступающий рог барана, копыто коня в виде сердцевидной фигуры и др. В данном случае, трактовка основного образа головки коня, хищника кошачьей породы и их производные условные модели совершенно различны. В изображении головы кошачьего хищника доминирует элемент мягкости, округлости в передаче контура морды, нижней челюсти, пасти, ноздрей, глаз. Круг и овал — основные элементы стилизации головы этого хищника. Ухо бывает передано кружком, овалом или сердцевидным знаком. В схеме коня преобладает прямолинейный контур морды и, как главный признак, остроконечное торчащее ухо.

Интересен костяной дуговидно изогнутый псалий из кургана у с. Журовка (рис. 8), оба конца которого оформлены в виде головок хищников кошачьей породы. Это редкое для костяных псалий изображение показывает приемы стилизации данного образа животного в применении к названной группе предметов. Ухо округлое с сердцевидным основанием. Глаз и ноздри переданы точками. Пасть — в виде полуовала с выделенными в ней зубами, клыками и языком. В данном случае манера стилизации восходит к келермесской пантере. В близкой манере переданы изображения головок хищника кошачьей породы на бронзовой бляхе из Келермеса, бронзовом навершии железного ножа из кургана № 6 у Берестняг и бронзовой бляхе из кургана № 43 у Гуляй-Города.

Весьма оригинальна костяная пряжка-пронизь из кургана № 211 на р. Тенетинка (табл. XXX, 13) с головкой грифо-барана. Своеобразие заключается в том, что в данном случае не сама пряжка оформлена в виде головки, как это обычно бывает, а головка вырезана сверху, составляя как бы накладную бляху. С таким вариантом мы встречаемся в оформлении пряжек-пронизей из Келермеса, Старшей Могилы и пр.

Из числа костяных поделок следует упомянуть фигурку зайца из кургана № 38 у Гуляй-Города (табл. II, 22). В раннескифской серии

этот мотив встречается обычно в качестве дополнительного элемента. Так, фигуркой зайца отделено от клюва основание орлиной головки на костяном наконечнике из Темир-Горы. Такой же мотив использован в качестве дополнительного среди других звериных образов в оформлении бронзового навершия с головкой грифо-барана из кургана № 476 у с. Волковцы (поздний VI в. до н. э.). В виде фигурок зайца оформлены ноздри головки коня на золотом наконечнике из Ульского ауда [9, рис. 15, 18; 10, рис. 34]. Самостоятельным мотивом фигурки зайца встречаются в украшении золотой пекторали (по концам сторон) и серебряного «блюда» из Зивне.

Из числа изображений в зверином стиле, выполненных в бронзе, особенно интересны фигурки животных на мече из Киевского исторического музея, сохранившемся в зарисовках Б. З. Рабиновича (рис. 7). На одной стороне рукояти от навершия до перекрестия изображены горизонтальным рядом: горный козел, «пантера», бык с рогом в профиль, кабан, заяц. На другой стороне — бык с двумя рогами и головой повернутой вправо, фигура травоядного животного (лося?) с «вывихнутым» туловищем и повернутой назад мордой, фигура оленя или лося в стиле жаботинских пластин, головой влево и вверх ногами по отношению к двум предыдущим и вторая фигура хищника кошачьей породы также обращенная влево. Как уже отмечалось, этот странный набор животных и их композиция представляется нам попыткой местного мастера создать собственный «шедевр» в духе келермесского оружия.

Среди других изображений интересна плохо сохранившаяся бронзовая бляха в виде фигурки кабана из кургана № 38 у Гуляй-Города (табл. II, 23). Это единственная известная в скифском искусстве аналогия изображения фигурок кабана, известных в ранних памятниках сакского мира. Такова бронзовая фигурка дикого кабана из Северного Казахстана, замечательные аппликации из тонкого золотого листка, найденные в Золотом кургане долины р. Чиликты [37, стр. 8 и сл.; 163, табл. XVII, XVIII]; изображение кабана выгравировано на роговой застёжке из кургана № 3 в могильнике Тасмола V [63, стр. 397]. Обычный для сакского искусства образ кабана в подобной трактовке весьма редок в раннем искусстве скифов Причерноморья.

Из других мотивов следует упомянуть головки коня в фас, украшающие костяные и бронзовые пряжки-пронизы и бляху из курганов № 38, 48, 319 у Гуляй-Города (табл. II, 35, 36; IV, 3, 8). Как уже отмечалось [52, стр. 108, 74], этот вариант изображения конской головки получил особое распространение в поздний период скифской археологии.

На костяных и бронзовых пряжках-пронизях известны изображения головок орла (Гуляй-Город — № 38, Константиновка — № 244, табл. II, 32; XIII, 16), барана (Гуляй-Город — № 38, табл. II, 30, 31), грифо-барана (Журовка — 407, табл. X, 10, 11). В позднеархаическом комплексе кургана № 48 у Гуляй-Города найдена бронзовая бляшка в виде головки львицы с оскаленной пастью и торчащими клыками, близкая к изображению на костяном псалии (табл. IV, 4) — мотив, получивший широкое распространение в комплексах V в. до н. э. Выше

мы рассматривали золотые бляшки в виде фигурок коней, оленей и ланей, входящих в состав раннескифского парадного ритуального убора.

Этими, сравнительно немногочисленными, изображениями ограничивается по существу набор предметов вооружения, конской упряжи и украшений, оформленных в скифском зверином стиле. Подавляющая масса их происходит из комплексов VI в. до н. э. и почти не встречается в первой половине — середине VII в. до н. э. В составе зооморфных мотивов не имеется ни одного элемента, который можно было выделить в качестве оригинального, восходящего к местной доскифской традиции и который рассматривался бы как образ, сложившийся в местной среде и вошедший в состав скифской культуры. Наоборот, все известные здесь звериные мотивы широко распространены в памятниках южноскифской группы, древнейшие из которых известны на территории Закавказья, Кубани, Нижнего Дона и Степной полосы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше мы привели имеющиеся данные об арханческих курганах Тясминского бассейна и рассмотрели вопросы относительной хронологии, погребального обряда и всех категорий инвентаря в сравнении с памятниками предыдущего и последующего периодов.

Не вызывает сомнения, что арханческие погребения бассейна Тясмина и связанные с ними поселения жаботинского типа составляют часть памятников широкого этнокультурного образования, занимающего территорию от Днепра до Днестра, от южных границ Полесья до степной полосы. Эта общность имеет общие генетические корни в памятниках белогрудовской и чернолесской культур, хотя в дальнейшем, начиная с VII в. до н. э., распадается на ряд локальных подразделений, разделяющихся по степени сохранения и консервации старых доскифских форм (северо-западные группы) и по мере восприятия культурных влияний, идущих со стороны Степного Юга и Днестро-Дунайского бассейна. В этом отношении район Тясмина, наиболее южный, граничный со степью и связанный с артерией Днепра, оказался больше всего восприимчивым к различного рода культурным контактам и связям, в чем и заключается одно из главных своеобразий памятников данной территории в период конца эпохи бронзы и раннего железного века.

В свою очередь, на данном культурном этапе племена правобережной лесостепи, с их высокоразвитой для своего времени оседло-земледельческой культурой и в первую очередь обжитый и густозаселенный бассейн Тясмина, начинают оказывать все более и более существенное влияние на культуру ряда смежных племен и народов. Рассмотрим некоторые из этих взаимосвязей.

Племена южной части Правобережной Лесостепи и Степного Поднепровья. Генетический ряд населения скифской культуры Правобережной Лесостепи, через чернолесский и белогрудовский этапы, восходит к памятникам восточнотшинецкой культуры бронзового века. Она известна, главным образом, в более северных глубинных районах лесостепи на широте Киева. Наиболее южными памятниками ее на этой территории являются: поселение у с. Мошны в междуречье Тясмина и Роси [44; 20], упомянутые выше курганы № 41 у Гуляй-Города и 347 у с. Теклино.

По времени памятники восточнотшинецкой культуры соответствуют развитой поре срубной культуры в степи и в какой-то степени ранней ступени сабатиновского этапа позднесрубной культуры. Основание для выяснения хронологического соотношения этих культур получила Г. И. Смирнова при раскопках поселения у с. Магала возле г. Черновиды. Верхний слой этого поселения относится к культуре Гава в Венгрии и Румынии (XI—IX вв. до н. э.). Ниже этот слой подстилает горизонт культуры Ноа. В 1968 г. на одном из участков поселения, ниже одного из наиболее ранних жилищ культуры Ноа, был обнаружен слой комаровской культуры, который может быть датирован первой половиной XIII, а весьма возможно и XIV в. до н. э. [133; 135, стр. 12 и сл.].

Хорошо установленным в науке фактом является культурная близость и хронологическое соответствие сабатиновского этапа в степи и культуры Ноа в Пруто-Днестровском бассейне и Трансильвании. Эта связь настолько сильна и многогранна, что многие ученые считают, что само образование культуры Ноа является результатом проникновения за Днестр племен срубной культуры, наслоившихся здесь на культуру местных племен типа Монтеору [134; 16; 186]. В культуру Ноа проникли сабатинские предметы из металла, о чем свидетельствуют находки литейных форм на поселении у с. Островец Ивано-Франковской области [15], орудия из кости: тупики, резные лопатки, псални, поворотные гарпуны и проч. [186]. Очевидно, в результате влияния сабатиновской культуры сложились также некоторые типы керамических форм, близких к типу срубных баночных горшков с валиковыми налечами. С другой стороны, в состав сабатиновского керамического комплекса проникли такие элементы, как лощеные двуручные кубки, подлощенность простых горшков. С влиянием этой культуры связано появление бронзовых булавок кипрского типа, булавок с радикальными выступами, с кольцевидными головками и трапециевидными подвесками, импорт металлических изделий семиградской формы [143]. По данным А. М. Лескова и Е. В. Черных, сабатиновские изделия, найденные в степной части, были изготовлены из западной семиградской бронзы [76; 165].

Между племенами сабатиновского этапа срубной культуры и населением культуры Ноа в лесостепной полосе к западу от Днестра существовали самые тесные связи, что нельзя сказать о взаимоотношениях населения культуры Ноа с комаровско-тшинецкими племенами в правобережной части Среднего Поднепровья. К числу немногих фактов, свидетельствующих о контактах между этими культурами, относится найденная в кладе бронзовых вещей из Бельни в окрестностях Галаца (относящегося к культуре Ноа) бронзовая булавка с трапециевидной головкой, известная по памятникам комаровской культуры [186; Смела, I, стр. 102; 196, стр. 174]. Металлических вещей, относящихся к кругу культуры Ноа, в комаровских комплексах обнаружено не было. Что касается двухухих ваз из комаровских памятников на Волыни, то, вероятно, они связаны не столько с культурой Ноа, сколько с предшествующей ей культурой Монтеору [73, стр. 62; 74, стр. 69]. Еще бо-

лее неуловимым остается культурный контакт между сабатиновским населением Степи и племенами комаровско-тшинецкой культуры Лесостепи. В этом отношении особенно важно отсутствие сабатиновских металлических предметов в комплексах комаровских поселений и погребений, хотя проникновение бронзовых вещей степного сабатиновского типа в пределы данной территории было весьма значительным. Единственным случаем является находка степного кельта на поселении сеницкого типа у с. Зазимье на Киевщине, который С. С. Березанская датирует XIII—XI вв. до н. э. [20]. К сожалению, кельт был найден на дюне, а не в комплексе, и его связь с остальным материалом поселения остается небезупречной.

Все сказанное заставляет думать, что комаровско-тшинецкие памятники только на позднейшем своем этапе были одновременны с сабатиновскими и тесно связаны с культурой Ноа, и не имели между собой существенного взаимного контакта.

Какая ступень в развитии местных культур Правобережья в наибольшей степени соответствует времени существования сабатиновских памятников в Степи, сказать пока трудно. Гипотетически это должны быть памятники позднейшей комаровской и древнейшей белогрудовской культур. Однако эта ступень, соответствующая XIII—XII вв. до н. э., выявлена здесь недостаточно четко. Единственным достоверно комаровско-белогрудовским памятником этого периода является поселение в уроч. Гончариха у с. Сахновка, исследованного Ю. В. Кухаренко¹. Керамический материал поселения близко напоминает найденный на поселении у с. Мошны, сочетая в себе элементы комаровской и белогрудовской культур. Однако в отличие от Мошнянского поселения, не давшего твердых основ для датировки, на поселении Гончариха была найдена резная костяная лопатка, четко привязывающая этот памятник ко времени сабатиновки.

Несомненно, что в сабатиновский период южная часть Правобережной Лесостепи испытывает определенное влияние со стороны степи, что сказалось в проникновении сюда памятников сабатиновского типа. Фрагменты сабатиновской керамики были встречены на Чернолесском городище, в нижнем слое Субботовского городища [138, стр. 131; 142, стр. 56]. Несколько погребений с баночными горшками обнаружены на Тясминском городище, в кургане у с. Зеленки, кургане № 25 у с. Куриловки [142, стр. 55—56]. О степном влиянии свидетельствует проникновение в Правобережную Лесостепь большого количества металла этой эпохи. Однако четкая связь его с каким-либо из проявлений местных культур остается пока мало выясненной. Следы проникновения элементов лесостепной северной культуры в степь на сабатиновском этапе почти не прослеживаются. Определяющим на этой ступени является культурный контакт степных племен с заднестровским населением культуры Ноа.

Существенное изменение обстановки наблюдается на следующей ступени культурного развития, представленного памятниками

¹ Любезное сообщение Ю. В. Кухаренко.

белозерской ступени позднерубной культуры в степи и белогрудовской и раннечернолесской ступени в Правобережной Лесостепи (XI—IX вв. до н. э.).

Одним из основных признаков, отличающих белозерскую ступень от предшествующей сабатиновской, является отсутствие выразительных следов контактов с культурой Ноа, которая на западе исчезает внезапно, по-видимому, катастрофически и сменяется культурой фракийского гальштата, не имеющей генетической связи с культурой Ноа. Исчезновение элементов культуры Ноа в памятниках Степи является своего рода хронологическим и культурным рубежом сабатиновского и белозерского этапов.

Следует отметить, что население степной белозерской культуры не сохранило полностью контактов с новыми племенами Заднепровья, подобные тем, которые существовали с носителями культуры Ноа. Исчезновение элементов культуры Ноа не сменилось равным по силе проникновением в степь культуры фракийского гальштата. Очевидно, отношения между двумя этими группами населения сложились иначе, чем в предшествующую пору. Небольшое количество обломков лощеных сосудов с каннелированным орнаментом, по форме близких к фракийскому гальштату, было найдено только на поселении у с. Тудорова, на правом берегу Днестра в его нижнем течении [94, стр. 113 и сл.]. На остальных степных поселениях этого времени керамика такого типа не составляет сколько-нибудь заметного элемента.

А. М. Лесков, исследовавший Кировское поселение на Керченском п-ве, которое существовало в сабатиновское и в белозерское время [77, стр. 7 и сл.], отмечает, что в нижнем сабатиновском слое преобладают обломки двуухих лощеных сосудов (он неудачно называет этот тип черпаками), тогда как в верхнем слое основной тип лощеных сосудов представлен круглотелыми цилиндрическими сосудами типа кубков.

Лощеные корчаги, двуухие вазы и кубки А. М. Лесков не связывает с основным сабатиновско-белозерским комплексом, а считает их заимствованными «в результате тесных культурных связей с западными соседями позднерубных племен на сабатиновском этапе» [77, стр. 26]. С наступлением белозерского этапа связь с культурой Ноа прекращается. Исчезают двуухие вазы. В составе комплекса белозерской культуры все более отчетливо прослеживаются новые культурные связи, направленные на правобережную часть Среднего Поднепровья к племенам с культурой типа белогрудовки и раннего чернолесья.

Н. Н. Чередниченко обратил наше внимание на то обстоятельство, что с концом сабатиновского периода в степи совпадает исчезновение кладов бронзовых вещей карпато-дунайских типов и характерных семиградских серпов. Неожиданно получают распространение кремневые серпы, хорошо представленные в памятниках белозерского этапа. Напомним, что последние хорошо известны в памятниках белогрудовской культуры.

Начиная с этого времени, наиболее характерной формой лощеных сосудов в составе белозерского комплекса становятся круглотелые куб-

ки и глубокие кружковидные черпаки с высокими петельчатыми ручками, типичные для памятников белогрудовской и позднечернолесской культур, представленные в материалах Собковского, Андрусовского поселений и чернолесских городищ (рис. 10, 13). Как уже отмечалось выше, оба эти типа имеют местные древние прототипы своих форм [18].

В степной полосе кружковидные черпаки были найдены в Федоровском могильнике, могильниках у с. Волошское, Игреня-Подкова, Компанийцы и др. (рис. 11). Обломки петельчатых ручек подобных черпаков были обнаружены на ряде поселений, в том числе и на Кировском.

Кубки белогрудовского и раннечернолесского типов встречены в погребениях на о-ве Игреня (уроч. Подкова), у с. Компанийцы (рис. 14), в погребениях белозерского этапа в курганах у с. Первомаевка, Лукьяновка [24, стр. 181—182; 23; 89; 43, стр. 138, табл. II, 1, 2, 7] (рис. 14, 1, 2, 4). Кубки чернолесского типа происходят из погребений у Днепрорудного, в балке Татарка, у с. Сукля, обломки их найдены на ряде белозерских поселений (у сел Белозерка, Любимовка, Бабино IV, Нижний Рогачик, Змеевка, Балка Яцева и др. рис. 14, 1—18).

О том, что проникновение этой керамики в степные районы шло преимущественно из области белогрудовско-чернолесской лесостепи, свидетельствует то обстоятельство, что в ряде случаев находки кубков и черпаков сопровождались характерными для белогрудовской культуры (рис. 24) бронзовыми височными подвесками, свернутыми из проволоки (Игреня, Подкова, Компанийцы, Кичкас, могила № 25 (рис. 11, 9; 14, 14) [89, стр. 70; 136].

Сосуды типа глубоких кружковидных черпаков просуществовали в белозерских памятниках сравнительно недолго и вскоре вышли из обихода. Более поздние варианты черпаков в степи не появились.

Иное дело кубки. Появившись на заре белозерского времени на смену двуухим сабатиновским вазам, они прочно вошли в обиход степного населения поднейшего этапа срубной культуры и постоянно встречаются в составе погребального инвентаря, приобретая характер специального ритуально-культового сосуда. Возможно, именно они являются той «священной чашей», которая вошла в скифский обиход, согласно «земледельческой» легенде о происхождении скифов.

Следует отметить, что в конце бронзового века лощеная посуда кубкообразных форм с резным геометрическим орнаментом становится распространенной на широкой территории, в том числе у народов, обитавших на периферии скифского мира (Северный Кавказ, Кизил-Коба, культуры фракийского гальштата и Басараба и проч.)¹, причем каждый из вариантов этих сосудов имеет свой отчетливо выраженный аспект по форме и орнаменту. Очевидно, в степь проникали кубко-

¹ По мнению кавказоведов [72, стр. 132 и сл.], сосуды кубковидных форм с геометрическим орнаментом, затертым белой пастой, не являются здесь исконными, а появились в определенный период конца эпохи бронзы под влиянием идущим извне. Чернолощеная керамика подобного типа и орнаментации известна в Казахстане и Сибири [38, стр. 31].

образные формы и с других территорий. Полного анализа степенных лощеных кубкообразных форм белозерского времени еще не сделано. В данном случае мы имеем в виду лишь группу сосудов, являющуюся, по нашему мнению, наиболее многочисленной и основной, которая имеет отчетливую связь с памятниками конца периода бронзы Правобережной Лесостепи. По-видимому, белозерское население вскоре начало изготавливать подобные сосуды, прочно вошедшие в обиход, и оказавшиеся тесно связанными с традициями погребального ритуала, что породило местные степенные варианты форм кубков.

На особое значение воздействия Правобережных форм указывает обстоятельство, что в VII в. до н. э. в степной полосе типично чернолесские кубки сменяются кубками жаботинского типа. К этому времени относится ряд захоронений, большей частью впускных, в которых единственным сопровождающим предметом являются чернолощенные кубки, по форме и мотивам орнаментации аналогичные жаботинским. Таковы сосуды из курганов у сел Кут и Терновка [60, стр. 40], Огородное под Одессой [137, стр. 134], в «Антоновской волости» под Одессой [из материалов А. А. Спицына], Пивденное и Маяки под Белгород-Днестровским [164, стр. 137], Вильно-Грушевка под Запорожьем (экспедиция Д. Я. Телегина), Парканы и Привольное в Поднестровье [95, стр. 117; 33, стр. 41]. Небольшая корчажка жаботинского типа была найдена в 1973 г. Херсонской экспедицией в кургане у с. Софиевка (рис. 15).

Во всех названных случаях наблюдается совпадение форм, отделки наружной поверхности, композиции орнамента, в виде широкого фриза, зачерченного геометрическими узорами и затертым белой пастой. Кубки, происходящие из степи, по густоте и насыщенности орнаментального поля, приемам и элементам узора в наибольшей степени близки сосудам жаботинской группы, датируемым VII в. до н. э.

Интересно, что из всего разнообразия жаботинских форм, именно кубки, и в меньшей мере близкие им корчажки оказались восприняты населением степной полосы и использованы в качестве ритуальных сосудов при погребениях. Нам представляется, что этот вид сосудов (круглотелые кубки) явился вкладом лесостепных племен в скифскую культуру, причем, древность проникновения этой формы и усвоение ее степным населением относится к белозерскому времени. Дальнейшее развитие такой формы сосудов можно проследить в изделиях из дерева [88, стр. 24] и в многочисленной посуде из благородных металлов, встречающихся в погребениях скифской знати IV в. до н. э.

На белозерском этапе и в VIII в. до н. э. в степь проникают небольшие корчажки чернолесского типа с раздутым корпусом, высокой суженной шейкой и характерным орнаментом. К ним относятся известные сосуды из кургана у с. Малая Цимбалка с зубчатым орнаментом и из Петрово-Свистуново с шишечками на плече. Выразительные сосуды из курганов № 3 у с. Суклен на Херсонщине и у Сурской Заборы, погребения № 2 кургана № 56 у с. Любимовка и многие другие (рис. 18). К более позднему типу относится жаботинская корчажка из кургана с. Софиевка. По-видимому, корчажки выступают здесь в качестве одной из разновидностей кубковых форм.

В памятниках чернолесской культуры хорошо представлены различные бронзовые орудия белозерского типа: шильца, двулезвийные ножи, бронзовые вкладыши. В лесостепи найдены также кельты белозерского типа.

Таким образом, белозерский этап, в отличие от сабаатиновского, характеризуется установлением более тесных культурных контактов и связей между племенами степной и лесостепной полосы.

Эта же тенденция продолжает сохраняться в VIII — начале VII вв. до н. э., когда белозерская культура в степи сменилась культурой ранних кочевников типа Новочеркасскогоклада, которую теперь принято называть также киммерийской. Как уже отмечалось, в этот период степенных погребений продолжают встречаться позднечернолесские и раннежаботинские сосуды типа кубков. С другой стороны, в лесостепь проникают единые для своего времени киммерийские типы вооружения и конского снаряжения. При этом до конца VIII в. чернолесская культура полностью сохраняет все основные черты своеобразия в образе жизни, особенностях погребального ритуала, составе керамики, местных особенностях бронзолитейного производства и проч. Резкое изменение обстановки в Правобережной Лесостепи, и особенно в ее южном районе бассейна Тясмина, происходит в VII в. до н. э., связываемом нами с жаботинским этапом.

Все сказанное выше рисует нам картину непрерывного, но очень энергично протекающего процесса исчезновения старых доскифских форм чернолесской культуры и замены их формами развитой скифской архаики во всех ее проявлениях.

Коренным образом изменяется обряд погребения. Исчезает преобладавший ранее обычай трупосожжений с захоронением в бескурганных могильниках. Господствующим становится курганный обряд погребения с трупоположением в больших подкурганных ямах с деревянными склепами в сопровождении скифского инвентаря. При этом следует отметить отсутствие стабильных признаков ритуала и сохранения ряда пережиточных черт обряда трупосожжения.

Происходит полная смена всех типов вооружения. Существовавшие ранее мечи и кинжалы «киммерийских форм» заменяются генетически не связанными с ними скифскими; появляются неизвестные ранее наконечники копий и боевые топоры; изменяется состав колчанных наборов. Известные в чернолесской культуре типы костяных и бронзовых наконечников группы новочеркасскогоклада заменяются наконечниками раннескифских — жаботинских, а позднее — келермесских типов. Генетической связи между ними не прослеживается. В погребениях местной знати появляются скифские панцирные доспехи, ранее неизвестные.

На протяжении VII в. до н. э. исчезают доскифские типы вещей конского снаряжения из кости и бронзы. Они сменяются новыми типами общезвестных для раннескифской культуры удиц, псалий, бронзовых и костяных блях и пряжек-пронизей. Полностью выходят из употребления столь характерные для чернолесской культуры бронзовые украшения, сменяясь совершенно новыми общескифскими типами се-

режек, булавок, браслетов, колец, многие из которых, как мы теперь знаем, изготавливались в греческом ремесленном поселке на берегу Ягарлыцкого залива. Сделанные по скифским образцам, они поступали сюда как предметы импорта. В настоящее время имеются основания говорить, что с этими же и подобными им ремесленными центрами связано изготовление и проникновение в скифскую культуру различного рода ранних пастовых бус из стеклянной массы, пасты, полудрагоценных камней.

О глубоких изменениях в области идеологии свидетельствует исчезновение характерного для чернолесья линейно-циркульного и спирального орнамента, замена его новым — в раннескифском зверином стиле. Появляются типичные скифские принадлежности.

Ни одну из этих категорий вещей нельзя рассматривать в генетической связи с предшествующей культурной традицией местного населения чернолесской культуры, вошедшей затем в состав скифской культуры. Все названные элементы заимствованы местными племенами извне, в готовом сложившемся виде и в тех же формах, что и на всей остальной территории Северного Причерноморья с наступлением скифского периода. Исчезновение и замена, а не возникновение на месте и распространение их из чернолесского центра, — такова была картина, наблюдаемая здесь в рассматриваемое время.

Быструю и непрерывную эволюцию претерпевает керамика. Основные ее формы и типы восходят к чернолесскому периоду. Нанвысший расцвет декорировки столовой чернолесской посуды и сосудов типа корчаг приходится на VII в. до н. э. Начало этого явления наблюдается в памятниках позднего чернолесья. По-видимому, появлению некоторых орнаментальных элементов в общем процессе «орнаментального взрыва» способствовало влияние, идущее со стороны культур карпато-дунайского бассейна, в первую очередь культуры Басараби и Бабадаг. Оно особенно отразилось на южных районах Правобережной Лесостепи и в значительно меньшей степени на ее северных районах.

На протяжении VII в. до н. э. наблюдается угасание и исчезновение орнаментированных кубков, черпаков, корчаг и приближение керамики Правобережья к основным наиболее распространенным формам скифской посуды: горшков, мисок, кувшинообразных сосудов. Происходит постепенная ассимиляция форм.

Погребальный обряд свидетельствует о растущей имущественной и социальной дифференциации, о все увеличивающемся значении родовой верхушки и всадничества, выделении сословия знати. Нарастание этого процесса особенно усиливается в период V—IV вв. до н. э. С начала VI в. до н. э. возникает и приобретает все более стабильный и систематический характер обмен с греческими городами Северного Причерноморья. С этого времени в обиход местного населения прочно входит греческая посуда (амфоры, чернолаковые и расписные сосуды).

С конца VII — начала VI вв. до н. э. Правобережная Лесостепь и ее Тясминская группа не составляют уже своеобразного изолирован-

ного явления, а входят как определенная часть в общескифский культурный массив.

Все это свидетельствует об изменившейся исторической обстановке, установлении господства кочевых племен в степной полосе и сложении первого крупного политического объединения Причерноморской Скифии, включившей в свою территорию племена лесостепной полосы Поднепровья. В течение почти четырех столетий население Лесостепи оказалось вовлеченным в сферу политического, экономического и культурного влияния со стороны степного скифского мира. Ни до этого, ни на многие века позднее, после падения скифского могущества, население степной и лесостепной зоны Северного Причерноморья не было объединено в столь прочное культурно-политическое объединение, как в период от VII—VI до конца IV и начала III вв. до н. э.

Анализ материальной культуры памятников VII—VI вв. до н. э. бассейна Тясмина ни в коей мере не подтверждает гипотезу Б. А. Шрамко о формировании основ скифской культуры в среде племен Лесостепной полосы.

Племена Правобережной Лесостепи и население Поднепровья. Времени позднего чернолесья и жаботинского этапа в Правобережной Лесостепи на территории Днестро-Дунайского междуречья, в Румынии, Молдавии, Северной Болгарии и Югославского Баната соответствуют памятники так называемой культуры Басараби, выделенной румынскими археологами в начале 50-х годов [199, стр. 105]. По мнению А. Вульпе, время ранней (первой) фазы культуры Басараби охватывает период от середины VIII — до конца VII вв. до н. э. (НВ-3, до НД-1), а вторая фаза — конец VII — первую половину VI вв. до н. э. (НС).

Непосредственным продолжением культуры Басараби А. Вульпе считает культуру типа Бырсешти-Фериджеле в Олтении и Мунтании, принадлежавшую, по его мнению, фракийскому племени агафирсов [200, стр. 205 и сл.]. В среде румынских археологов существуют определенные расхождения в отношении хронологических рамок культуры Басараби, датировки отдельных памятников и их соотношений [199; 184, стр. 257—258]. Истоки происхождения культуры Басараби также не вполне ясны. Неясным остается вопрос, составляет ли она монолитную культуру или несколько локальных культурных подразделений [199; 197, стр. 27 и сл.].

Существенные разногласия имеются в отношении трактовки этнической принадлежности этой культуры. А. Вульпе считает, что это было древнейшее образование фракийских племен. В. Думитреску настаивает на их иллирийской принадлежности. Для нас наиболее существенным является то, что эта культура параллельна жаботинскому этапу, а также что она составляет совершенно самостоятельный комплекс, развивающийся независимо и порождающий в развитую скифскую пору культуру типа Бырсешти и Фериджеле.

Между культурой Басараби и памятниками позднечернолесского и раннежаботинского типов существовала определенная связь, сказавшаяся во взаимопроникновении отдельных мотивов орнамента и форм.

Частично это шло за счет непосредственных контактов, а частично за счет общего для той и другой культуры влияния из области Гальштата.

Среди орнаментальных мотивов культуры Басараби имеются поля зигзагообразных отпечатков перевитого шнура, оттиски S-овидного или круглого штампов в вершинах углов; композиции, составленные из оттисков S-овидного штампа, оттисков круглого штампа с кресто-видной фигуркой в центре. Обычным орнаментальным элементом являются изображения заштрихованных мальтийских крестов, композиции из заштрихованных треугольников, в том числе и треугольники, разделенные на четыре поля, из которых среднее оставлено чистым, а крайние заштрихованы. Особенно часто подобным образом украшены отогнутые края мисок. Выше, при описании керамики, мы называли миски из кургана № 406 у с. Журовка и обломок миски, найденный на Тарасовой горе, редкие для памятников местного типа и близко напоминающие миски культуры Басараби.

За счет общего влияния в памятниках той и другой культур можно отнести элементы пластической орнаментации в виде налепов и каннелюр, главным образом на сосудах типа мисок, кувшинов и корчаг типа вилановы. Ярким примером проявления влияния культуры Гальштата в памятниках культуры Басараби может служить материал могильника у с. Шалданешты [97, стр. 62 и сл.], относящегося, по мнению румынских исследователей и автора раскопок (А. И. Мелюкова), к числу памятников культуры Басараби на территории Молдавии.

В то же время общие элементы резного, штампованого и пластического орнамента в памятниках культуры Басараби украшают сосуды совершенно иных форм, нежели в Чернолесье и Жаботине. Для культуры Басараби характерны кувшинообразные сосуды с петельчатой ручкой, двуухие вазы, миски на высокой ножке. В составе орнаментальных композиций лощеной столовой посуды обычны пояса с округло свисающими гирляндами из рядов параллельных линий и каннелюр, композиции из спиралей, завитков, мотива «бегущей волны». На протяжении всего периода ведущей формой кухонной посуды являются горшки с конически расширяющимися стенками, украшенными валиками и характерными ручками-упорами. Совершенно иными типами представлен набор металлических вещей: мечи, копья, фибулы, булавки, витые браслеты и проч.

С другой стороны, в области распространения памятников культуры Басараби встречаются вещи так называемого фрако-киммерийского типа, связываемые с влиянием, идущим из области Северного Причерноморья. Таким образом, элементы связи между культурой Басараби и памятниками Правобережной Лесостепи не выходят за рамки взаимообщений и культурных контактов, обычно складывающихся между одновременно существующими народами, территориально близкими и находящимися на одной ступени хозяйственного и культурного развития.

Другой культурой конца периода бронзы в южном Подунавье являются памятники типа Бабадаг в Добрудже. Наиболее полные све-

дения об этой культуре имеются в работе С. Моринца [191, стр. 101 и сл.]. Новые данные об одном из памятников и карта распространения этой культуры приведены в работе М. Чичиковой [201, стр. 79 и сл.].

На поселении Бабадаг была найдена керамика в форме биконических корчаг типа вилановы, украшенных каннелюрами и остроконечными шишечками на плечиках, аналогичные по форме корчажки меньших размеров; глубокие кружки с петельчатыми ручками; двуухие вазы; миски с загнутым краем, горшки баночной формы с валиком выше пояса. Так как большинство материала на поселении оказалось фрагментировано, далеко не все керамические формы могут считаться уточненными.

В орнаментации керамики широко представлен мотив каннелюр и пластических налепов и шишек, что расценивается как результат влияния культуры гальштата, а также затертый белой пастой зубчатый орнамент, образующий составленные из нескольких отрезков композиции треугольников, ромбов. Особенно часто встречаются оттиски S-образных и кольчатых штампов, соединенных по касательной отрезками зубчатых отпечатков, сделанных в углубленном рельефе поясом опускающихся полукругом гирлянд.

При раскопках Трои, в слое VII B-2 были найдены обломки подобной керамики, появление которой связывается с фрако-киммерийским нашествием и разгромом города. Поскольку каннелированной керамики группы Бабадаг в этом слое Трои не оказалось, было сделано заключение, что здесь представлена керамика древнейшей ступени культуры Бабадаг того периода, когда она еще не подверглась влиянию гальштатской культуры [191, стр. 101 и сл.].

Поскольку слой Троя VII B-2 датируется XII—XI вв. до н. э., то к нему относят древнейший период культуры Бабадаг. Нижний горизонт самого поселения Бабадаг, в котором эта керамика уже встречается вместе с гальштатской, относят, соответственно, к более поздней поре X—IX вв. до н. э. (период НВ). Считают, что культура Бабадаг продолжала существовать и позднее, в период среднего гальштата (VIII—VII вв. до н. э.), и была синхронной ранним памятникам культуры Басараби. Основания для таких поздних датировок в работах румынских археологов очень неясны. В качестве аргумента приводится то обстоятельство, что в верхнем слое поселения Бабадаг была найдена керамика типа Басараби. По наблюдениям С. Моринца, керамика поздней фазы культуры Бабадаг характеризуется черным лощением, изредка орнаментирована каннелюрами и прочерчена, но в основном без орнамента.

Полагают, что поздний период культуры Бабадаг представлен в материалах поселения у с. Стайканы в Молдове [182, стр. 132—155]. Здесь, наряду с обычными для памятников этой территории формами горшков, кружек с петельчатыми (иногда ленточными) ручками, сосудами типа вилановы, мисками с загнутым внутрь краем с пластической орнаментацией, найдены обломки лощеной посуды, украшенной поясами зигзага из параллельных рядов отпечатков со штампом в виде

колечек в вершинах углов; орнамент, сделанный из рядов S-образного штампа, ряды штампа из колечек, соединенных зубчатыми отрезками и образующие мотив «бегущей волны», свойственный культуре Бабадаг.

Рядом с названным поселением расположен могильник гальштатской поры, рассматриваемый ранее в комплексе с поселением. Однако найденные здесь сосуды близки к материалу из Шалданешты и связываются с культурой Басараби. При хронологической близости памятников их истолкование в качестве памятников различных культур выглядит не слишком убедительно.

Мы затрудняемся в оценке взглядов и мнений, высказанных румынскими археологами. Для нас важным является то, что культура Бабадаг, если она действительно доживает до VIII—VII вв. до н. э. и, поднявшись на север, существует параллельно с культурой Басараби, также представляет собой замкнутую локальную группу со своими формами керамики, элементами пластической орнаментации на сосудах некоторых типов (корчаги типа вилановы, миски, глубокие кружки с элементами штампованного, зубчатого S-образного и кольчатого штампа, затертого белым по черному лощеному фону). В отличие от культуры Басараби в орнаментации сосудов типа Бабадаг, помимо различия ряда керамических форм, очень слабо представлен резной геометрический узор типа заштрихованных треугольников и других геометрических композиций.

Третьей группой культур начала железного века в Западном Поднестровье являются памятники типа Сахарна-Солончены в Лесостепной Молдавии. Наиболее известными из них являются поселения у сел Сахарна, Солончены, Алчедар, Царевка, а также курганные погребения у сел Сахарна и Алчедар [91, стр. 64 и сл.; 93, стр. 85 и сл.; 107, стр. 65; 100, стр. 69—74, 126, стр. 121].

Памятники этого типа распространены исключительно на территории Молдавии и неизвестны пока в области Подунавья. А. И. Мелюкова отмечает наибольшую концентрацию памятников типа Сахарна-Солончены в области Правобережного Днестра [97, стр. 57 и сл.].

В недавно вышедшей работе А. И. Мелюкова вновь возвратилась к вопросу о хронологических и культурных соотношениях памятников конца периода бронзы и начала железа на территории Лесостепной Молдавии с памятниками Подунавья. Одним из наиболее важных положений ее работы является пересмотр датировок памятников типа Сахарна-Солончены в направлении их некоторого удревления и, соответственно с этим, пересмотр взаимосвязей памятников типа Сахарны и Шалданешты.

В X—IX вв. до н. э. в Лесостепной Молдавии существовала культура фракийского гальштата (типа поселений у Кишинева и Лукашевки), синхронная памятникам белозерского типа в Степном Причерноморье. Согласно прежним представлениям, А. И. Мелюкова полагала, что памятники типа Шалданешты также относятся к группе фракийского гальштата и датировала их VIII—VII вв. до н. э., тогда как памятники типа Сахарна-Солончены она отнесла к VII—VI вв. до н. э.,

параллельно существовавшему тогда представлению о времени жаботинского периода. В настоящее время памятники типа Шалданешты включены ею в группу культуры Басараби, причем не к самому раннему ее этапу — VII — началу VI вв. до н. э., а памятники типа Сахарна-Солончены ко времени от середины VIII — к началу VI вв. до н. э. Генетическая связь между всеми тремя группами отсутствует.

Таким образом, в какой-то период (главным образом VII в. до н. э.) памятники культуры Басараби (типа Шалданешты) и типа Сахарна-Солончены существовали вместе. А. И. Мелюкова полагает, что этот период был сравнительно коротким. Племена культур типа Басараби и Шалданешты при этом не смешивались между собой и взаимовлияние их было ограниченным. Не исключается возможность, что именно с приходом нового населения культуры Басараби связано исчезновение и затухание в Лесостепной Молдавии культуры типа Сахарна-Солончены.

Вся эта часть работы А. И. Мелюковой представляется нам вполне убедительной. Значительно менее обоснованным является положение о возможной культурно-генетической связи памятников культуры Бабадаг и памятников типа Сахарны, которое А. И. Мелюкова высказывает в очень осторожной и предварительной форме. Она не исключает, что появление памятников типа Сахарны в Лесостепи могло относиться к концу IX в. до н. э.; сближает некоторые формы и мотивы штампованного орнамента, известные в памятниках Бабадаг (Инсула Банулуй) и Сахарны. Вместе с тем она отмечает отсутствие в памятниках типа Сахарны-Солончены развитой группы каннелированной керамики, типичной для Бабадага, отсутствие подлинных хронологических и территориальных контактов, неясность соотношений форм керамического комплекса. К сказанному можно добавить, что в отличие от культуры Басараби в керамике культуры Бабадаг весьма слабо представлен резной геометрический орнамент, затертый белой пастой, столь характерный для памятников типа Сахарны. Кроме того, если считать, что поселение Стойканы характеризует собой наиболее северную и позднюю фазу культуры Бабадаг (VIII в. до н. э.), то культура его не соответствует материалу памятников типа Сахарны.

Нет никакого сомнения, что памятники типа Сахарны-Солончены в Молдавии представляют собой ближайшую параллель памятникам конца периода чернолесся и жаботинского этапа в Правобережной Лесостепи. Среди лепной керамики здесь широко представлены сосуды формы черпаков с высокими ручками, заканчивающимися отрезками, украшенные по поясу различными комбинациями геометрических фигур: обращенные вершинами вверх и вниз заштрихованные треугольники, заштрихованные ленты, образующие зигзаги, заштрихованные в шахматном порядке ромбы и т. п. Нередко орнаментальная композиция бывает выполнена зубчатым штампом, причем углы выделены штампом в виде кружочка, кружка с крестом посередине, S-овидными отрезками, расположенными в ряд или вертикально.

Весьма близки к жаботинским миски с поднятым вверх или загнутым внутрь краем, среди которых встречаются миски с пластическими

налепами в виде шишек, плоских выступов. Наружная сторона мисок в верхней части орнаментирована зигзагом из врезных линий или зубчатых отрезков. Близки раннежаботинским обломки больших корчагообразных сосудов, украшенных по поясу несколькими (от одного до трех) отрезками вертикальных налепных валиков, расчлененных насечками. Позднечернолесским и жаботинским формам близки сосуды в виде боченковидных «пиксид», украшенных геометрическим орнаментом.

Если говорить об отличиях, то следует отметить, что в памятниках типа Сахарна-Солончены недостаточно выразительно и многообразно представлены кубки. В Солонченах найдены сосуды, представляющие как бы видоизмененный вариант этой формы, приближающийся к типу кувшинов. Совершенно отсутствуют мелкие широкие черпаки и сосуды с радиальной орнаментацией. Вообще значительно меньше параллелей более поздним вариантам керамики жаботинского типа. Как ни странно, в памятниках типа Сахарна-Солончены весьма слабо представлена посуда с каннелюрами, в том числе типа корчаг и мисок.

Памятники типа Сахарна-Солончены в наибольшей степени соответствуют соединенному воедино комплексу позднего Чернолесья и раннего Жаботина, которые в Среднем Поднепровье чаще всего встречаются раздельно в памятниках чернолесского и жаботинского типов. Причем поздняя фаза Чернолесья оказывается как бы растворенной в массе более раннего чернолесского материала, в то время как раннежаботинский материал также остается невыделенным из остальной массы керамики чернолесского периода. В памятниках сахарнянской группы этот пласт оказался представленным монолитно, без раннего Чернолесья и без поздней ступени жаботинского этапа, включая в себя в основном период от середины VIII до середины VII вв. до н. э. Такое соответствие сказалось в составе вещевых находок. И там и здесь встречаются одинаковые типы костяных стрел, псалей, «пуговок» с двумя парами отверстий; льячки, кремневые серпы, бронзовые бляшки-восьмерки, сверленные шлифованные молоточки. Следует отметить, что весь состав вещей, роднящих по времени памятники сахарно-солонченской группы с позднечернолесскими и раннежаботинскими по своему происхождению не западный, а восточноевропейский, свойственный «киммерийскому» периоду племен Северного Причерноморья. Названная группа вещей могла проникнуть только с востока на запад, а не наоборот. Отдельные вещи западного типа, встречающиеся в памятниках типа Сахарна-Солончены (железные фибулы, бронзовые пластинчатые браслеты с продольными рубчиками, железные и бронзовые удила средневропейского типа, а из керамических изделий — глиняные антропоморфные орнаментированные плоские фигурки, подобные известным в культурах Подунавья) не проникли в чернолесско-жаботинскую культуру Среднего Поднепровья.

В составе простых кухонных горшков памятников типа Сахарна-Солончены имеются горшки чернолесско-жаботинского типа с проколами под краем и валиком с защипами по корпусу, или же подражающие им. Наряду с этим здесь имеются типичные для фракийской группы ба-

ночные горшки с ручками-упорами; кроме того, здесь наблюдается проникновение восточных среднеднепровских форм на запад при отсутствии обратного проникновения днепровских форм.

Все приведенные факты говорят в пользу гипотезы о происхождении сахарнянской группы Молдавии в связи с проникновением сюда населения из районов к востоку от Днестра в позднечернолесское время. Это население закрепилось на правобережье Лесостепной Молдавии и, придя в контакт с населением культуры Басараби и Бабадаг, стало активным проводником днестро-дунайских влияний на племена южной части среднеднепровского Правобережья. Именно за этот счет, вероятнее всего, следует отнести появление в позднечернолесский и позднее в жаботинский период, ряда новых элементов орнамента, связанных с культурами запада (в первую очередь, различные варианты штампованного орнамента), придававших особое богатство орнаментальным мотивам конца VIII — первой половины VII вв. до н. э. Более северные глубинные районы Лесостепи (Восточная и Западная Подолия, область Приднепровья к северу от Поросья) оказались в меньшей степени подвержены этому влиянию и сохранили чернолесские формы в более чистом виде. Жаботинский период отличается здесь меньшим расцветом резной орнаментики.

В пользу восточной гипотезы происхождения памятников сахарнянско-солонченской группы говорят следующие факты:

1. В то время, как памятники чернолесско-жаботинского типа представляют собой звенья единой культурно-генетической цепи, корни которой уходят вглубь местных культур, памятники типа Сахарна-Солончены не имеют генетической основы в памятниках местных культур предшествующего времени на территории Молдавии, Румынии и всего Днестро-Дунайского бассейна. Существующие здесь в период поздней бронзы культуры фракийского Галыштата, а еще ранее культуры Ноа не могут рассматриваться в качестве непосредственных предшественников сахарнянской группы. Гипотеза о происхождении ее от культуры Бабадаг в Добрудже на Нижнем Дунае не имеет достаточных оснований.

2. Сахарнянская группа появляется в Лесостепной Молдавии в результате проникновения в Лесостепное Поднепровье новой группы населения и концентрируется преимущественно на Правобережье Днестра, на границе с областью, заселенной племенами среднеднепровско-правобережного типа. Основные элементы ее культуры: керамика, оружие, конское снаряжение, украшения, погребальный обряд, — весьма близки к чернолесско-жаботинским.

3. Проникновение в новую среду способствовало усвоению новых элементов материальной культуры (браслеты, фибулы, ножички, удила, антропоморфные «образки», западные элементы орнамента, простые горшки фракийского типа с ручками-упорами). В этот период намечается общая тенденция сближения культур Лесостепного Поднепровья и Правобережной Лесостепи.

4. Где-то с середины VII в. до н. э. культурная группа Сахарна-Солончены клонится к упадку. Проявления ее становятся менее выра-

зительными. В VI в. до н. э. она исчезает, не оставив после себя генетического преемника, весьма вероятно, как полагает А. И. Мелюкова, под давлением племен группы Басараби с запада.

5. Жаботинская группа в Правобережье продолжает существовать, постепенно преобразуясь в культуру скифского типа. Начиная со второй половины VII в. до н. э., в ней резко идут на убыль черты, связанные с проникновением западной — заднепровской «моды», прежде всего, в богатстве и изысканности приемов орнамента керамики.

Племена Правобережья и население Посульско-Донецкой Лесостепи. В ряде специальных работ нам уже приходилось говорить о различных путях становления скифской культуры в Правобережной и Левобережной частях Среднего Поднепровья [47; 51; 52; 54; 55, 56]. В Левобережье отсутствует культурный пласт, соответствующий жаботинскому периоду¹, сущность которого заключается в переходе местной культуры от доскифских форм к восприятию скифского комплекса. В Левобережье VII в. до н. э. является временем разрыва между предшествующим и последующим культурными этапами. С этим периодом здесь связаны события, приведшие к катастрофическому исчезновению населения бондарихинской культуры и проникновению сюда земледельческо-скотоводческих племен скифской культуры, окончательно установивших здесь свое господство с начала VI в. до н. э.

Анализ археологических материалов и данные гидронимии позволили нам сделать вывод, что продвижение этого населения шло не с запада из области Правобережья, через бассейн Ворсклы, как предполагал И. И. Ляпушкин, а с юга, из Закавказья, Прикубанья и Степи, из того общего источника, откуда скифские ираноязычные племена влились в конце VII в. до н. э. в Причерноморье. В отличие от Правобережья, вновь пришедшие племена, носители иранского языка, принесли сюда культуру скифского типа во всех сложившихся формах, включая погребальный обряд, керамику, военизированный всаднический уклад жизни, обилие оружия, конского снаряжения, культовых наварш, массовую серию изделий в зверином стиле. Насыщенность памятников посульско-донецкой группы предметами скифской архаики на много превышает серию раннескифских находок в памятниках Правобережья, в том числе курганов тясминской группы.

В отличие от Правобережья в курганах Посулья, Псла, Северского Донца встречается сравнительно небольшое количество керамики совершенно иных типов.

Для памятников Левобережья нетипична лощеная керамика форм кубков, черпаков и корчаг, разнообразных вариантов мисок с рельефным орнаментом и дополнительными узорами. Отсутствуют типичные для памятников VI в. до н. э. Правобережья боченковидные горшки с массивным налипным рельефно-волнистым валиком под гладким краем венчика

Керамика посульско-донецкой группы отличается редким единообразием форм: кухонные горшки с выпуклым корпусом, зашипами и проколами по краю, миски простейших форм, кувшинообразные сосуды. В погребениях наиболее обычны небольшие горшочки и мисочки. Керамика очень устойчива и сохраняет свои основные особенности на протяжении всего скифского периода без особых изменений.

Таким образом, весь основной состав керамики Правобережья и посульско-донецкой группы, в том числе в одновременных комплексах VI в. до н. э., глубоко различен, так же как различны их генетические истоки и путь развития на протяжении скифского времени [53, стр. 147; 111, стр. 164].

Правобережные и левобережные племена Лесостепной земледельческой Скифии принадлежат народам различной этнической принадлежности, из которых первые составляют местное аборигенное население, вовлеченное в культурную и политическую орбиту скифского мира и вошедшее в Скифию под названием скифов-пахарей, а вторые — вновь пришедшие племена скифского языка и культуры, пастухи и земледельцы, то есть скифы-земледельцы в наиболее прямом и точном значении этого понятия.

¹ За исключением бассейна Средней Ворсклы. Об особенностях происхождения памятников Ворсклинской группы написан ряд специальных работ, что освобождает нас от необходимости вновь возвращаться к этому вопросу.

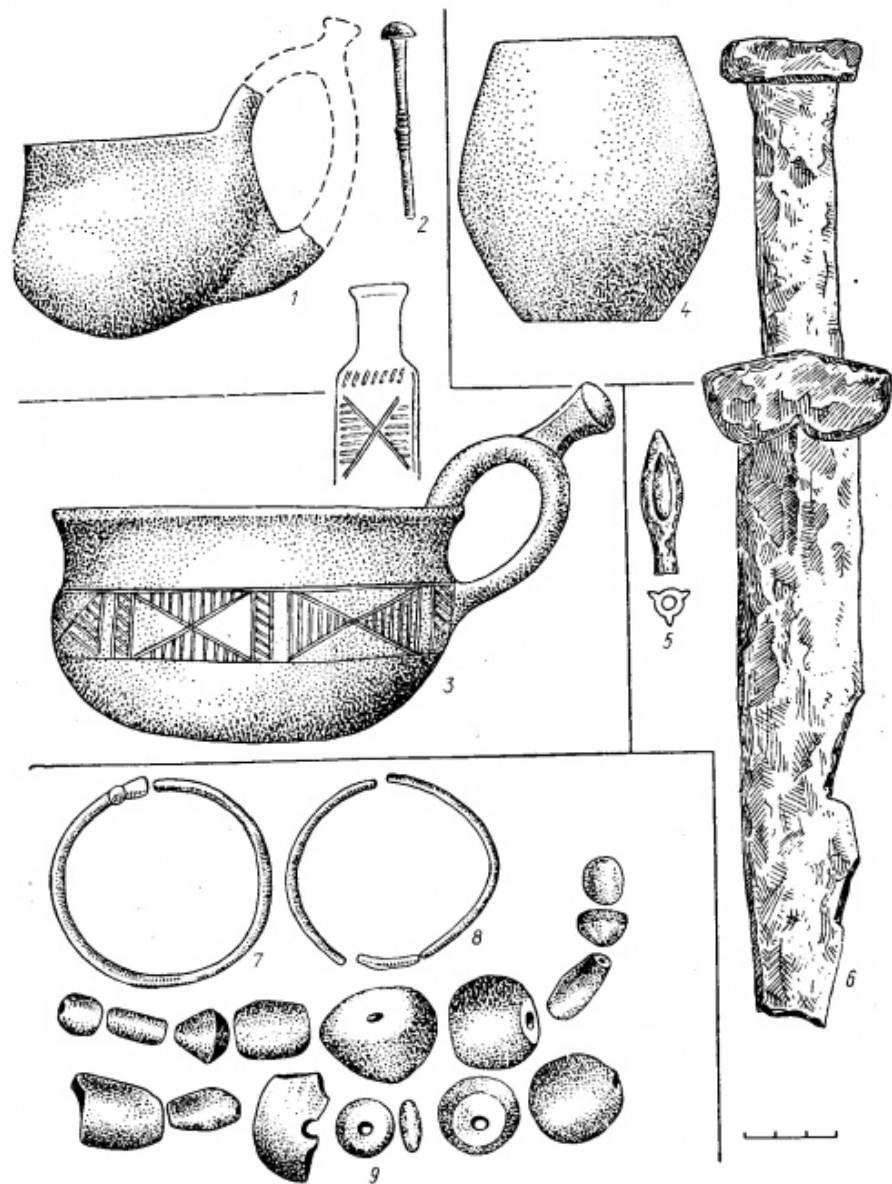

Табл. I. Предметы из курганов:

1, 2 — из кургана № 395 у с. Грушевка; 3 — из кургана № 391 у с. Грушевка; 4–6 — предметы из курганов у с. Грушевка; 7–9 — из кургана № 33 у с. Гуляй-Город.

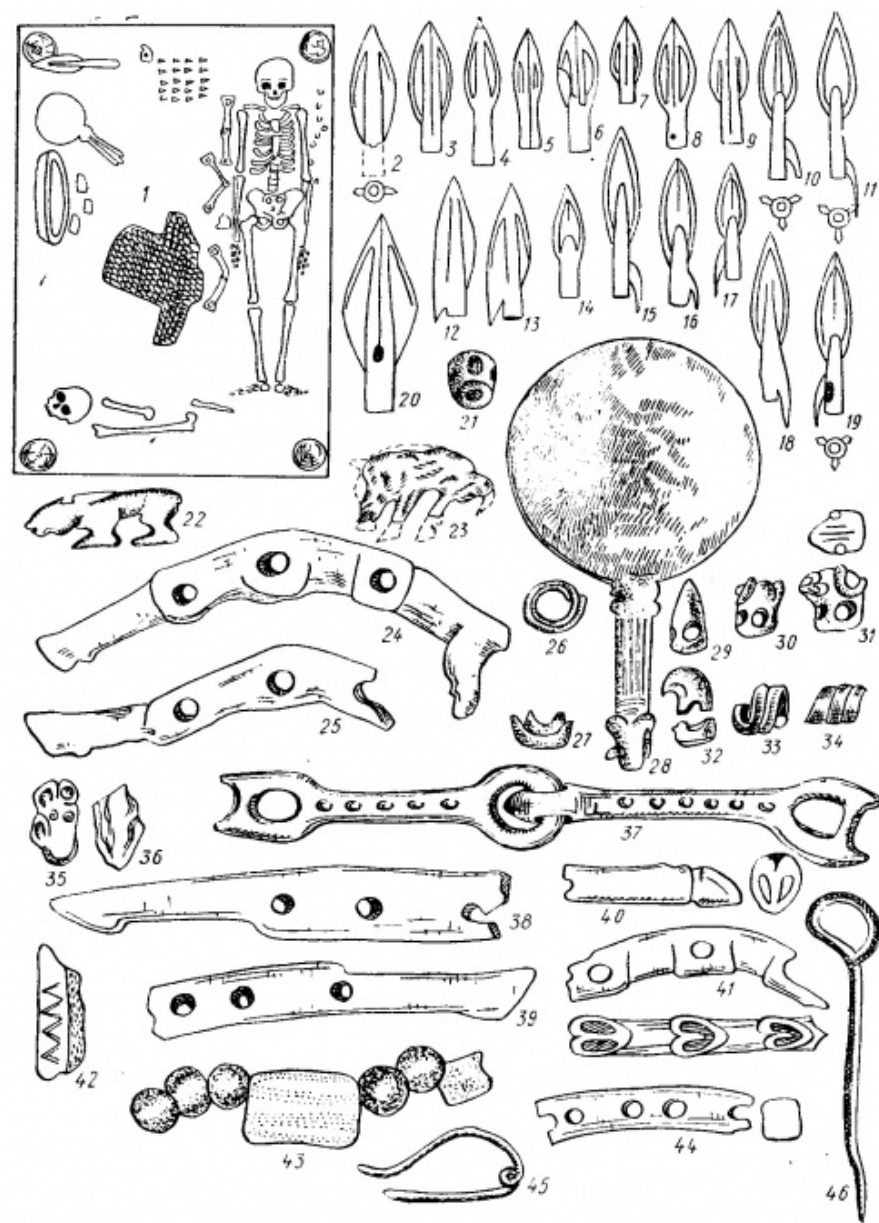

Табл. II. Предметы из кургана № 38 у с. Гуляй-Город.

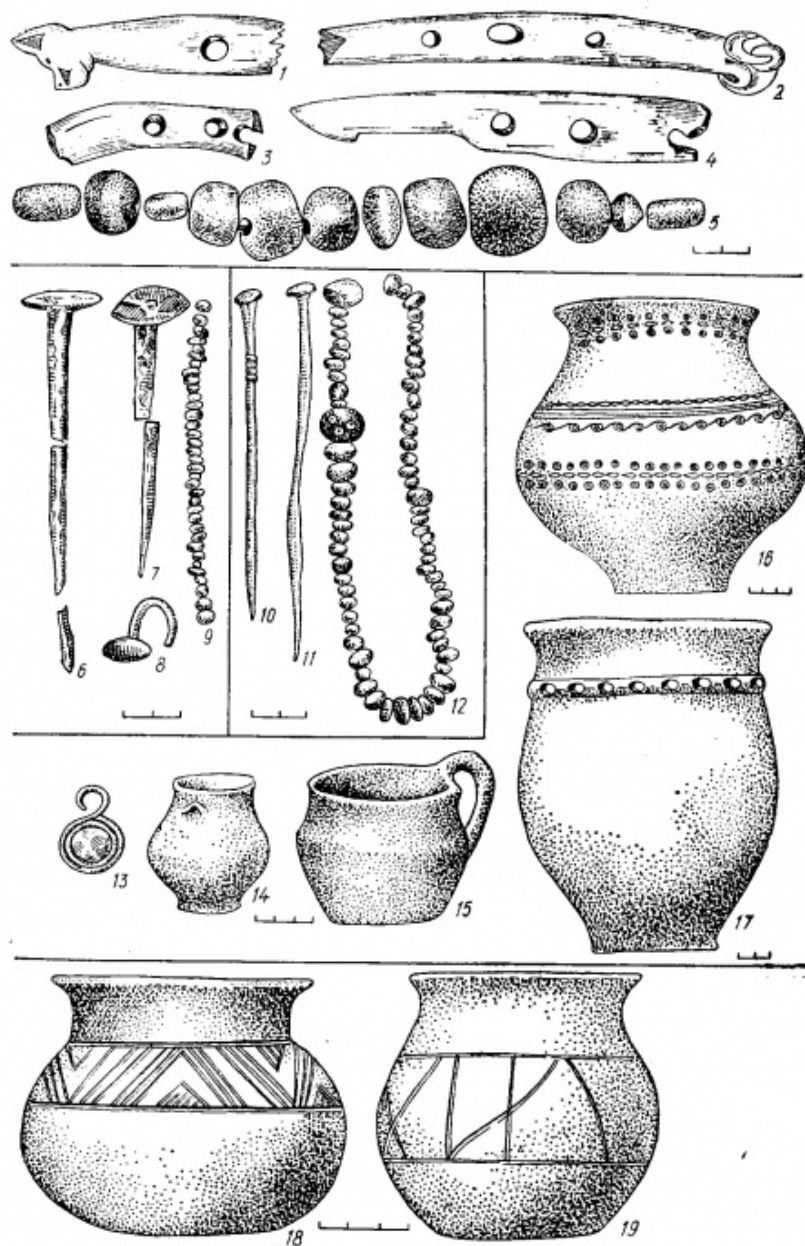

Табл. III. Предметы из курганов у с. Гуляй-Город:

1-5 — курган № 40; 6-9 — курган № 41; 10-12 — курган № 42; 13-17 — курган № 53;
18, 19 — курган № 334.

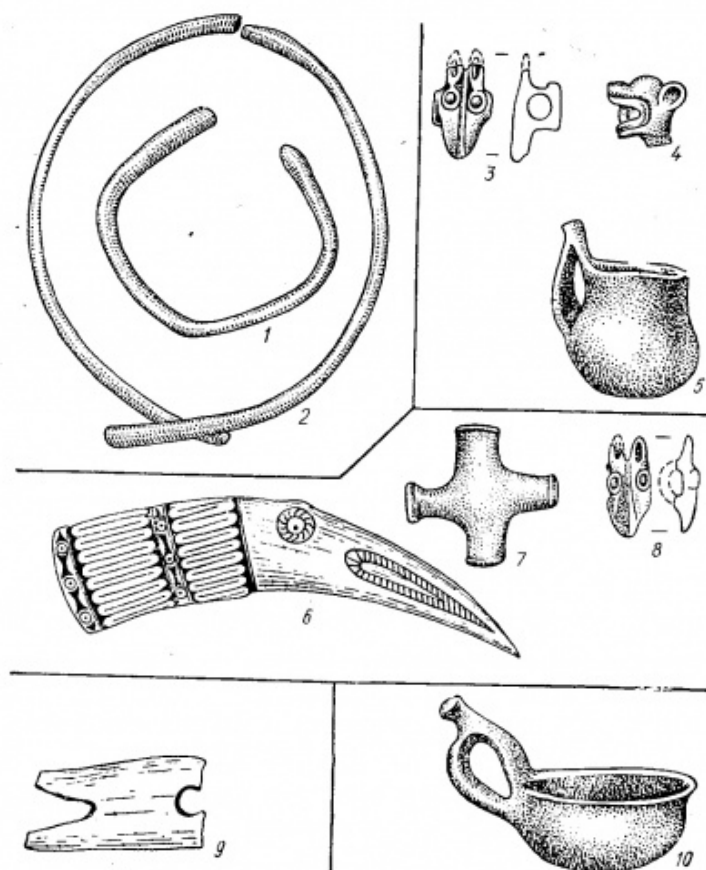

Табл. IV. Предметы из курганов у с. Гуляй-Город:

1, 2 — курган № 43; 3, 4 — курган № 48; 5 — курган № 49; 6-8 — курган
№ 319; 9 — курган № 308; 10 — курган № 314.

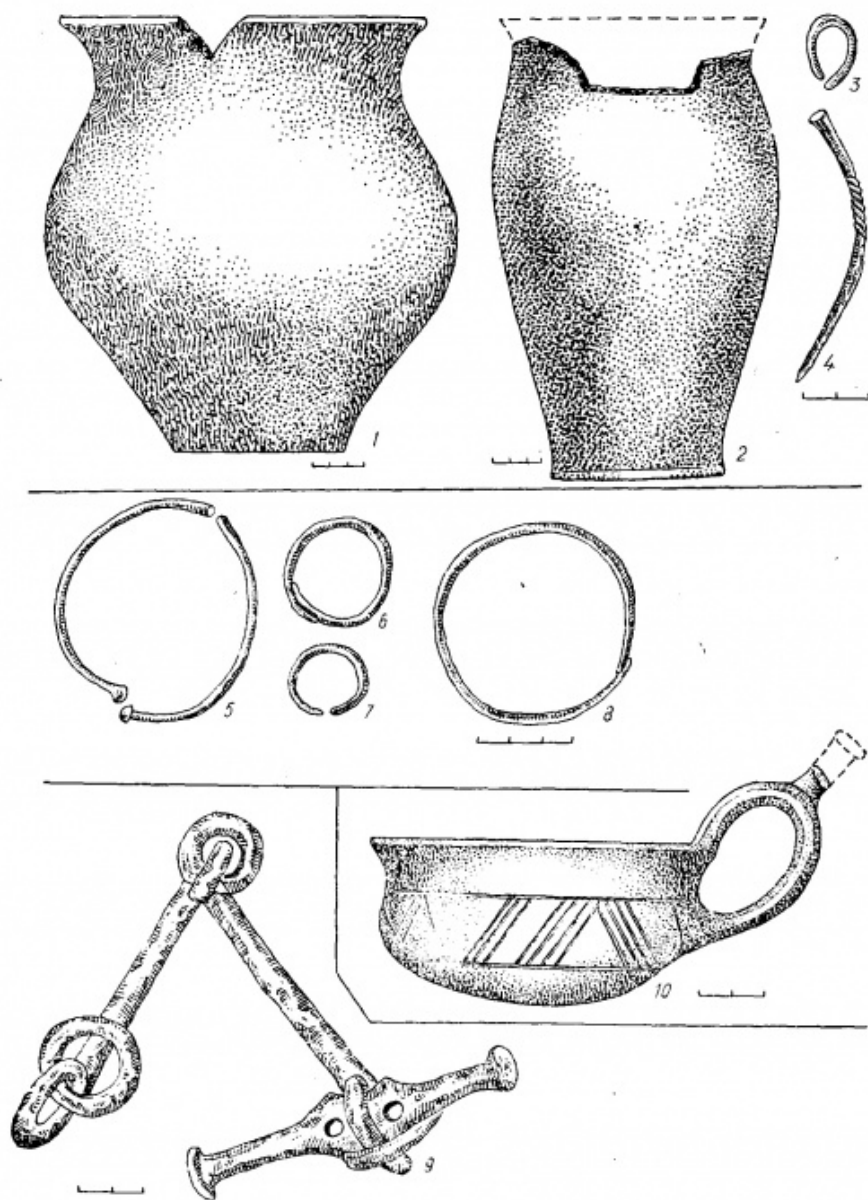

Табл. V. Предметы из курганов:

1 — горшок из кургана № 312 у с. Гуляй-Город; 2 — горшок из кургана № 316 у с. Гуляй-Город; 3, 4 — из кургана № 338 у с. Гуляй-Город; 5—8 — из кургана № 313 у с. Гуляй-Город; 9 — удила из кургана у с. Прусы; 10 — черпак из кургана № 155 на р. Генетинка.

Табл. VI. Предметы из курганов:

1—11 — из кургана № 2 у с. Жаботин; 12 — из кургана № 1 у с. Жаботин; 13, 14 — курган № 2 у с. Райгород; 15 — черпак из кургана № 13 у с. Прусы; 16, 17 — находки из курганов у с. Жаботин и Райгород.

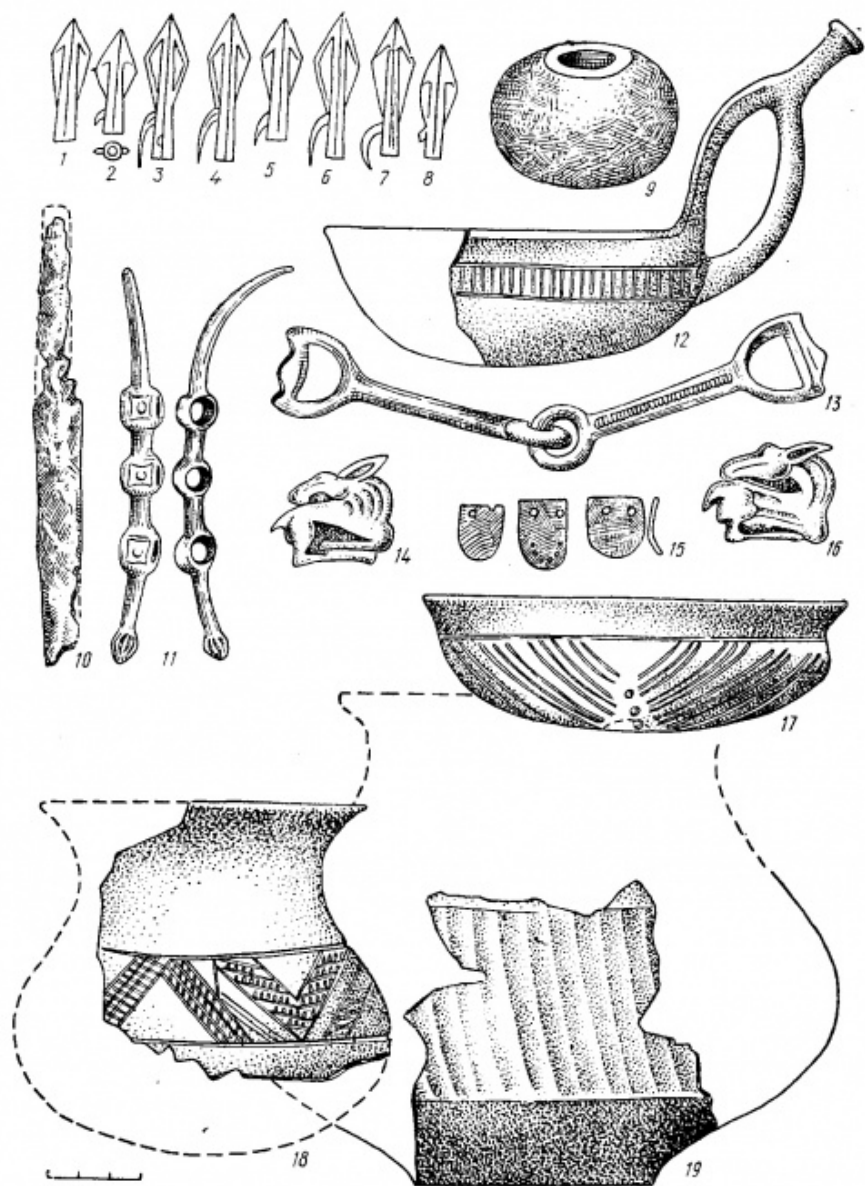

Табл. VII. Предметы из кургана № 524 у с. Жаботин.

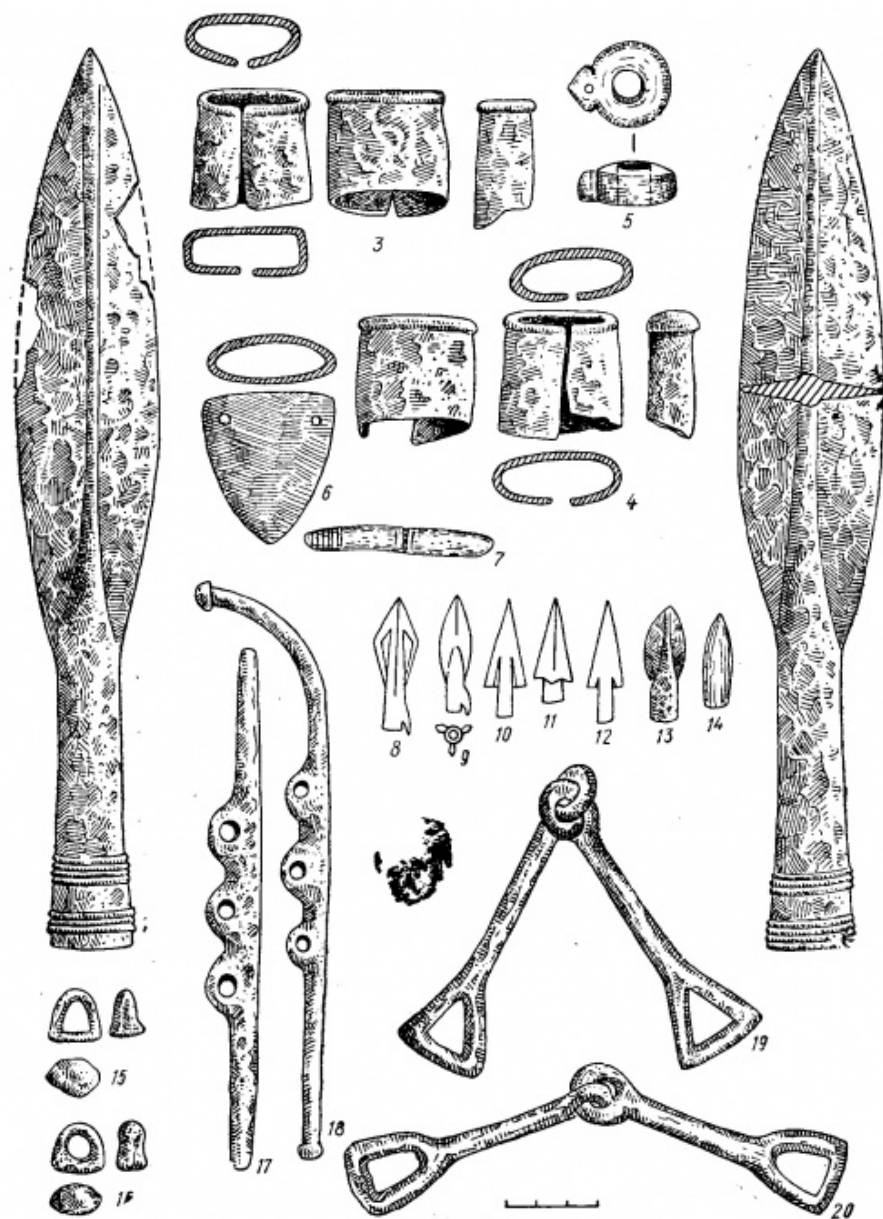

Табл. VIII. Предметы из кургана № 406 у с. Журовка.

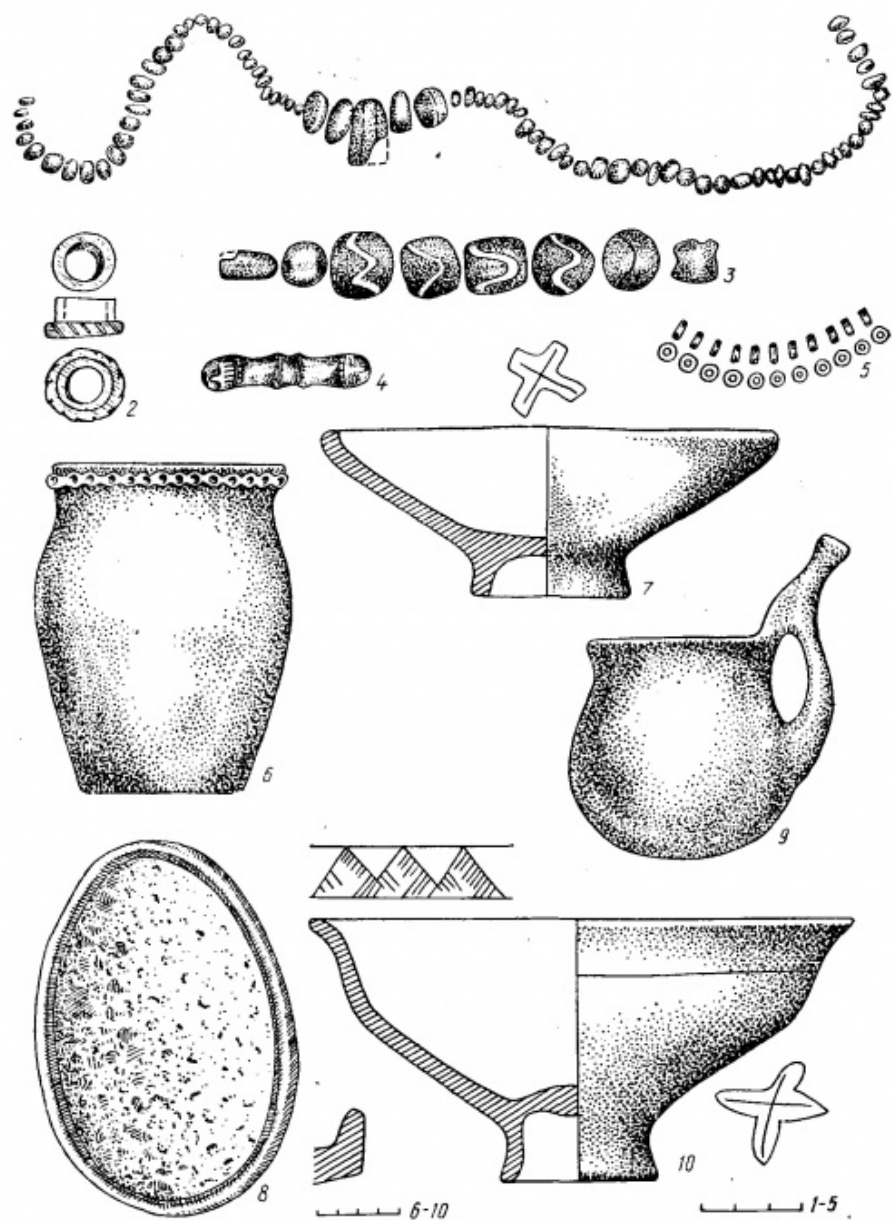

Табл. IX. Предметы из кургана № 406 у с. Журовка.

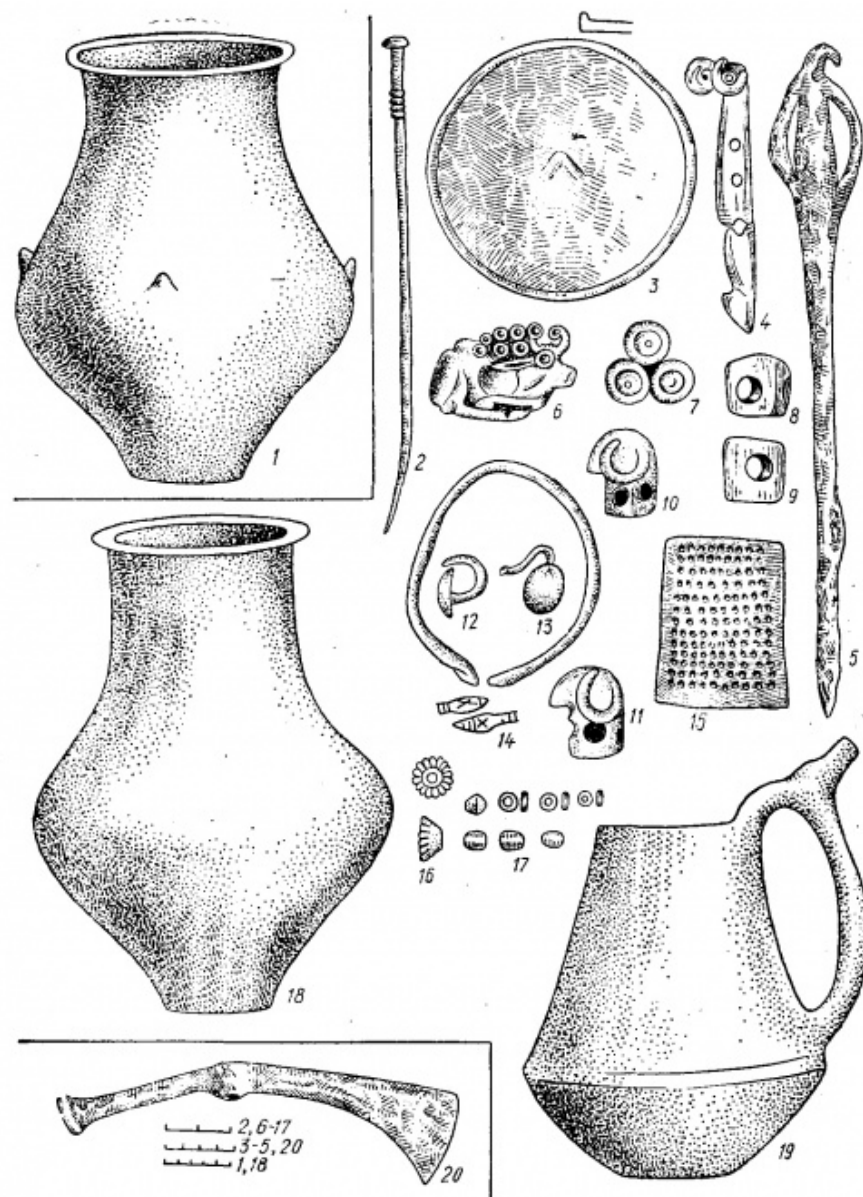

Табл. X. Предметы из курганов у с. Журовка:
1 — курган № 406; 2—19 — курган № 407; 20 — курган № 448.

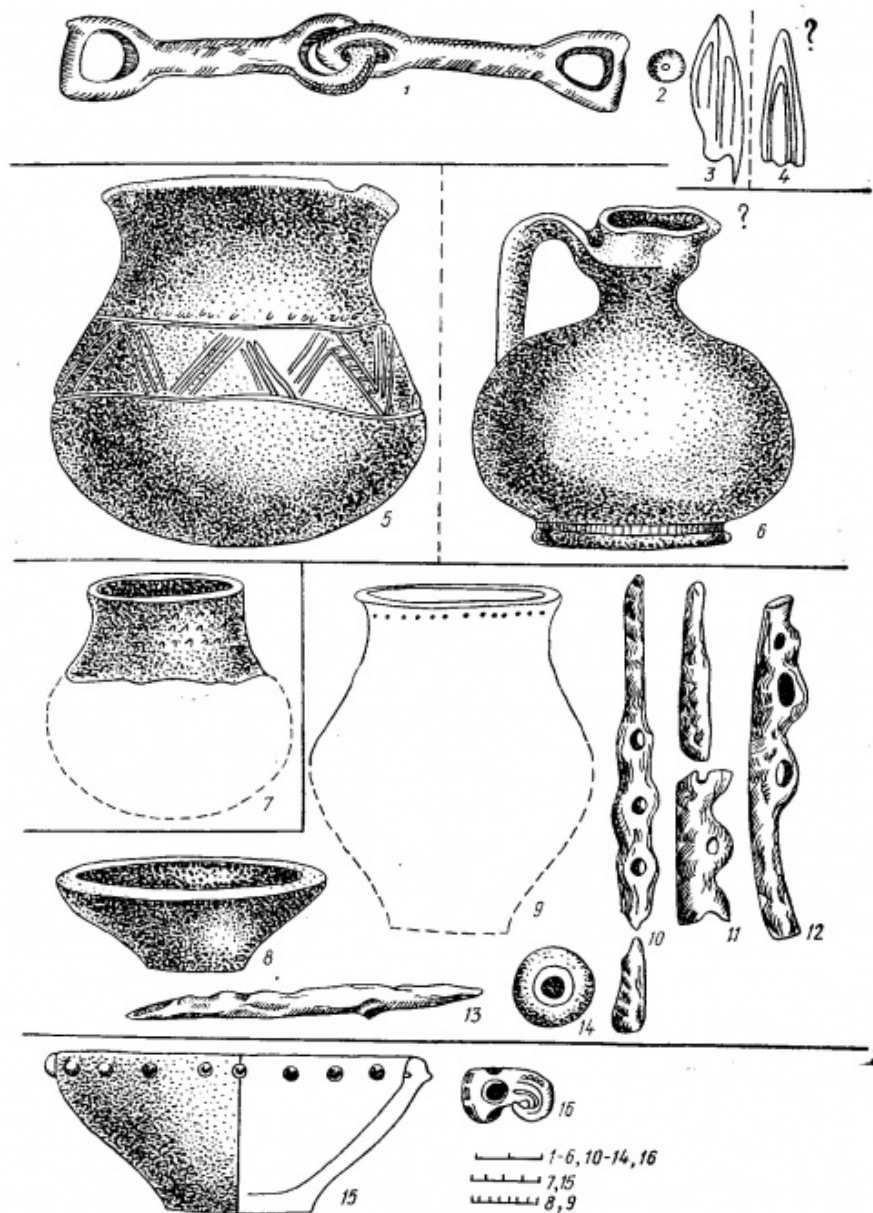

Табл. XIII. Предметы из курганов у с. Константиновка:
1-7 — из кургана № 2; 8-14 — из кургана № 8; 15, 16 — из кургана № 244.

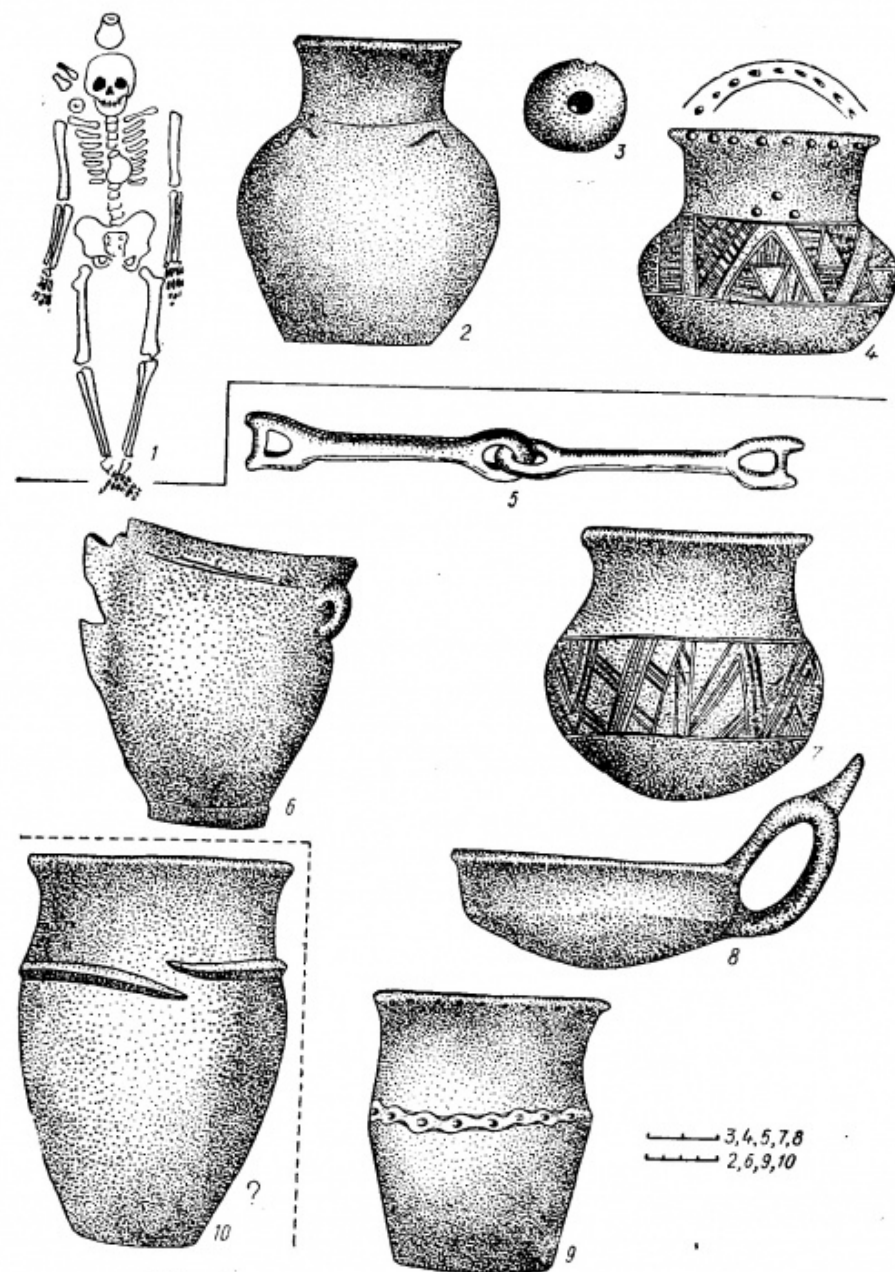

Табл. XIV. Предметы из курганов у с. Константиновка:
1-4 — из кургана № 9; 5-10 — из кургана № 15.

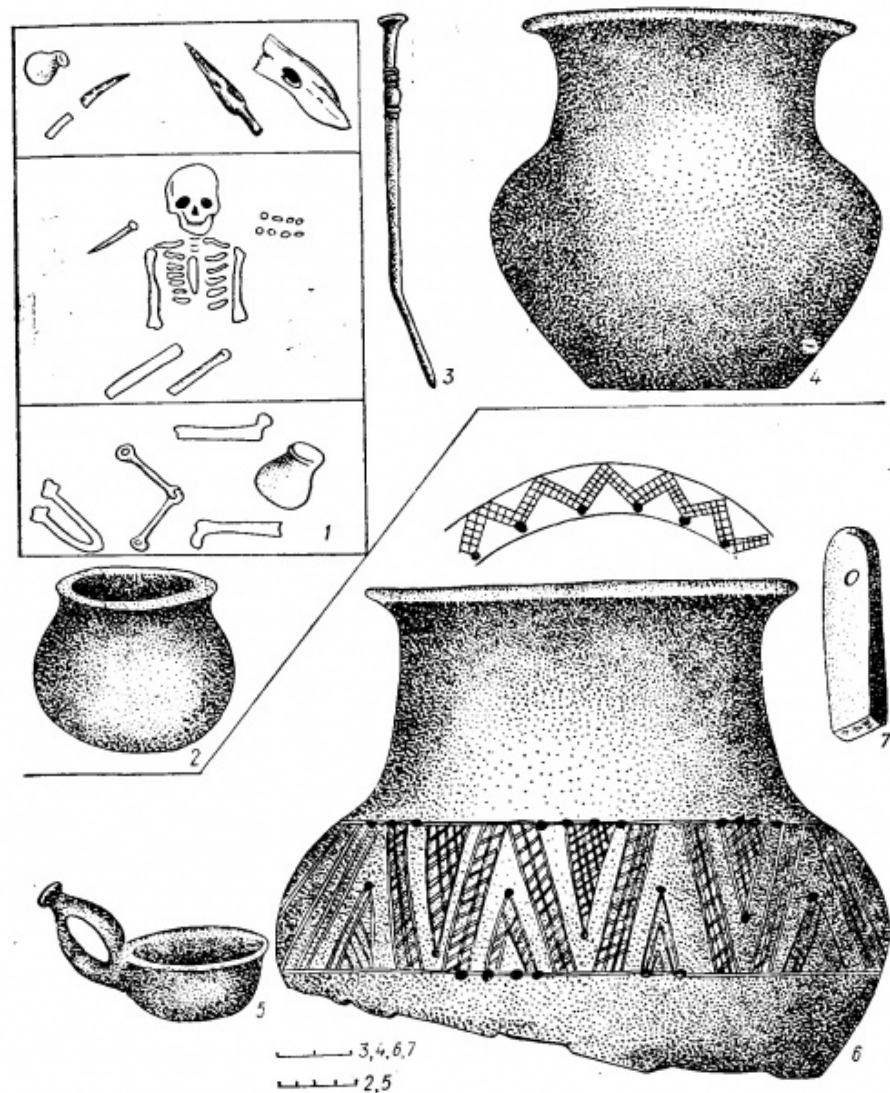

Табл. XV. Предметы из курганов у с. Константиновка:
1—4 — из кургана № 246; 5—7 — из кургана № 247.

Табл. XVI. Предметы из курганов у с. Константиновка:
1—5 — из кургана № 375; 6—10 — из кургана № 376; 11, 12 — из кургана № 378; 13 — из кургана № 377.

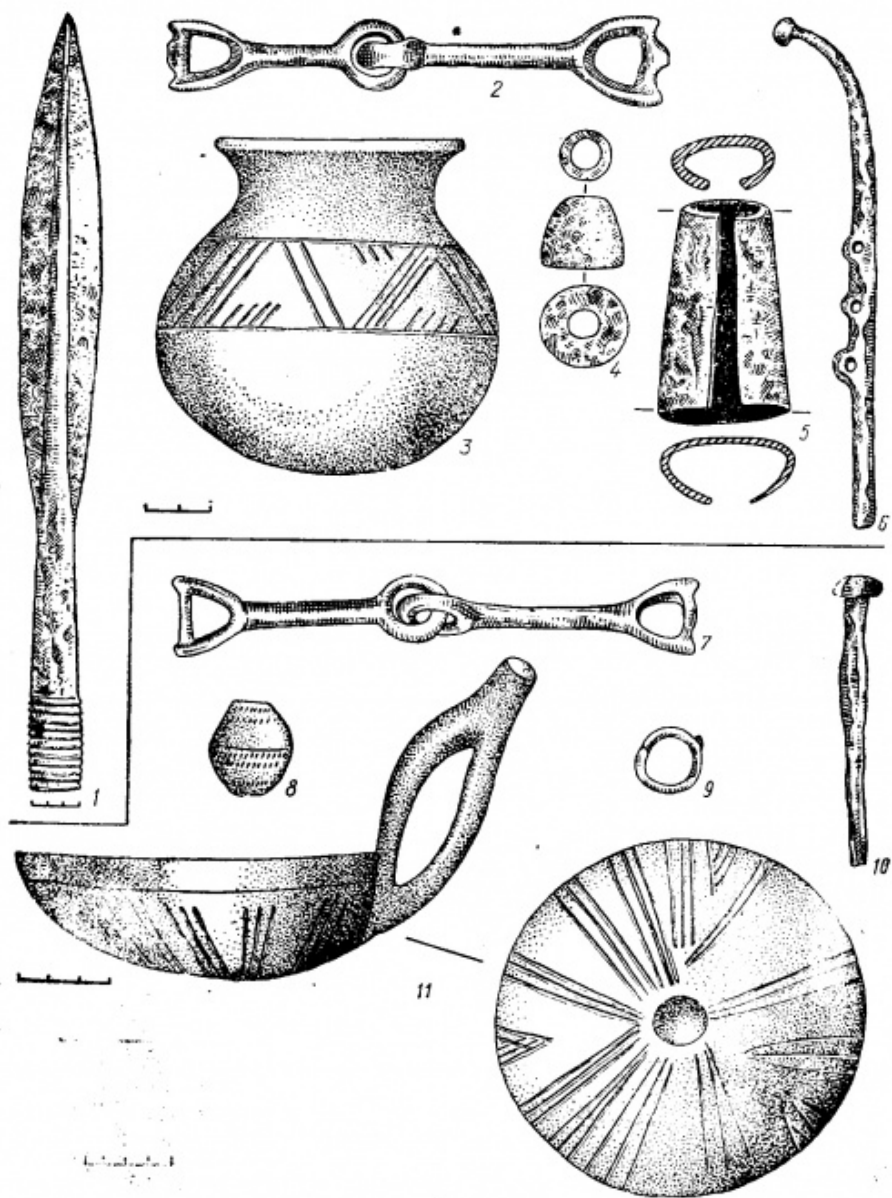

Табл. XVII. Предметы из курганов у с. Макеевка.
1-6 — из кургана № 453; 7-11 — из кургана № 460.

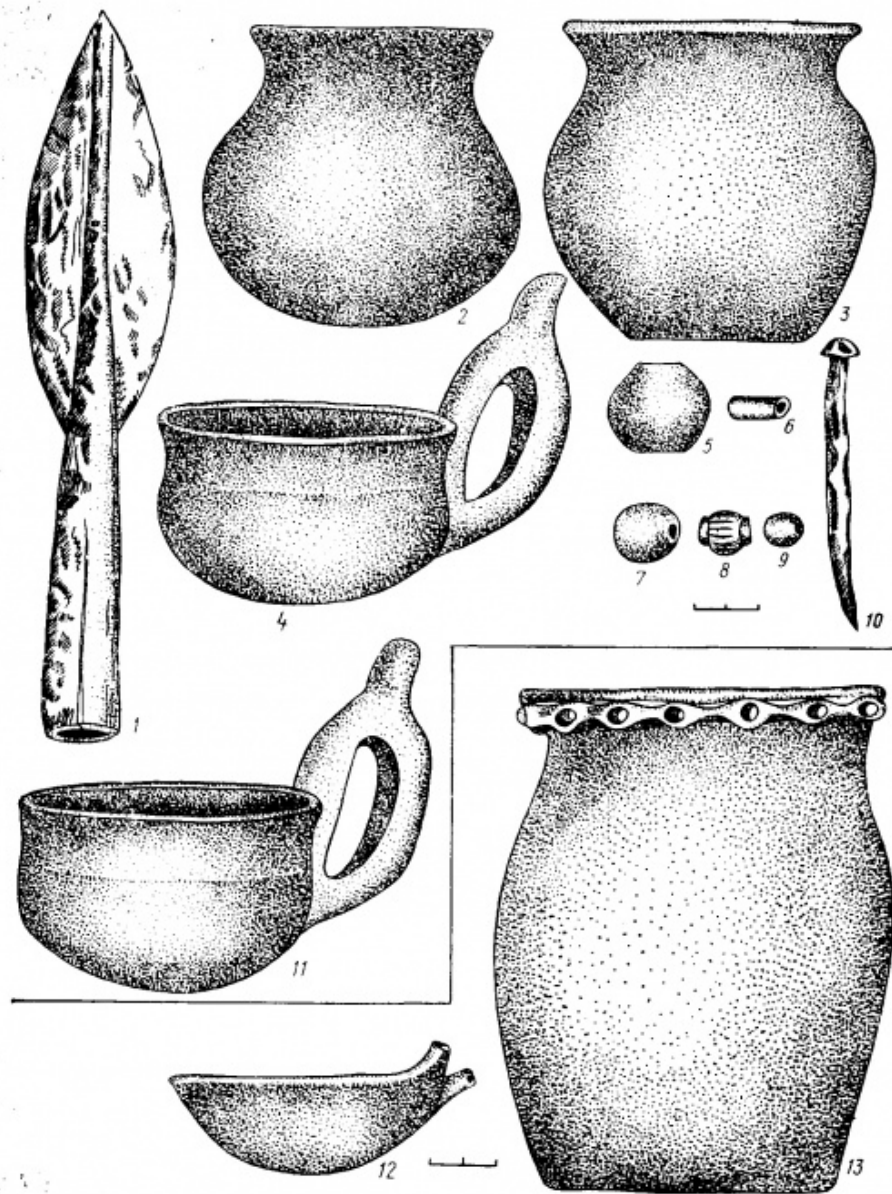

Табл. XVIII. Предметы из курганов у с. Макеевка:
1-11 — из кургана № 454; 12, 13 — из кургана № 492.

Табл. XIX. Предметы из кургана № 455 у с. Маеевка.

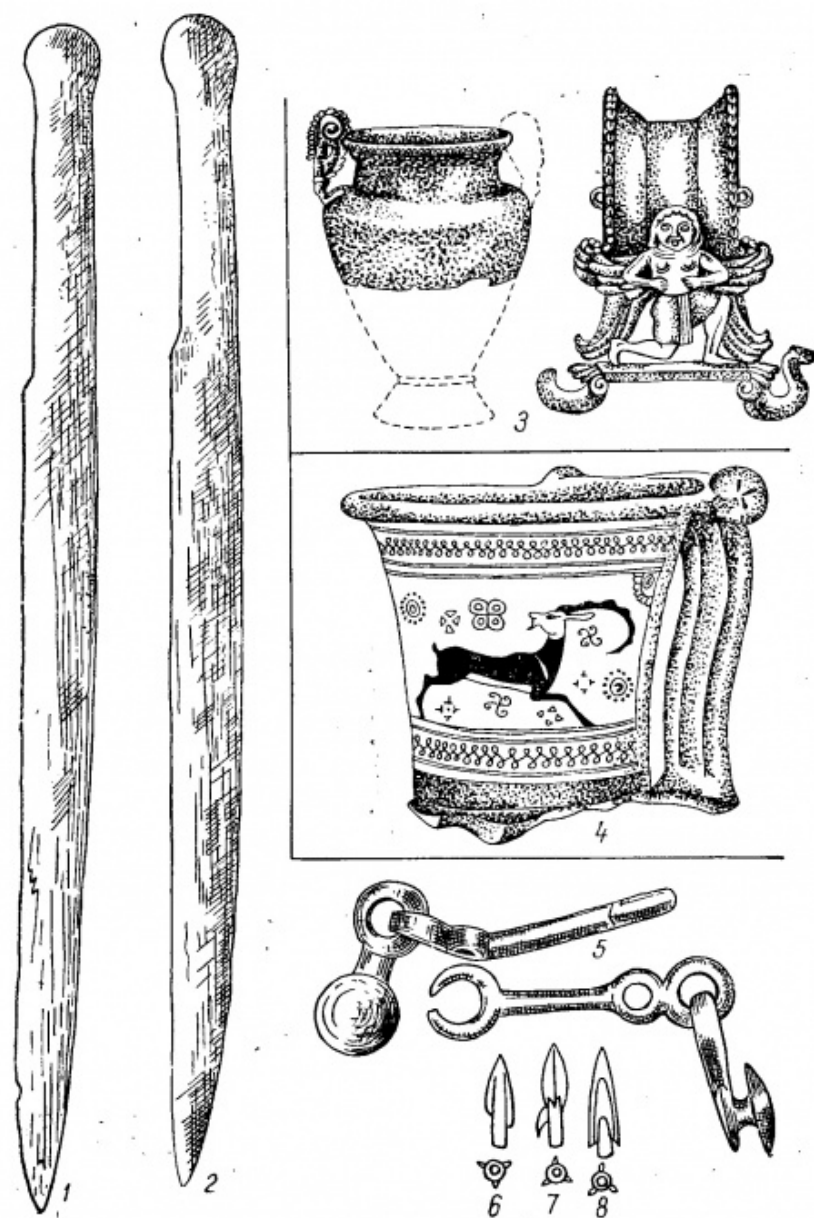

Табл. XX. Предметы из курганов у сел Болтышка, Мартоноша, Мошны:
1, 2, 5-8 — бронзовые ножи, удила, наконечники стрел из кургана у с. Мошны; 3 — брон-
зовая ситица из кургана у с. Мартоноша; 4 — обломок античного сосуда из кургана
у с. Болтышка.

Табл. XXI. Предметы из курганов у с. Оситняжка:
 1, 2, 6 — из кургана № 2; 3 — из кургана № 3; 4 — из кургана № 4; 5 — из кургана № 5;
 7 — из кургана № 7; 8, 9 — из кургана № 6; 10, 11 — из кургана № 8; 12-14 — из кургана
 № 10; 15-17 — из кургана № 471; 18-24 — из кургана № 12.

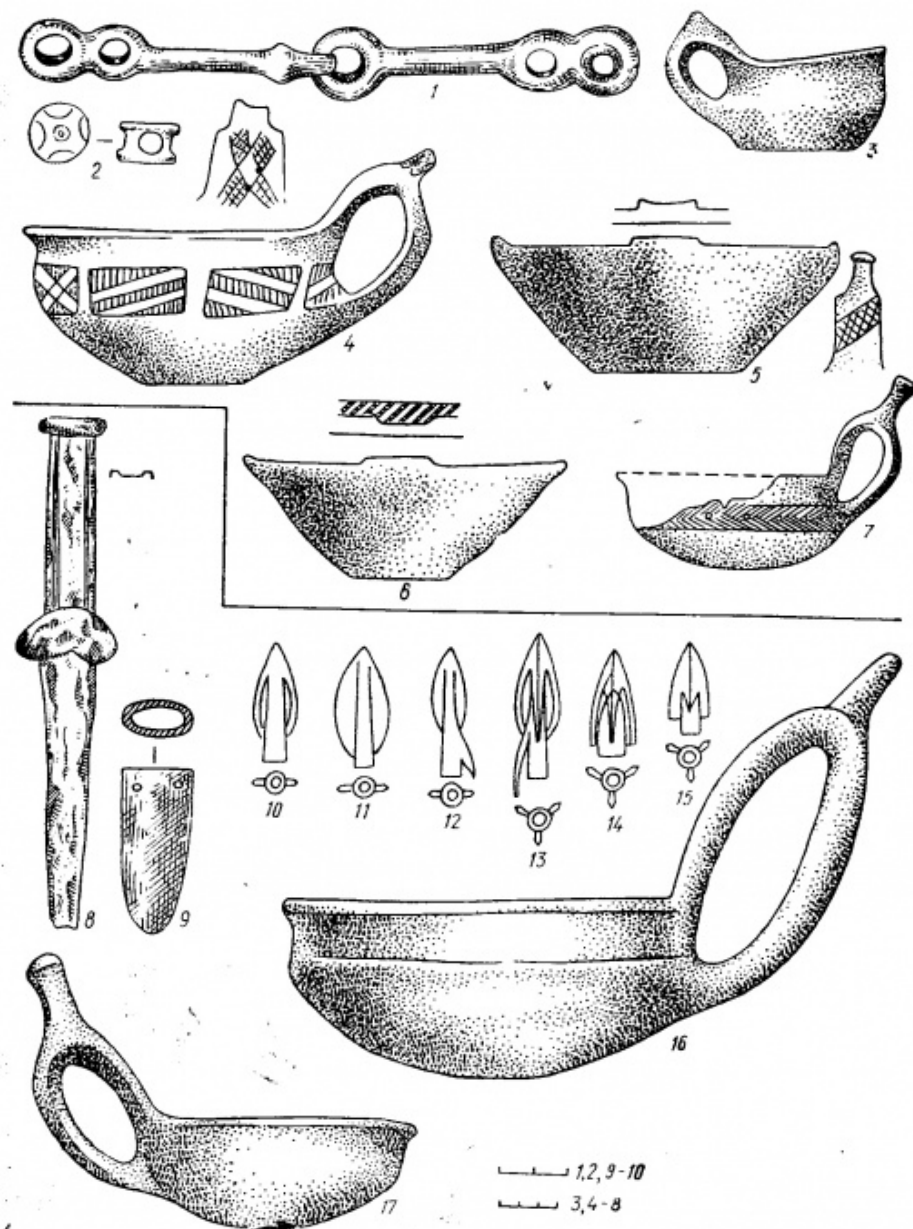

Табл. XXII. Предметы из курганов у с. Рыжановка:
 1-7 — из кургана II; 8-17 — из кургана № 5.

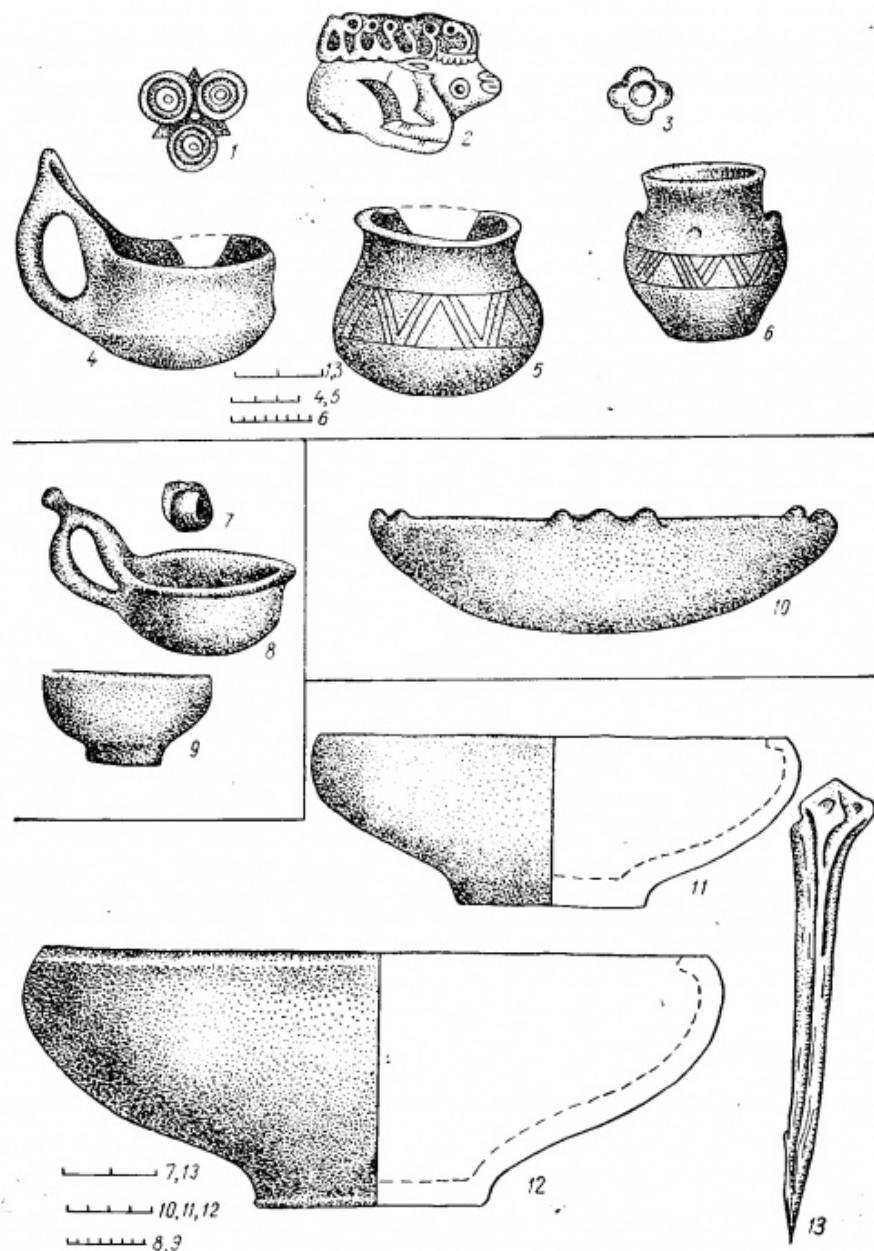

Табл. XXIII. Предметы из курганов:

1—3 — из курганов на поле у «Владимирской экономии»; 4—6 — из курганов у с. Капитановка; 7—9 — из кургана № 90 в уроч. Секирное; 10 — миска из курганов № 351—360 в уроч. Секирное; 11—13 — из кургана № 356 в уроч. Секирное.

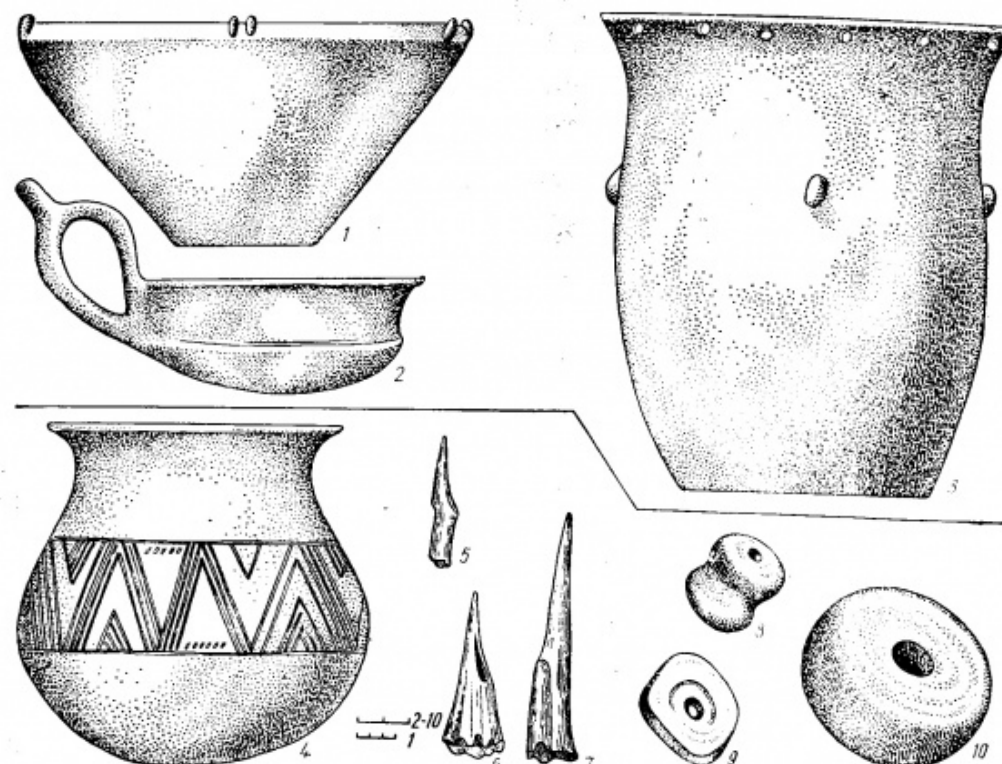

Табл. XXIV. Предметы из курганов на р. Ташлык:

1—3 — из кургана № 340; 4—10 — из кургана № 343.

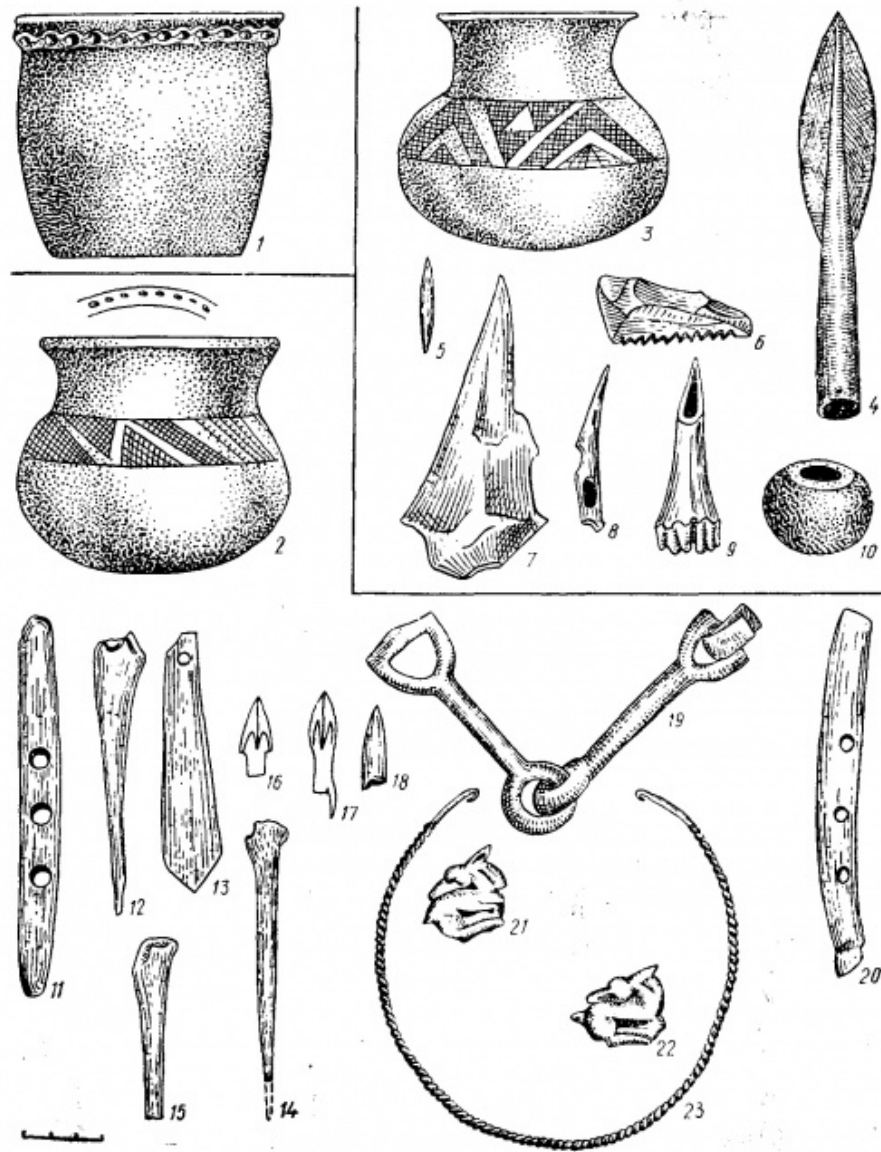

Табл. XXV. Предметы из курганов:

1 — горшок из кургана № 366 у с. Теклино; 2, 11—23 — из кургана № 346 у с. Теклино; 3—10 — из кургана № 344 на р. Ташлак.

Табл. XXVI. Предметы из курганов на р. Тенетинка:

1, 2 — из кургана № 107; 3 — из кургана № 108; 4 — из кургана № 110; 5, 6 — из кургана № 111; 7—10 — из кургана № 113; 11, 12 — из кургана № 114.

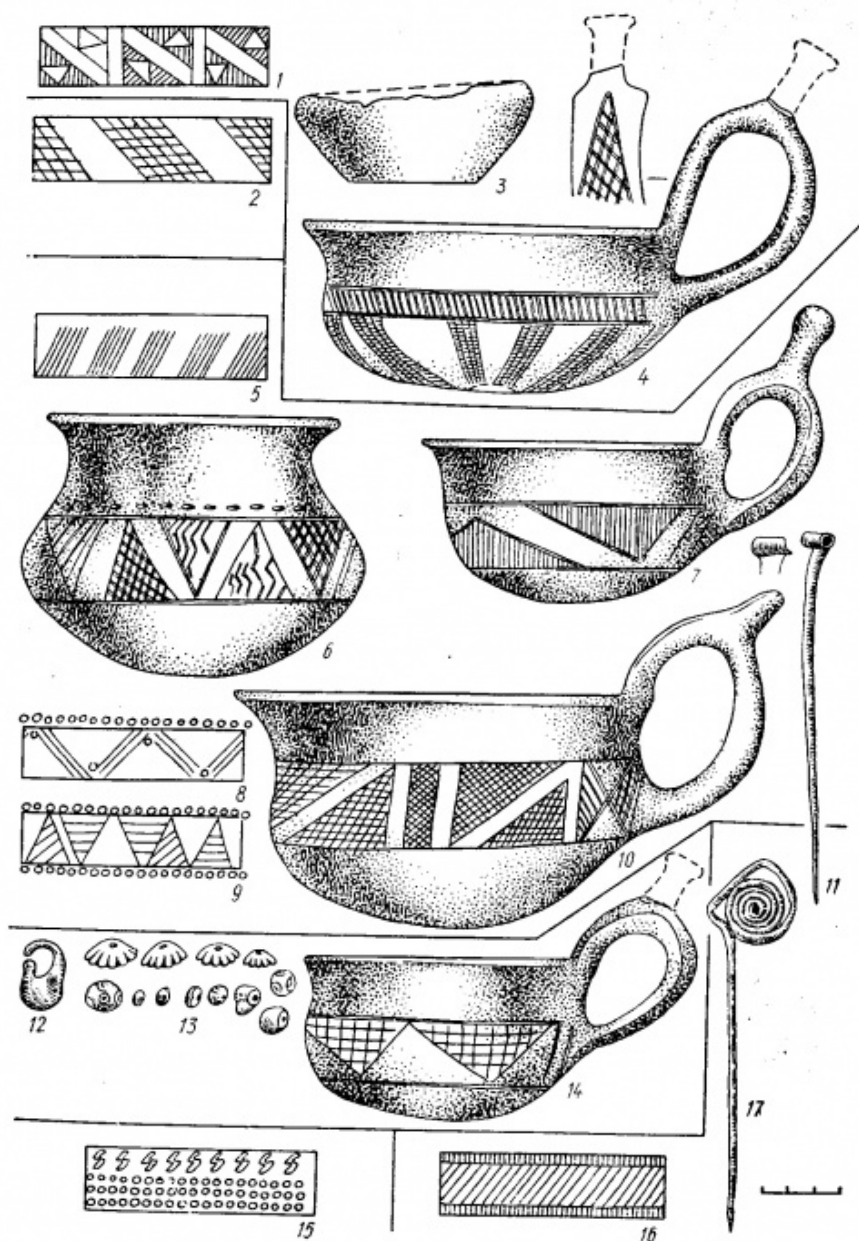

Табл. XXVII. Предметы из курганов на р. Тенетинка:

1 — из кургана № 124; 2 — из кургана № 135; 3, 4 — из кургана № 119; 5—11 — из кургана № 126; 12—14 — из кургана № 134; 15 — из кургана № 143; 16—17 — из кургана № 136.

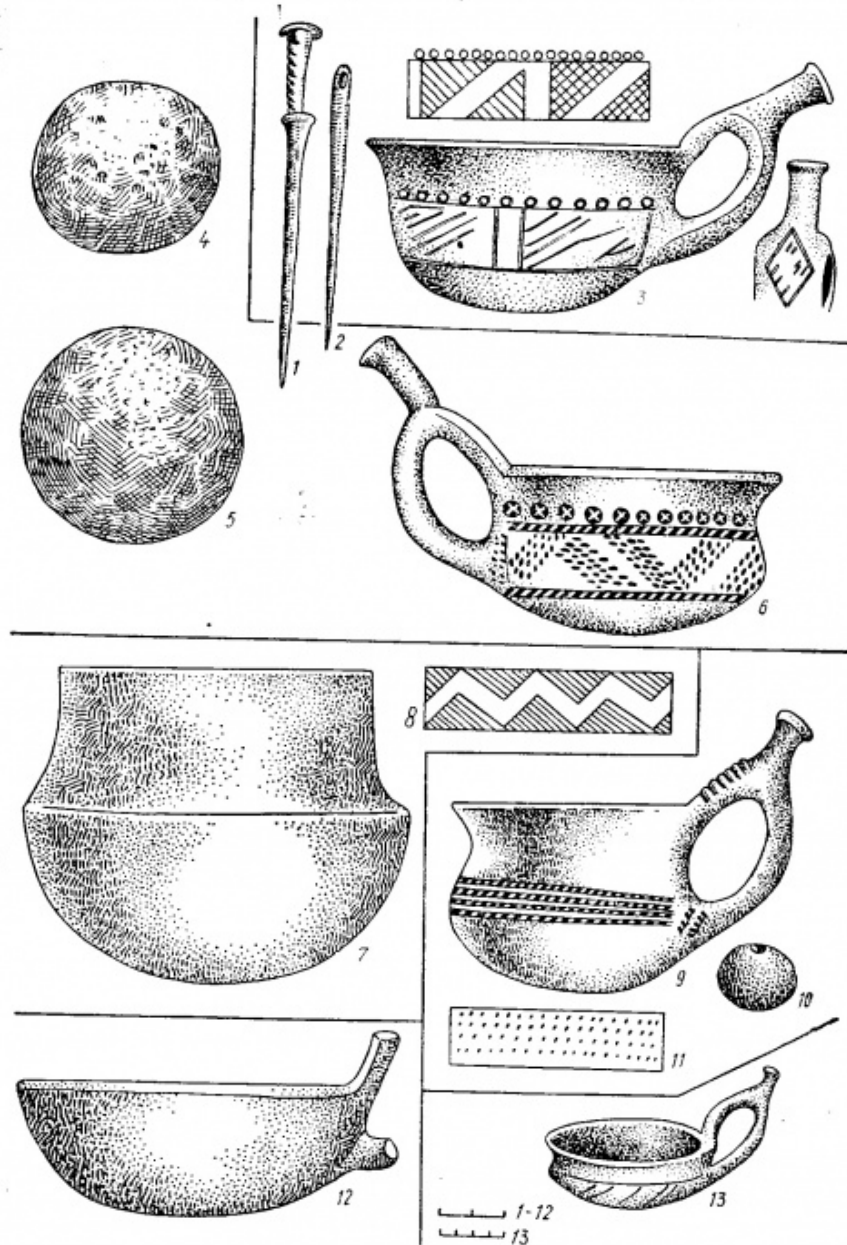

Табл. XXVIII. Предметы из курганов на р. Тенетинка:

1—3 — из кургана № 139; 4—6 — из кургана № 158; 7, 8 — из кургана № 159; 9—11 — из кургана № 163; 12 — из кургана № 164; 13 — из кургана № 161.

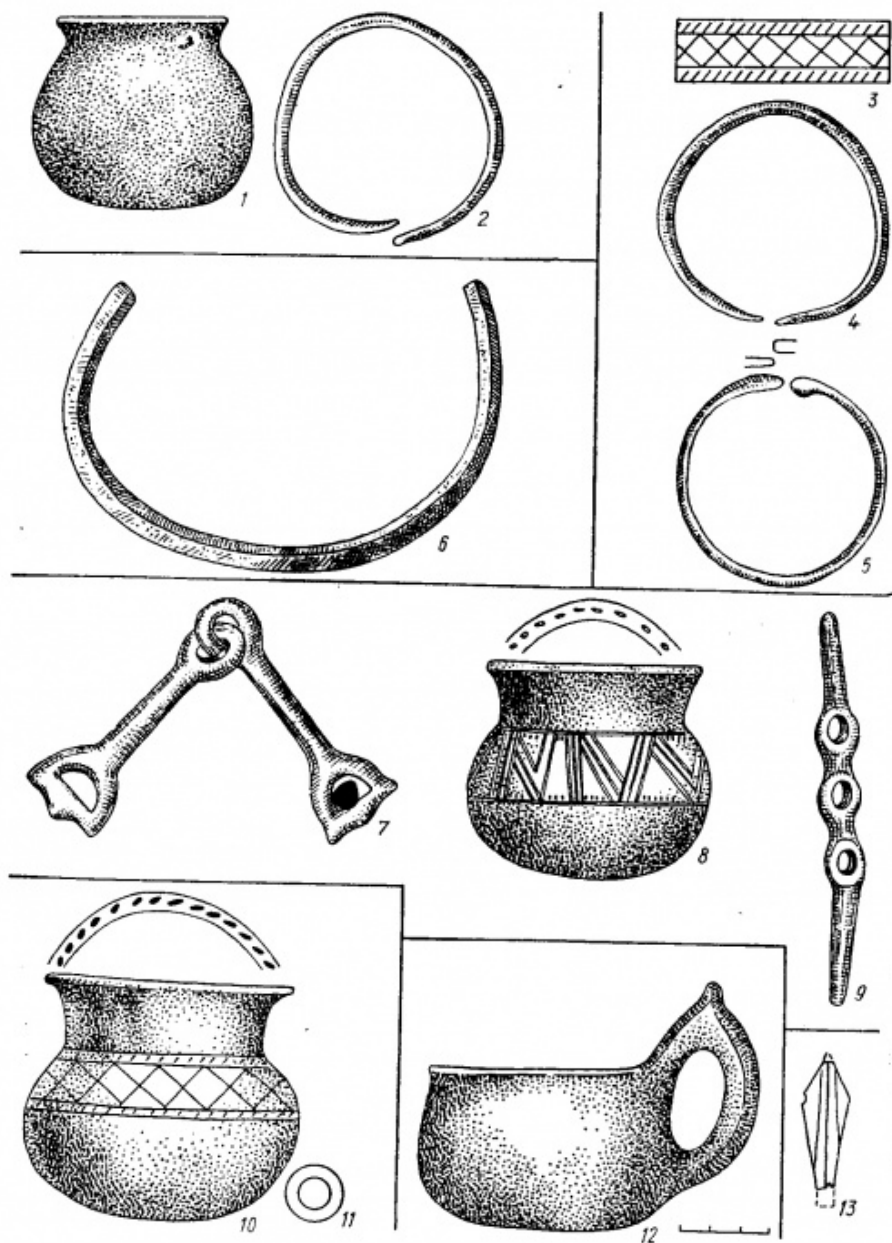

Табл. XXIX. Предметы из курганов на р. Тенетинка:
1, 2 — из кургана № 173; 3-5 — из кургана № 174; 6 — из кургана № 179; 7-9 — из кургана № 183; 10, 11 — из кургана № 184; 12 — из кургана № 212; 13 — из курганов р. Тенетинка.

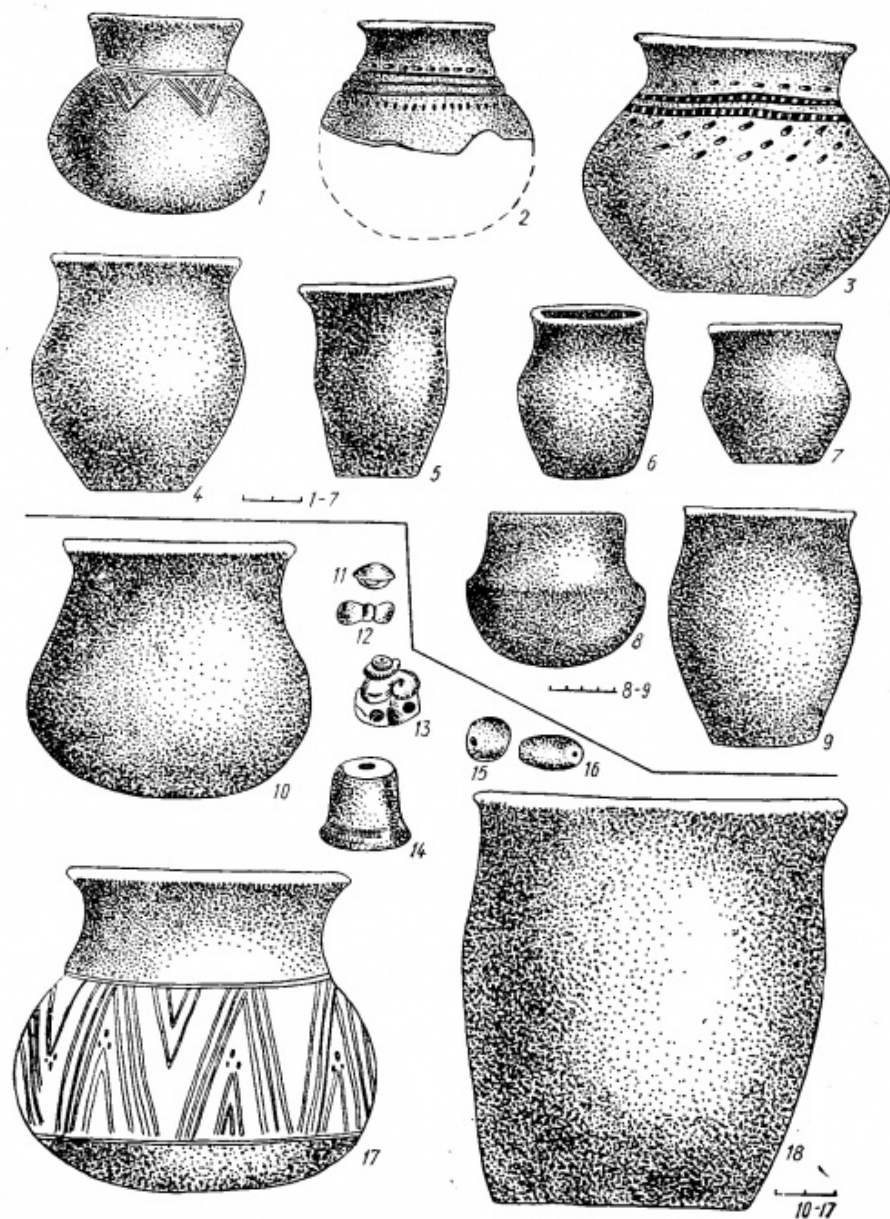

Табл. XXX. Предметы из курганов на р. Тенетинка:
1-9 — из кургана № 185; 10-18 — из кургана № 211.

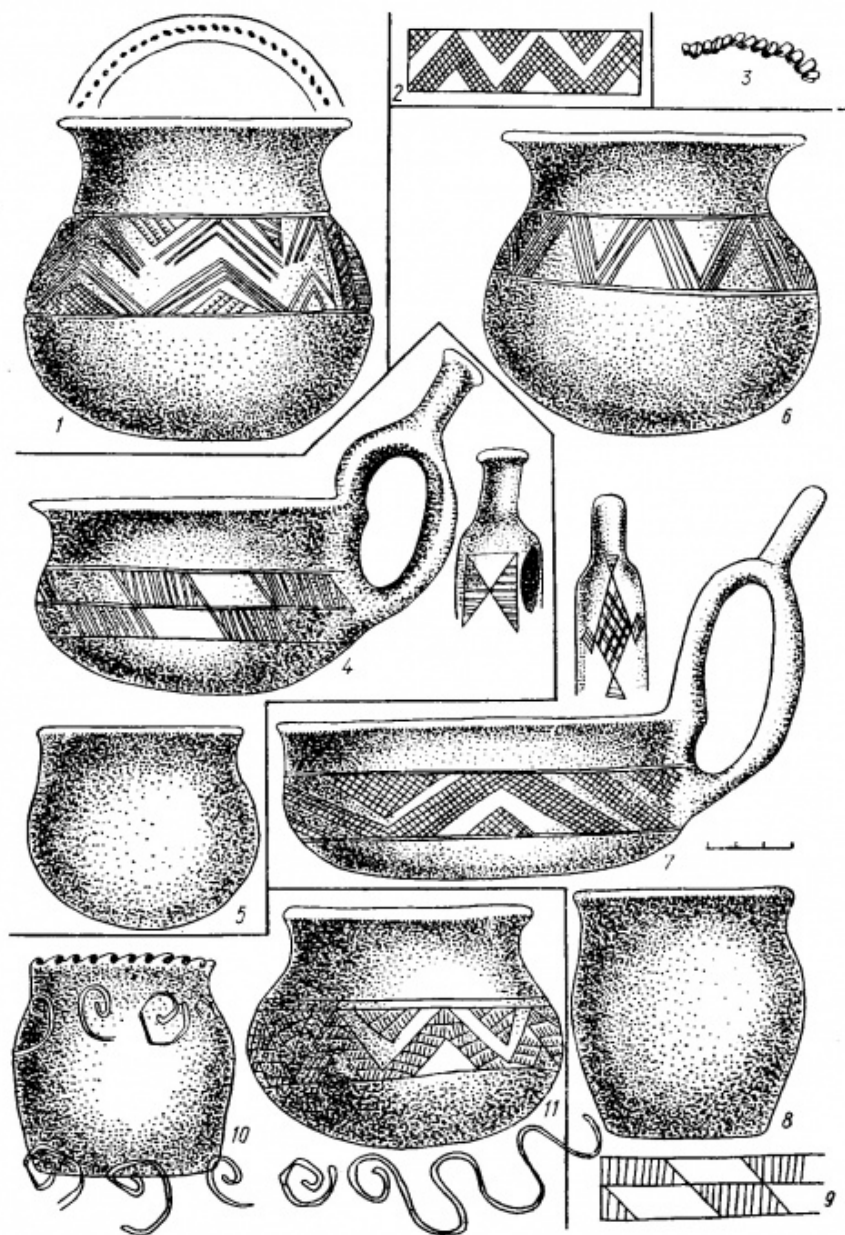

Табл. XXXI. Предметы из курганов на р. Тенетинка:

1 — из кургана № 213; 2 — из кургана № 215; 3 — из кургана № 221; 4, 5 — из кургана № 214; 6—9 — из кургана № 219; 10, 11 — из кургана № 220.

Табл. XXXII. Предметы из курганов у с. Турия:

1 — из кургана № 309; 2—7 — из курганов — № 486, 490—497.

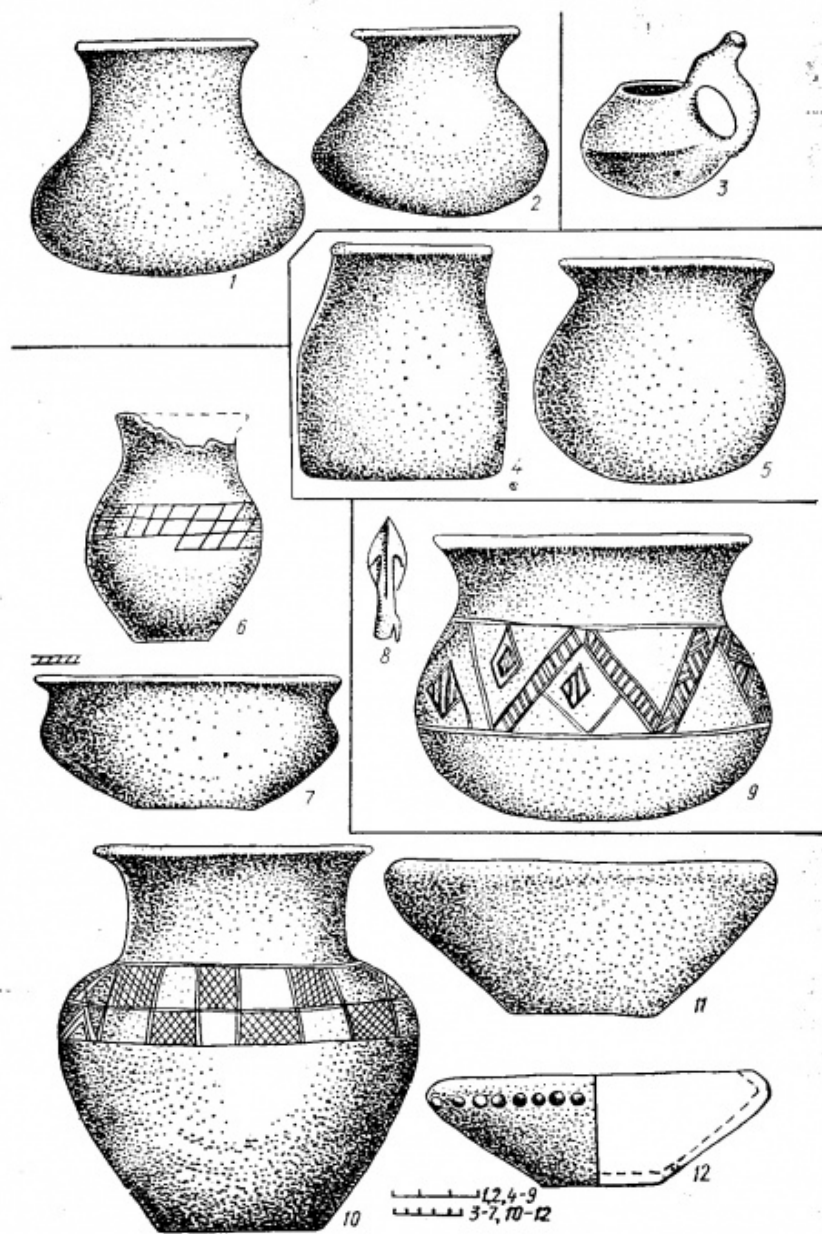

Табл. XXXIII. Предметы из курганов у с. Турия:

1, 2 — из кургана № 490; 3 — из курганов № 490—497; 4, 5 — из кургана № 491; 6, 7 — из кургана № 487; 8, 9 — из кургана № 496; 10—12 — из курганов № 490—497.

Табл. XXXIV. Предметы из курганов:

1—22 — из кургана в уроч. Дарьевка (близ г. Шполы); 23 — корчажка из раскопок В. В. Хвойки близ Чигирина (КИМ); 24 — кубок из кургана близ с. Ромейковка (КИМ); 25 — кубок из кургана у г. Корсунь-Шевченковский (КИМ).

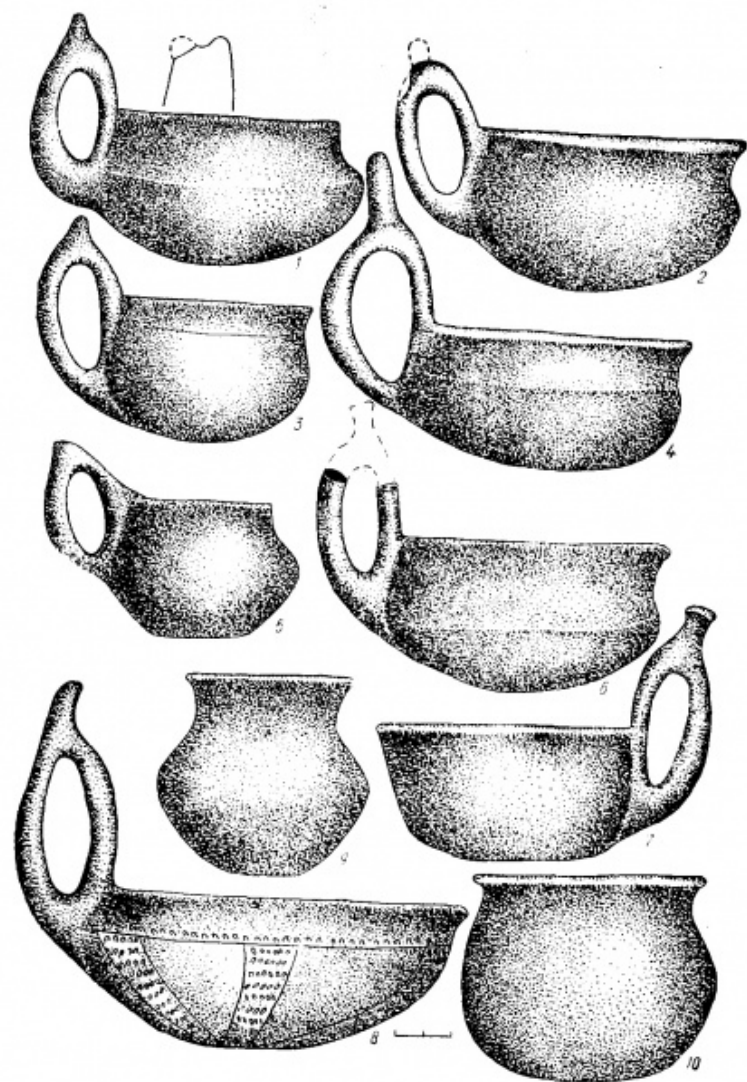

Табл. XXXV. Предметы из курганов:
1-10 — сосуды из курганов, раскопанных В. В. Хвойкой в Правобережной Лесостепи (КИМ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. — Вестник гос. Музея Грузии, т. XIX — А и XXI — В. Тбилиси, 1957.
2. Анфимов Н. В. Протоместский могильник у с. Николаевского. — Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961.
3. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. — Проблемы скифской археологии. МИА, № 177. М., 1971.
4. Артамонов М. И. О землевладении и землевладельческом празднике у скифов. — Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 15. Л., 1948.
5. Артамонов М. И. Этнография Скифии. — Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949.
6. Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии. — Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. К., 1953.
7. Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—53 гг. — КСИИМК, вып. 59, М., 1955.
8. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966.
9. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства. — СА, № 4. М., 1968.
10. Артамонов М. И. Скифское царство. — СА, № 3. М., 1972.
11. Археологическая карта Киевской губернии. К., 1895.
12. Асланов Г. М., Вандов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959.
13. Аханов И. И. Геленджикские подкурганные дольмены. — СА, № 1. М., 1961.
14. Багалец Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. — Труды XII АС, т. I, 1905.
15. Балагурі Е. Ливарні формочки з поселення пізньобронзової доби біля с. Острівець Гвоздецького району Станіславської області. — Повідомлення Ужгородського державного університету. Ужгород, 1961.
16. Балагури Э. А. История племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье (культура Ноа). Автореферат кандидатской диссертации. К., 1964.
17. Березанська С. С., Тітенко Г. Т. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. — Археологія, т. IX. К., 1954.
18. Березанська С. С. Кераміка білогрудівської культури. — Археологія, т. XVI. К., 1964.
19. Березанська С. С., Драгунова М. І. Поховання білогрудівської культури поблизу м. Біла Церква. — Археологія, т. XXIII. К., 1970.
20. Березанская С. С. Средний период бронзового века в Северной Украине. К., 1972.
21. Бессонова С. С. Раскопки курганов у с. Луговое на Керченском полуострове. — Археологические исследования на Украине в 1968 г. К., 1971.
22. Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой могилы. — СА, № 1. М., 1974.
23. Бодянский О. В. Щоденник археологічних дослідів на Нижньому Дніпрі за 1950, 1954 рр. — Научный архив ИА АН УССР. К., 1950.
24. Бодянский О. В. Розкопки Мар'їнського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. — АП, VI. К., 1956.

25. Бокій Н. М. Нові пам'ятки скифського звірного стилю з Кіровоградщини.— Археологія, т. XXIII. К., 1970.
26. Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга (1888—1902).— СПб., 1908.
27. Брашинский И. Б. Работы Южно-Донской экспедиции.— Археологические открытия 1967 г. М., 1968.
28. Виноградов В. Б. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972.
29. Вязьмитина М. И. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской области.— КСИА, вып. I. К., 1952; ее же. Отчет о работе Жаботинского отряда Среднеднепровской экспедиции. Раскопки на Тарасовой Горе. Архив ИА АН УССР.
30. Вязьмитина М. И., Покровська Є. Ф. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина.— АП, т. VI. К., 1956.
31. Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля.— СА, № 2. М., 1963.
32. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском и Изюмском уезде Екатеринославской губ.— Труды XIII АС, т. I. М., 1907.
33. Гошквич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903.
34. Граков Б. Н. Древности Яблонской курганной группы из собрания Д. Я. Самохвасова.— Труды СА РАНИОН, т. II. М., 1928.
35. Граков Б. М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям та Приураллям в архаїчну та класичну епохи? — Археологія, т. I. К., 1947.
36. Граков Б. Н. Скифский Геракл.— КСИМК, вып. XXXIV. М., 1950.
37. Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИМК, вып. 61. М., 1956.
38. Грязнов М. П. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы.— КСИА, вып. 108. М., 1956.
39. Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея.— СА, № 2. М., 1959.
40. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, № 30. М., 1952.
41. Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
42. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, XVIII. М., 1953.
43. Іллінська В. А., Ковпаненко Г. Т., Петровська Є. О. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомайки.— АП, т. IX. К., 1960.
44. Ильинская В. А. Поселение комаровской культуры у с. Мошны Черкасской области.— КСИА, вып. X. К., 1960.
45. Іллінська В. А. Скифські сокири.— Археологія, т. XII. К., 1960.
46. Іллінська В. А. Скифська вузда VI ст. до н. е.— Археологія, т. XIII. К., 1961.
47. Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века.— СА, № I. М., 1961.
48. Іллінська В. А. Кургани скифського часу посульсько-донецького Лісостепу.— Археологія, т. XIV. К., 1962.
49. Іллінська В. А. Про походження і етнічні зв'язки племен скифської культури.— Археологія, т. XV. К., 1963.
50. Ильинская В. А. Культурные железные скифского и предскифского времени.— Новое в советской археологии. М., 1965.
51. Іллінська В. А. Про походження і етнічні зв'язки племен скифської культури Посульсько-Донецького Лісостепу.— Археологія, т. XX. К., 1966.
52. Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. К., 1968.
53. Іллінська В. А. Из неопубликованных материалов скифского часу в лівобережному Лісостепу.— Археологія, т. XXI. К., 1968.
54. Ильинская В. А. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры.— СА, № 2. М., 1969.
55. Іллінська В. А. Андрюфаги, меланхлени, будини або скіфи? — Археологія, т. XXIII. К., 1970.
56. Ильинская В. А. Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье.— Автореферат докторской диссертации. М., 1971.
57. Іллінська В. А. Золоті прикраси скифського архаїчного убору.— Археологія, т. IV. К., 1971.
58. Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, № 2. М., 1971.
59. Ильинская В. А. О бронзовых наконечниках стрел так называемого жаботинского и новочеркасского типов.— Тези пленарних і секційних доповідей XV наукової конференції ІА АН УРСР. Одеса, 1972.
60. Іллінська В. А., Тереножкін О. І. Археологія Української РСР, т. II, ч. I. «Скифський період». К., 1972.
61. Ильинская В. А. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р. Тясмин.— СА, № 3. М., 1973.
62. Іллінська В. А. Про бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів.— Археологія, т. XII. К., 1973.
63. Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры.— Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
64. Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, № 50. М.—Л., 1956.
65. Кияшко В. Я. Раскопки Константиновского поселения. Археологические открытия 1968 г. М., 1969.
66. Ковпаненко Г. Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы.— КСИА, вып. 12. К., 1962.
67. Ковпаненко Г. Т. Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е.— Археологія, т. XX. К., 1966.
68. Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища.— Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., вып. I. К., 1967.
69. Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі. К., 1967.
70. Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища.— Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. 2. К., 1968.
71. Крупнов Е. И. Жемталинский клад. М., 1952.
72. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
73. Лагодовська О. Войцеховський могильник бронзової доби на Волині.— Археологія, т. II. К., 1948.
74. Лагодовська О. Ф., Захарук Ю. М. Нові дослідження Войцеховського могильника.— АП, т. VI. К., 1956.
75. Латышев В. В. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916—1917 гг.— Сообщение ГАИМК, т. I. Л., 1927.
76. Лесков А. М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К., 1967.
77. Лесков А. М. Кировское поселение.— Древности Восточного Крыма. К., 1970.
78. Либеров П. Д. Скифские курганы Киевщины.— КСИМК, вып. XXX. М.—Л., 1949.
79. Либеров П. Д. Курганы у с. Константиновка.— КСИМК, вып. XXXVII. М.—Л., 1951.
80. Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— ВССА. М., 1954.
81. Либеров П. Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца.— МИА, вып. 113. М., 1962.
82. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965.
83. Либералов П. Д. Проблема будинов и гелюнов в свете новых археологических данных.— Население Среднего Дона в скифское время.— МИА, № 151. М., 1969.
84. Лукьян Л. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии.— Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1941.
85. Макаревич М. Л. Археологічні дослідження в с. Білий Камінь.— Трипільська культура, т. I. К., 1940.
86. Манцевич А. П. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве.— СА, № 2. М., 1958.
87. Манцевич А. П. О пластине из кургана Карагодеуаш.— АСГЭ, вып. 6. Л., 1964.
88. Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи.— АСГЭ, вып. 8. М.—Л., 1966.

89. Махно Е. В., Шарафутдінова І. М. Могильник эпохи пізньої бронзи поблизу хутора Компаніївці на Дніпрі.— Археологія, т. VI. К., 1972.
90. Магура С. Дві мідні посудини з Черкащини.— Хроніка археології та мистецтва, ч. I. К., 1930.
91. Мелюкова А. И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии.— КСИИМК, вып. 56. М., 1954.
92. Мелюкова А. И. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—53 гг.— Известия Молдавского филиала АН СССР, № 25. Кишинев, 1955.
93. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья.— МИА, № 64. М., 1958.
94. Мелюкова А. И. Работы в Поднепровье в 1958 г.— КСИА, вып. 84. М., 1961.
95. Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины.— МИА, вып. 115. М., 1962.
96. Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, вып. ДІ—4. М., 1964.
97. Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в Лесостепной Молдавии.— СА, I. М., 1972.
98. Мельник Е. Раскопки курганов в Харьковской губернии, 1900—1901 гг.— Труды XII АС, т. I. М., 1905.
99. Мельниковская О. Н. Могильник у с. Долинское Черниговской области.— КСИИМК, вып. XXXIV. М.—Л., 1950.
100. Мельниковская О. Н. Археологические разведки на поселении у с. Цехнауцы.— КСИИМК, вып. 56. М., 1954.
101. Минаева Т. М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее.— Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 8. Ставрополь, 1956.
102. Мовша Т. Г. Погребение предскифского времени у с. Коломийщина.— Новое в советской археологии, МИА, № 130. М., 1956.
103. Онайко Н. А. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII—VI вв. до н. э.).— СА, № 2. М., 1960.
104. Онайко Н. А. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (IV—II вв. до н. э.).— СА, № 1. М., 1962.
105. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, вып. ДІ—27. М., 1966.
106. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, вып. ДІ—27. М., 1970.
107. Пассек Т. С. Археологические разведки в Молдавии.— КСИИМК, вып. XXVI. М., 1947.
108. Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э.— МИА, № 96. М., 1961.
109. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. ДІ—4. М., 1967.
110. Петренко В. Г. Задачи и тематика конференции.— Проблемы скифской археологии. М., 1971.
111. Петровська Є. О. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині.— Археологія, т. XXI. К., 1968.
112. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур III. Ереван, 1955.
113. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Л., 1970.
114. Покровська Є. Ф. Розкопки біля с. Макіївки.— АП, т. II. К., 1949.
115. Покровська Є. Ф. Поселення передскіфського часу в басейні р. Тясмин.— Археологія, т. V. К., 1951.
116. Покровська Є. Ф. Поселення VIII—VII ст. до н. е. на Тясмині.— Археологія, т. VII. К., 1952.
117. Покровская Е. Ф. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен Правобережного Приднепровья (бассейн р. Тясмин) в VIII—VII вв. до н. э.— Автореферат кандидатской диссертации. К., 1953.
118. Покровська Є. Ф. Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмин.— Археологія, т. VIII. К., 1953.
119. Покровська Є. Ф. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи.— Археологія, т. XI. К., 1957.
120. Покровська Є. Ф., Петровська Є. О. Поселення кінця епохи бронзи біля села Велика Андрусівка.— Археологія, т. XIII. К., 1961.
121. Покровская Е. Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин.— КСИА, вып. 12. К., 1962.
122. Покровська Є. Ф. Кургани біля с. Сеньківки. Археологія, т. XVIII. К., 1965.
123. Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г.— МАР, № 31. СПб., 1911.
124. Пузикова А. И. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г.— Население Среднего Дона в скифское время.— МИА, № 151. М., 1969.
125. Рабинович Б. З. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья.— СА, № 1. М., 1936.
126. Розенфельд Р. Л. Алчедарские курганы.— Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5. Кишинев, 1955.
127. Самоквасов Д. Я. Могила русской земли. М., 1908.
128. Самолюковский І. М. Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 рр.— АП, т. III. К., 1952.
129. Сибилов Н. В. Древности Изюмщины, вып. I. Изюм, 1926.
130. Скородумов А. С. Почвы Черного леса. К., 1954.
131. Скуднова В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии.— ТГЭ, VII. Л., 1962.
132. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вып. ДІ—9. М., 1963.
133. Смирнова Г. И. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Маюла Черновицкой обл.— КСИИМК, вып. 70. М., 1957.
134. Смирнова Г. И. Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи на Пруте.— АСГЭ, в. II. Л., 1969.
135. Смирнова Г. И. Новые исследования поселения Магала.— АСГЭ, вып. 14. Л., 1972.
136. Смоличев П. Наукові дослідження на території Дніпробуду.— НА ІА ВУАК, ДН, № 79а. 1930.
137. Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М. Курганы у с. Огородное.— Материалы по археологии Северного Причерноморья Одесса, 1970.
138. Тереножкин О. І. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області.— Археологія, т. VII. К., 1952.
139. Тереножкин А. И. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап). М., 1954.
140. Тереножкин О. І. Курган біля с. Глеваха.— Археологія, т. IX. К., 1954 а.
141. Тереножкин А. И. Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Новогеоргиевска в 1956 г.— КСИА, вып. 8. К., 1959.
142. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. К., 1961.
143. Тереножкин О. І. Поховання епохи бронзи біля с. Солонець.— Археологія, т. XVI. К., 1964.
144. Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода.— СА, I. М., 1965.
145. Тереножкин А. И. Погребения раннего скифского времени у с. Рыжановки.— Новое в советской археологии. МИА, № 130. М., 1965.
146. Тереножкин А. И. Киммерийцы и Кавказ.— Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тезисы докладов секционных и пленарных заседаний. Тбилиси, 1971.
147. Тереножкин А. И. Скифская культура.— Проблемы скифской археологии. М., 1971.
148. Тереножкин А. И. Позднекиммерийский орнамент.— Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972.
149. Тереножкин А. И. Начало железного века на юге Европейской части СССР.— Тезисы пленарных и секционных докладов XV научной конференции Института археологии. 1972.
150. Тереножкин А. И. Бронзовые кинжалы предскифского периода.— Сб. в честь Е. И. Крупнова. М., 1973.

151. Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, № 3. М., 1972.
152. Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи.— СА, № 2. М., 1966.
153. Третьяков П. З. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину.— АП, т. I. К., 1949.
154. Трубаев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
155. Ханенко В. Н. и Ханенко В. И. Древности Приднепровья, т. VI. К., 1907.
156. Халиков А. Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века.— СА, № 3. М., 1963.
157. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
158. Халиков А. Х. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья.— Древности Восточной Европы.— МИА, № 169. М., 1969.
159. Хвойка В. В. Раскопки курганов при с. Оситняжке Чигиринского уезда Киевской губернии.— АЛЮР, № 1—2. К., 1904.
160. Чередищенко Н. Н. История срубных племен Подонья.— Автореферат кандидатской диссертации. К., 1973.
161. Черненко Е. В. Скифский доспех. К., 1968.
162. Черненко Е. В. Скифські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова.— Археологія, т. XXIII. К., 1970.
163. Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965.
164. Черняков И. Т. Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одессчине.— Археологические исследования на Украине в 1968 г., вып. III. К., 1971.
165. Черных Е. Н. Из истории металлургии племен эпохи бронзы в Поволжье и Приуралье.— Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. К., 1967.
166. Шапошникова О. Г. Погребения скифского воина на Ингуле.— СА, № 3. 1970.
167. Шарафутдинова Э. С. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на нижнем Дону.— Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1971.
168. Шарафутдинова Э. С. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобяковской культуры).— СА, № 2. М., 1973.
169. Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии.— Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972.
170. Шмаглей Н. М., Черняков И. Т., Алексеева И. Л. Курганы нижнего Подунавья.— Археологические открытия 1970 г. М., 1971.
171. Шовкопляс І. Г., Максимов Є. В. Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі.— Археологія, т. VII. К., 1952.
172. Шовкопляс І. Г. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі.— Археологія, т. IX. К., 1954.
173. Шовкопляс І. Г. Середньодністровська експедиція 1949—1951 рр.— АП, т. VI. К., 1956.
174. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
175. Шрамко Б. А. Металеві знаряддя виробництва Лісостепної Скіфії (ножі).— Питання історії народів СРСР, вип. I. Харків, 1965.
176. Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии.— Проблемы скифской археологии. М., 1971.
177. Шепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя.— КСИА, вып. 12. К., 1962.
178. Яковенко Э. В. Курган на Темир-Глре.— СА, № 3. М., 1972.
179. Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э.— Труды ГИМ, вып. 36. М., 1959.
180. Börg I. Frühe Lowen.— Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts Athenische Abteilung. Band 76. Berlin, 1961.
181. Bulletin de correspondance Hellénique. IXXXIII, 1959—II. Paris.
182. Cetăuia dela Stoicani, 1953 (V Așezarea hallstattiana). Materiale arheologice privind istoria veche a R.P.R., vol. I. București, 1953.
183. Dragomir I. T. Le dépôt de l'âge du bronze tardif de Băleni.— Inventaria archaeologica, Corpus des ensembles archéologiques. Roumanie, t. 4. București, 1967.
184. Dumitrescu V. La nekropole tumularie du premier âge du fer de Basarabi (Dér. de Dolj. Olténie).— Dacia, t. XII. Bururești, 1968.
185. Ebert M., Schliz A. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn Gouv. Cherson (Süd-Russland).— Prähistorische Zeitschrift, Band V. Berlin, 1913.
186. Florescu A. C. Sur les problèmes des bronze tardif Carpat—Danubien et nord—ouest Pontique.— Dacia, XI, 1967.
187. Ghirshman R. Iran. Protoiranien. Meder, Achameniden. München, 1964.
188. Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
189. Kemenczei T. Az öskor művészetének emlékei a Herman Ottó Múzeumban.— A miskolci Herman Ottó muzeum Köslemenyai, 9, 1971.
190. Makarenko N. La civilisation des Scythes et Hallstatt.— ESA, V. Helsinki, 1930.
191. Morints S. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube a la lumière des fouilles de Babadag.— Dacia, VIII. București, 1964.
192. Поповъ Р. Могильникъ гробове при с. Ендже.— Известия на българския археологически институт, т. VI, 1930—1931. София, 1932.
193. Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit in Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
194. Smirnowa G. I. Keřamiki ve středním Podněstri.— Archeologické roshledy, XVII, I. Praha, 1967.
195. Sommerfeld W. Naczynie miedziane halszackie z Ukrainy.— Swiatowit, XVII. Warszawa, 1938.
196. Sulimírski T. Barrow-grawe at Komarov.— Bulletin 4 of the Institute of Ion Nestor. Depoi de bronzes de niedgidia.— Dacia, V. București, 1935.
197. Tasič N. The Bosut group of the Basarabi complex and the «traco-cimmerian» finds in Jugoslaw region along the Danube and the Central Balkans.— Balkanika, Annuaire de l'Institut des études Balkaniques, II. Belgrad, 1971.
198. Vulpe A. I. Traci si iliri et Basarbi — Kultur.
199. Vulpe A. I. Zur mittleren Hallstattzeit im Rumanien (Die Basarabi — Kultur).— Dacia IX. București, 1965.
200. Vulpe A. I. Necropola hallstattiană de la Ferigile. București, 1967.
201. Cičikowa M. Nouvel les données sur la culture Hallstatt.— Thracia, I. Serdicac, 1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ГАИМ	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии
ДП	— Древности Приднепровья
Древности	— Труды Московского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
Каталог ... АС	— Каталог выставки ... Археологического съезда
КИМ	— Киевский государственный исторический музей
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МРЗ	— Д. Я. Самоквасов, Могилы Русской земли. М., 1908
ОАК	— Отчет археологической комиссии
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
Смела I, II, III	— А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, 1887 г.; т. II, 1894; т. III, 1901
СА РАНИОН	— Секция археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Труды ... АС	— Труды ... Археологического съезда
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. РАННЕСКИФСКИЕ КУРГАНЫ БАССЕЙНА р. ТЯСМИН (СВОД ИСТОЧНИКОВ) . . .	10
Глава II. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ . . .	56
Глава III. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД	73
Глава IV. ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ .	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
ЛИТЕРАТУРА	215
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	222